

КОЛЕСНИЦА
СОЛНЦА

КОЛЕСНИЦА СОЛНЦА

*Восемь тетрадей
индийской
классической лирики
в переводах
С. СЕВЕРЦЕВА*

Москва
Главная редакция
восточной литературы
1991

**ББК.84(5 Ид)
К60**

**Ответственный редактор
Г. Б. ЯРОСЛАВЦЕВ**

**Предисловие,
примечания и глоссарий
Ю. В. ЦВЕТКОВА**

**Художник
В. Б. ПЕРЕБЕРИН**

К60 **Колесница Солнца. Восемь тетрадей индийской классической лирики в переводах С. Северцева.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991.— 336 с. ISBN 5-02-017012-7**

В сборнике представлены избранные лирические произведения многих крупнейших индийских поэтов начиная со II в. и до наших дней, в чьих стихах воспеваются мудрость, правдивость, чистая и страстная любовь, верность, мужество, благородство и другие высокие душевные качества человека.

К $\frac{4701000000-008}{013(02)-91}$ 130-91

ББК.84(5 Ид)

ISBN 5-02-017012-7

**© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991.**

...Семь кобылиц
по крутым небесам
влекут твою
колесницу,
Пламенно-власый,
ты тьму сжигаешь
радостно и легко,
И все, что дышит,
видит и слышит,
к свету —
к тебе стремится,
О славный Сурья,
о наш Солнцебог,
о Видящий далеко!..

*«Ригведа»
II тысячелетие до н. э.*

Поэзия мудрости, любви и надежды

*...Заря над миром празднично блистает,
Туманы тают, сонм лучей взлетает,—
К нам из дворца подземного стремится
Бог Солнца на блестящей колеснице.
Поет листва, ликуют звери, птицы,
И даже камни рады пробудиться,
С улыбкой доброй смотрит людям в лица
Бог Солнца на летящей колеснице.
Тьму он поверг копьем своим геройским,
И прочь уходит Ночь с угрюмым войском...
Бесстрашно мчится, рушит все границы
Бог Солнца на слепящей колеснице!..*

Хариваншрай Баччан

Разгорается заря над зелеными просторами Индии. В этот ранний час тысячи и тысячи ее тружеников по старинной традиции встречают утро напевными строками «Гаятри Мантры» — древнего, радостного приветствия восходящему солнцу:

*Оум!.. Да будем мы созерцать
Твою божественную лучезарность!
Пусть вдохновит и озарит светлое сияние
Все наши мысли!.. Оум! Оум!..*

И наверное, в эти рассветные минуты, когда яркое светило всплывает над краем земли, в воображении многих индийцев возникает, пусть теперь лишь светлым поэтическим видением, знакомый им с детства, старинный мифологический образ лучезарного Сурьи — благодатного бога Солнца. В золотой ослепительной одежде, на золотой сверкающей колеснице, влекомой семью могучими небесными конями, устремляется он по крутой

лазурной дороге, простирая над миром свои светящиеся руки и щедро рассыпая горячие лучи, дарующие радость и силы всему живому на Земле.

«Пусть вдохновит и озарит светлое сияние все наши мысли!» — в этих торжественных словах возвышенного гимна, с древнейших времен сохранившегося в народной памяти, можно ощутить глубинные основы всей индийской поэзии: мудрость, любовь и надежду.

Поэзия Индии... Многовековая, многогранная, многоязычная... Огромный и сложный путь прошла она за четыре тысячи лет своего развития: от величавых молитвенных гимнов «Ригведы», от насыщенных суровой мудростью великих древних эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна», через многие века богатейшей санскритской литературы, а затем через обширную средневековую поэзию, создававшуюся на основе индуизма, ислама, сикхизма, джайнизма и других религиозно-этических учений. Но, несмотря на этот громадный временной диапазон, на идейное, языковое, жанровое и стилистическое многообразие, вся индийская поэзия — в своих глубинных основах — является единым комплексом, единым массивом среди крупнейших массивов мировой культуры.

Если творчество каждого поэта или поэтической плеяды представить себе в виде отдельной тетради, то вся многовековая индийская поэзия превращается как бы в исполинскую, поражающую разнообразием книгу, сшитую из множества этих тетрадей неутомимыми руками Времени. Всего лишь восемь таких тетрадей — из числа самых ярких и характерных — были выбраны переводчиком для сборника «Колесница Солнца».

Несколько слов об этих восьми разделах сборника.

«Песни дальних селений»... Короткие песенки, отобранные для этого раздела, взяты из знаменитой пракритской антологии «Семьсот строф», составителем которой считается Хала Сатавахана, один из правителей Махараштры — центральной области Индии. В антологию вошли избранные лирические миниатюры многих поэтов — лучшие образцы пракритской поэзии II—

XI вв., т. е. почти за десять столетий. Собранные воедино, эти короткие стихи образуют как бы многоцветную мозаичную панораму, унося наше воображение в далекое прошлое и живо, ярко, достоверно рассказывая о трудах и праздниках, радостях и горестях простых поселян, живших в те давние времена на благодатной индийской земле. Думается, что многие читатели по достоинству оценят особое обаяние этих поэтических миниатюр, их эмоциональную тонкость и задушевность, реалистическую правдивость отдельных бытовых сценок, мудрый, а порой задорный и дерзкий народный юмор.

«Шесть времен года»... Эти циклы лирико-пейзажных строф, приписываемых прославленному санскритскому драматургу и поэту V в. Калидасе, глубоко погружают нас в красочный мир индийской природы и в созвучные со всеми ее переменами яркие и прихотливые душевные переживания поэта.

«Узоры любви»... Удивительной изощренности и изящества, тонкого психологизма достигла индийская любовная лирика еще полторы тысячи лет назад. Об этом можно судить по избранным лирическим миниатюрам из цикла «Узоры любви», автором которого многие индийские исследователи считают великого Калидаса, из «Ста строф» тонкого и лукавого лирика Амару, а также из замечательной антологии «Сокровищница изящных речений», в которой буддийский ученый XI в. Видьякара собрал около двух тысяч лирико-философских стихов, созданных большой плеядой лучших санскритских поэтов.

«Три свитка раздумий»... Подобно древнему свитку разворачивается перед взором читателя каждый из трех лирико-философских циклов, составляющих книгу «Три стострофия» знаменитого санскритского поэта и ученого VI—VII вв. Бхартричари, широко известную в Индии, привлекающую глубокое внимание Спинозы и Гёте и с тех пор давно уже признанную одним из шедевров мировой поэзии. Творчество этого поэта представляет большой интерес для современных читателей прежде всего как широкая, красочная и достоверная картина жизни,

обычаев, философских воззрений и социальных противоречий его эпохи. При этом стихи Бхартрихари поражают разнообразием поэтической образности, а их гуманистический пафос не утратил своей нравственной силы и в наши дни.

«На берегу Ямуны»... В этот раздел вошли стихи, посвященные одному из самых любимых и популярных в Индии мифологических героев — Кришне. Из необозримой кришнаитской поэзии выбраны для данного сборника произведения двух крупнейших поэтов XIV—XVI вв.: лирические стихи-песни Видьяпати, посвященные любви юноши-пастуха Кришны к юной пастушке Радхе, и отдельные песнопения из знаменитой «Кришнаяны» Сурдаса — огромного свода стихов, представляющих собой великолепное поэтическое жизнеописание Кришны — от его рождения до великих подвигов.

«Ветви невянущей мудрости»... Чеканные и немногословные, порой укоризненные, горькие, гневные, но при этом проникнутые теплом подлинной доброты и сострадания — таковы вошедшие в этот раздел лирико-философские двустишия выдающихся индийских мыслителей и поэтов XV—XVII вв. — Кабира, Тулсидаса, Рахима... Не религиозная проповедь любви и преданности верховному божеству, а суровая, но всегда справедливая народная мораль — вот источник впечатляющей силы этих звучащих откровенно и твердо, словно строгие наставления, стихотворных изречений старинных поэтов-правдолюбцев, чьи строки подобны живым ветвям вечнозеленого древа восточной мудрости.

«Огненная чаша»... Индийская лирика на фарси и урду — пламенная, страстная, экстагичная... Певучие строки ее газелей и рубаи, собранных в этом разделе, полны то горячих молений, то горестных жалоб, то восторженных признаний, обращенных к желанной божественной красоте, предстающей в облике восхитительной, но своенравной, непостижимой и недостижимой возлюбленной. Получившая широкое распространение в период расцвета империи Великих Моголов (середина XVI—XVII в.), эта лирика вобрала в себя изоциренность персидской

поэтики, сложность и богатство суфийской символики, сочетав их с мудростью и красочностью традиционной индийской классики. Огромной огненной чаше можно уподобить мир этой бурной, страстной лирики: до самых краев наполнена она горячими чувствами любви и страданий, восторга и отчаяния, и высоко взмещаются над ней, словно языки пламени, вдохновенные голоса лучших поэтов последних пяти столетий — Амира Хосрова Дехлеви и Бедия, Мирзы Галиба и Мухаммада Икбала.

«З о л о т а я л а д ь я»... Так озаглавлено одно из самых известных стихотворений классика индийской поэзии XX века Рабиндраната Тагора. Сменяются года и века, многое теряется, забывается, но все лучшее, что было создано самыми мудрыми и вдохновенными творцами, собирается и хранится в благодарной памяти человечества — в золотой ладье, бережно несущей эти заветные творения по широкой реке времен, навстречу будущему. Из громадного творческого наследия Тагора в данный сборник вошли лишь отдельные стихи и лирические миниатюры, характерные для основных этапов эволюции тагоровской поэзии. А еще одно яркое и мудрое стихотворение Тагора, отражающее его мысли о высокой благородной миссии поэта, о самоотверженном творческом труде, служит достойным вступлением ко всей этой книге.

Предлагаемый вниманию читателей небольшой сборник не претендует на антологичность. Для систематически составленной антологии индийской классической лирики — более чем за двадцать веков ее развития — потребовался бы по меньшей мере солидный поэтический том. Наша книга отражает лишь несколько ярких граней той огромной, несметной сокровищницы, какой предстает лирическая классика Индии. Однако и по отдельным избранным образцам можно судить о необычайном разнообразии, глубокой старинной мудрости и неповторимой красоте этого богатейшего поэтического мира.

Каждая книга индийской литературы, изданная в нашей стране, — это новый вклад в укрепление братской дружбы между народами Индии и Советского Союза. В этом благородном деле

великая заслуга наших литераторов, отдающих свой труд и свой талант переводам лучших произведений индийских писателей.

В 1984 году большой друг нашей страны Индира Ганди, всегда с глубоким вниманием и заботой относившаяся к развитию советско-индийских культурных связей, в своем письме дала высокую оценку вышедшему в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» сборнику классической поэзии «Великое древо»:

«Мне перевели с русского его оглавление, и я была глубоко тронута, узнав, что наши великие классики Тулсидас, Сурдас, Кабир, Видьяпати, а также выдающиеся поэты этого столетия Тагор и Икбал могут теперь быть прочтены и услышаны на русском языке... Литературное творчество русского поэта Сергея Северцева известно в Индии уже довольно давно. Его переводы познакомили русских читателей с лучшими произведениями почти ста известных классических и современных индийских поэтов, а также с несколькими фрагментами из великих эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна». Как поистине благородна эта миссия поэта-переводчика! Она подобна сплетанию многоцветных и ароматных гирлянд дружбы — гирлянд из нежных и мудрых цветов русской и индийской поэзии!...»

...Разгорается заря над зелеными просторами Индии. По старинному народному обычаю, тысячи голосов протяжными напевами приветствуют появление Солнца — лучезарного Сурьи на его сверкающей, золотой колеснице... Этот древний мифологический образ обрел в наши дни новый, современный смысл: изображение солнечного бога, правящего небесной колесницей, было выбрано эмблемой совместного советско-индийского космического полета. И в памятный день — 3 апреля 1984 года, собираясь вместе со своими советскими друзьями устремиться в безбрежные просторы, первый в истории Индии космонавт Ракеш Шарма произнес прекрасные, согреты искренними братскими чувствами слова:

«Мне бы хотелось посвятить этот космический полет вечной дружбе между нашими великими народами!»

И снова вспоминаются прекрасные строки безымянного древнеиндийского певца, создавшего сорок веков назад мощный и светлый «Гимн богу Сурье»: «Пусть от всевидящего солнца в страхе скроется тьма!..» Как удивительно живо, почти дословно переключаются эти слова со страстной, призывной пушкинской строкою: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Ю. В. Цветков

*Светлой памяти
моей матери
Марии Ивановны
КОРОВИНОЙ-СЕВЕРЦЕВОЙ
посвящаю
эту книгу*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мне было семь лет, когда лишь мгновение
Глядел я в глаза Тагора,
И взор мой сберег доброту и строгость,
Печаль и тепло его взора.
А в десять, зимой, я был отнят у смерти,
И помню: под посвист метели
Про Маугли книжку мне мама читала
Всю ночь у больничной постели.
В тринадцать не мог я уже оторваться
От дивных строк «Гитанджали»:
Алтарным огнем они грудь обжигали,
Целебным ручьем освежали,
И чудилось: в тайных пещерах Эллары,
Святым наставлениям внемлю...
Лишь в тридцать я вышел к побережью Ганги —
Ступил на праотчую землю.
Здесь может любой старик показаться
Агастью — пророком мудрым,
А юноша — стройным флейтистом Кришной,
Земным божеством чернокудрым.
А стройная девушка в скромном сари —
Стыдливой, но гордой Ситой,
Лучистой звездой, оброненной с неба,
Средь пыльных дорог забытой.
Здесь кажется месяц над кровлями храмов
Челном в синеморье волшебном,
Полуночный ветер — напевом хвалебным,
Созвездья — святым молебном.
А утром над пышными кронами Солнце
Стремится могучим возницей —
Свергающим сумрак и правящим смело
Блистательной колесницей!..

(Из цикла «Любовь моя — Индия»)

КОЛЕСНИЦА
СОЛНЦА

ВСТУПЛЕНИЕ

*Из «Гирлянды песен»
Рабиндраната
Тагора*

ТВОЙ ВЕЧНЫЙ ЗОВ

1

Твой зов? Опять твой зов?..

.....

*Я за́ день сделал все, что мог,
и разве не закончил в срок
своих дневных трудов?*

*Уединясь в глуши лесной,
тебе я вновь венок цветной
сплел из певучих строф.*

*Сперва, прохладен и румян,
сквозь сеть запутанных лиан
рассвет сиял в лесу.*

*Потом был день — палящий, злой:
до капли выпил жадный зной
цветочную росу.*

*Но вот закат расцвел костром —
сейчас отчалит наш паром,
неся друзей-певцов*

*По сонной глади мощных вод
на берег тот, где отдых ждет...
И вдруг опять
твой зов?*

2

*Там, на побережии крутом,
проходит в сари золотом
богиня древних грез,
Скользит в туманном далеке,
и полон звезд в ее руке
сапфировый поднос.*

*От всех тревог, от всех забот
их тихий блеск уплыть зовет
в мерцающий простор...
А ширь речная — все темней:
густеет тьма — и тонет в ней
мой истомленный взор.*

*Паром еще у сходней ждет —
меня с друзьями отвезет
туда, где добрый кров,
Где у домашнего огня
так сладок отдых для меня...
Но вот опять
твой зов?..*

*Из-за лесов, холмов, хребтов,
прекрасен, властен и суров,
ко мне летит
твой зов!*

*Ты милосердна, ты нежна,
но и тверда, но и грозна,
Властительница-Мать:
Весь труд дневной тебе дарю,
теперь и отдых — ночь мою —
велишь тебе отдать?*

*Как я послушаться могу?
Ты веришь в старого слугу,
Мой дух не оскудел!..
Останусь здесь... Уплыл паром
туда, где жертвенным костром
день за рекой сгорел.*

*Один сижу, затеплив свет,
в той хижине, где много лет —
алтарь моих трудов.
Чело молитвенно склонив,
жду, терпелив и молчалив:
что возвестит `
твой зов?*

*О Мать, в полночный, звездный час
всегда слышней мне твой приказ —
пророческий
твой зов.*

*Что должен сделать я, ответь!
Что обличить и что воспеть?
Что людям передать?*

*Что за пророчества твои
о мире братства и любви
вписать в мою тетрадь?*

*Твой голос, полный вечных чар,
в стихи вплетать — вот дивный дар,
судьбой врученный мне...*

*Но если хоть на миг мой мозг
расслабится, как теплый воск,
в дремотной тишине,*

*С пренебреженьем не гляди,
упреков строгих не тверди:
среди вековых дерёв,*

*Ты видишь, не смыкая глаз,
во тьме лесной, как много раз,
жду и ловлю
твой зов!..*

*Светлей, чем песнь небесных дев,
надежды полон твой напев,
звон вещей слов —
твой зов.*

*Давно из-за священных гор
торжественный вознесся хор
и в синей тьме умолк:*

*Всем на земле поведал он,
что на сегодня завершен
их каждодневный долг.*

*Над миром спящим, с высоты,
роняя сказки и мечты,
мерцает Млечный мост.*

*Спит зверь в убежище лесном,
и птахи спят беспечным сном
в тепле укромных гнезд.*

*И для людей приют готов —
под крозлями лачуг, дворцов,
скитальческих шатров...*

*Все спит... Так почему лишь мне —
лишь старцу в снежной седине —
поет, звучит
твой зов?*

*О чем?.. О дальнем, светлом дне —
всемирной будущей весне —
вещает мне
твой зов!*

*И взяться за перо спешу,
и все взволнованней пишу,
стремлюсь, чтоб твой призыв —
Ручьи добра, мечты, любви
текли, текли в стихи мои,
их в гимны превратив!*

*И вновь мой голос свеж и юн,
звон все смелее строчек-струн,
нежданней их игра —
Так пусть в боренье с тьмой густой
светильник одинокий мой
не гаснет до утра!..*

*Но знаю: скорбную резьбу
все глубже чертит мне на лбу
боль прожитых годов.
Хоть и приходит мудрость с ней,
но все же с каждым днем трудней
мне различать
твой зов.*

*Да, простодушней, но вольней
пел я под небом юных дней,
и как был нов
твой зов!*

*А ныне... Мало ли других
певцов бесстрашных, молодых
служить тебе хотят?*

*Любой, услышав голос твой,
сейчас, как я, в глуши лесной
трудиться был бы рад.*

*И все же к старику, ко мне,
в священно-строгой тишине
воззвала ты опять:*

*Из многих, что приказа ждут,
мне снова свой заветный труд
велишь ты продолжать.*

*И в хижине лесной таясь,
над свитком песенным склонясь,
вновь я не спать готов,*

*Вновь, как восторженный жених
гирлянду лотосов цветных,
хочу нести
твой зов!*

*Глаз не смежая до утра,
я в строки братства и добра
преображу
твой зов.*

*Когда ж, твой верный, дряхлый жрец,
почую близкий свой конец,
последний мой рассвет
Я песней встретить бы хотел —
такой же солнечной, как пел
во цвете пылких лет.*

*Потом заветную тетрадь
хочу вернейшему отдать
из новых слуг твоих —
Ему успею рассказать,
как на певучий стих низать
певучий жемчуг-стих...*

*Но горе!.. Слышу все ясней
железный гул грозящих дней —
войны драконий рев...
Ужель грома́ стальных армад
сердца несчастных оглушат —
и заглушат
твой зов?*

*Ужель на землю хлынет ад
и рухнут с неба огонь и град
и — умертвят
твой зов?..*

*Нет!.. Ни орудий хищный рык,
ни брань, ни плач, ни злобный крик,
ни ядер жадный вой*

*От нас, о Мать, не заслонят
летающий из хрустальных врат
бессмертный голос твой!*

*И в тайниках, при ночниках,
презрев гонения и страх,
мы, бдители твои,*

*Сурово будем продолжать
за гимном светлый гимн слагать
добру, заре, любви...*

*И в день внезапной тишины,
прокляв безумный пир войны,
дух мщенья поборов,*

*Мильоны алчущих сердец
услышать смогут наконец
спасительный
твой зов.*

*Шагнет на свет наш давний труд:
в тот час братанья все поймут,
что возвещал
твой зов!*

ПЕСНИ
ДАЛЬНИХ
СЕЛЕНИЙ

*Из пракритских
лирических
двустийий*

ХАЛА САТАВАХАНА
(I тысячелетие н. э.)

Из антологии «Семьсот строф»

ИЗ «ПЕРВОГО СТОСТРОФИЯ»

Из десятка миллионов напевных двустипий,
изукрашенных перлами вдохновенья,
Семь отобранных сотен в свое собранье
взял ценитель поэтов по имени Хала.

*

Прославляю этот обряд закатный —
блеск реки в ладонях могучего Шивы,
А в реке — лицом его Гаури гневной —
багровеет луна, словно жертвенный лотос¹.

*

Сев на лotosовый широкий лист,
на воде чуть покачивается птица —
Будто яркая раковина лежит
на подносе из чистого изумруда.

*

Погляди-ка, подружка: цветущие гуши
ярких лотосов, так украшавших селенье,
Побледнели в дни стужи — стали похожи
на кунжутное поле после уборки ².

*

Путь любви, о подруга моя, причудлив,
словно вьющийся стебелек — извилист.
Так не плачь, не плачь, от меня отвернувшись,
опустив лицо — луну на закате.

*

От рассерженной матери удирая,
обезьянкой пугливой малыш взобрался
На отцовские плечи — и мать улыбнулась,
хоть еще прерывисто, гневно дышит.

*

Ты не злись, молодая хозяйка, что угли
в очаге так долго раздуть не можешь,—
Хочет даже огонь ароматом упиться
алых губ твоих — лепестков паталы.

*

Кто милей застенчивой, простодушной
молодой жены, впервые понесшей?
Ей подруги: «Что больше всего желаешь?» —
а она смущенно на мужа глянет.

*

О Луна-корона! Чаша с нектаром!
О священный знак меж бровями ночи!
Тронь лицо мое тем же перстом лучистым,
что сейчас и лицо любимого трогал.

*

Пусть любимый домой поскорей вернется,
и сердитой, обиженной притворюсь я,
Чтоб меня утешать, уговаривать начал,—
так ведь быть должно у жены счастливой?

*

Ты зачем притворился спящим, любимый,
а ведь сам, чуть щеки коснулась губами,
Запылал, задрожал! Дай-ка рядом лягу,
и не злись — опаздывать больше не буду.

*

Никогда не входи к молодому мужу,
не накрасив лица, не надев украшений:
Если страсть в глазах его не удержишь
удержаться и в сердце его не сможешь.

*

Не поверить на следующее утро,
что меня обучившая за ночь стольким
Ухищреньям любовным, сейчас так скромно,
так смиренно потупясь, мимо проходит.

*

Если черная лань впереди пробежала,
возвращайся обратно — пути не будет.
Как же с милой расстанусь, если сквозь слезы
пробежал ее взор — пара черных ланей?

*

Ты нежней бы стал, если б знал, как горько
пустоту и холод ночью нащупать
Там, где с вечера рядом ты лег, обманщик...
Как другие счастливо спят с мужьями!

*

Мне сегодня вспомнились наши ласки,
а вдали облака рокотали громом,
И казался мне этот гром угрюмой
барабана, гудящего перед казнью.

*

Ты не только, сын старосты, зол и груб,
но и трус — жены как огня боишься.
Ты — как червь, объедающий нимбу! Так что ж
по тебе все девушки наши сохнут?

*

Хоть и горько без ласк, и муж на чужбине,
и соседки распутны, и дом на распутье,
И собой хороша,— это все же не значит,
что развратною стала жена молодая.

*

Милый муж возвратился, в селенье праздник,
отчего ж наряжаться она не хочет?
Опечалить боится соседку-подружку —
до сих пор ее бедный муж на чужбине.

*

Наслаждаясь с новой своей подругой,
лишь тогда о прежней вспомнит счастливец,
Если схожие качества их увидит,
а несхожих качеств их не заметит.

*

Красотой не кичись, молодая гордячка,
наша молодость — будто весенняя речка:
Навсегда беззаботные дни исчезнут,
никогда не вернутся пыльные ночи.

*

«Бессердечный! — так судят тебя соседи.—
Года нет, как женат, а завтра в дорогу!..»
Ночь-владычица, смилуйся! Длись так долго,
чтобы он всю жизнь ожидал рассвета!

*

В первый раз собирается муж в дорогу,
а жена молодая от дома к дому
Ходит вся в слезах: «Научите, соседки,
где берете вы силы в час расставанья?»

*

О скиталец, взгляни: даже тень твоя
в этот жаркий полдень, прячась от зноя,
У тебя под ногами пристанища ищет —
что ж ты сам под кровлей не отдохнешь?

*

Погляди, сынок мой: придя на праздник,
на других парней она и не смотрит,
А тебя только ищет — глазами рыщет,
не боясь насмешек, презрев приличья.

*

Под конец уже тусклым становится праздник,
как тускнеет луна в небесах рассветных,
Как без милых подарков тускнеет счастье,
как тускнеет насытившаяся любовь.

*

Не гляди так тревожно, о ждущая мужа,
обещавшего перед дождями вернуться,
Виндхьи черный склон — это лес горелый,
а не тучи, не новых дождей приближенье³.

*

Обнажится бедро ли мое, плечо ли,
сразу жадно косится он — глаз не сводит,
И, как будто смутясь, поправляю одежду,
но не слишком спешу — пусть глядит подольше!

*

Глянь на стайку спускающихся с поднебесья
попугайчиков пестрых — как будто видишь
Ожерелье из яхонтов да изумрудов,
оброненное с шеи Богиней Неба.

*

Странник греется у костра в лесу,
у пылающей жарко соломы — в деревне,
А вот в городе стынет он — трудно жить
по холодным, враждебным, чужим законам ⁴.

*

Не забыть, как жарко ты запылала,
отворачиваясь от моих поцелуев,
Как взвивались пряди — подобно рою
черных пчел над лотосом ароматным.

*

Что спешишь ты колочкой почистить гребень,
полный желтой куркумы после купанья?
Не таись! Ты кому из наших красавцев
подарить благосклонность свою решила?

*

Исчезает любовь не только в разлуке —
исчезает от слишком частых свиданий,
Исчезает от сплетен людей бесчестных,
а порой сама собой исчезает.

*

Увидал он, что слишком сжал мою руку,
начал дуть на нее — осторожно, тревожно,
И тогда любимого с тихим смехом
я другой рукой обняла за шею.

*

Молви, милый: какие грешки да проступки —
те, что ты совершил, совершишь, совершаешь,—
Могут быть прощены, а какие не могут?
Что на это, бессовестный мой, ответишь?

*

Как умен тот супруг, что жене всплывшей
власть не выказал, нежным рабом притворился,
Ей польстил — он прощен и обласкан будет,
но как жалок упрямый гордец-супруг!

*

Было наше жилище богатым, светлым,
а уехал любимый — и стало печальной,
Чем пустырь за воротами нашей деревни,
где святая смоковница вырвана с корнем.

*

Между бурных ласк наступает затишье,
но едва отодвинется муж хоть немного,
Сразу чудится мне, будто он — на чужбине,
будто я — покинута им навеки.

ИЗ «ВТОРОГО СТОСТРОФИЯ»

Сколько раз мы советовали подружке,
чьа душа горит от стрел Камадэвы,
Чтоб сердитой, обидчивой с милым была,
но, увы, хоть бы раз притвориться сумела!

*

В этих кущах чудесных, у волн Годавари,
вся ты в пышных белых цветах, мадхука,
До земли ты под грузом цветов склонилась,
но поверь: их все понемногу сбросишь!

*

Горько плачет покинутая любимым,
обрывая остатки цветов с мадхуки,
Будто косточки друга находит в пепле,
где его костер догорал погребальный.

*

Не забыть забавы нашей счастливой:
у ступней он моих возлежал, влюбленный,
И со смехом пальцами ног хватала
я за кудри его — да к себе тянула.

*

Вон продрогший на зимнем ветру жестоком
бедный путник у входа в наш сельский храм
Жжет солому, костер ворошит, чтоб повыше,
как ученый медведь, заплясал огонь.

*

Посмотрите-ка, тетушка: кто-то сбросил
небеса голубые в наш пруд деревенский!
Что же заросли лотосов не измяты
и пугливые гуси не разлетелись?

*

«Он совсем еще глупый, невинный ребенок!» —
о сыночке молвила мать Яшода,
И зарделись, смеясь, красавицы Баджа,
страстно глянув тайком на юного Кришну.

*

Долго тучи скрывали вершину Виндхьи,
застилали поросшие лесом склоны,
А теперь расплзаются, прочь уплываюут,
будто кожу менять начала гора.

*

Смотрят дикие жители гор — пулинды,
свои меткие луки держа наготове,
Как по склонам Виндхьи новые тучи
поднимаются стадом громадных слонов.

*

Склоны Виндхьи в подпалинах летних пожаров
засверкали теперь в пене туч осенних,
Будто брызги Молочного Океана⁵
поднялись под руками могучего Вишну,

*

Рассмеялись соседки, когда их подружка,
пеленая первенца, громко сказала:
«И какое мне дело теперь, если муж
перед сном о чем-то меня попросит!»

*

Облик девушки этой, снявшей одежды,
был для наших взоров неожиданным чудом,
Был небесным светом, бесценным кладом,
а по меньшей мере — глотком нектара!

*

Знаю: любишь ее, но женат на мне,
ненавидишь меня, а она — тебя!
Да, дружок-муженек, права поговорка:
«Сколько видов цветов, столько видов любви!»

*

Возле рощи, наполненной звоном пчел,
растревоженной свежим весенним ветром,
О любви и разлуке поет пастушка —
так поет, что шаги замедляет путник.

*

Вот жена молодая — с улыбкой лукавой —
подогрела воды, усадила мужа,
Стала мыть, щекотать, ласкать его ноги,
хоть закат еще не померк над рощей.

*

Что с того, если именем женщины той
он так часто, обмолвясь, меня называет?
Пусть в любви он хоть к ней постоянным будет,
и не смейте, подружки, его упрекать!

*

Как жестокий рок разлучить нас может,
если весь он в глазах у меня остался?
Слышу голос его, помню все наши ласки,
а в груди у меня его сердце бьется!

*

Навзничь упав на постель, зажмурясь,
любимого жаркой мечтой призывая,
Руками, с которых спадали браслеты,
сама себя она обнимает.

*

Если в доме посéлится грубый, бесчестный,
будет вскоре запятнан честнейший дом,
Как чистейшее место запятнано будет
грубым, грязным, замасленным ночником.

*

Бесполезна тень путника в знойный день —
хоть всегда при нем, но не даст прохлады.
Бесполезна вот так же мощна скупца —
хоть всегда при нем, но не даст отрады.

*

О мой левый глаз! Если дрожь твоя
означает, что муж мой сегодня вернется,
То, клянусь, любоваться его лицом,
правый глаз прикрыв, лишь тебе позволю.

*

Ищет встречи с тобой — каждый день по деревне
ходит, ходит она, лютых псов не боится.
Жаль мне девушку: в шахматах этих опасных
не пропала бы, как беззащитная пешка!

*

Не пчела виновата, что пьет нектар
из одних цветов — из других не хочет,
Виноваты лишь сами цветы, если в них
меньше сладости, яркости и аромата ⁶.

*

Взоры лотосов-глаз устремив на дорогу,
ждет жена молодая любимого мужа,
Положив на калитку груди свои,
будто два благодатных, больших сосуда.

*

Эх, дочурка, не плачь!.. На кувшин возле двери
положи тайком хоть несколько свежих,
Ароматных цветов да манговых листьев —
и тогда он отсрочит уход на чужбину.

*

Эту ревность нарочно во мне подруги
разожгли — подглядеть нашу ссору хотели,
Но быстрее, чем сплетник бежит от правды,
унеслась моя злость при твоём появлении.

*

«Это что на груди у тебя, подружка?
Не прилип ли алый цветок кусумбхи?»
И зарделась бедняжка, тщетно пытаюсь
след ногтей стереть — след любовной встречи.

*

О, когда ты сердиться на меня,
отвернешься, лишь изредка глянешь косо,
Эти взоры, в которых мелькает злость,
остриями сердце мне вырывают.

*

Эй, красавец, женских сердец мучитель,
тем, кого не любил ты, и впрямь повезло:
Не вздыхают, тайком не рыдают они,
будто лотосы в дни холодов, не вянут.

*

Будет взор ослеплен самого Камадэвы
в то мгновенье, когда, пробудясь на заре,
Луч, сверкнувший из полуприкрытых глаз,
прорезает туман ее сладкой дремы.

*

О несчастное сердце мое! Всю жизнь
ты терпело мученья страстей любовных.
Не пора ли тебе замолчать и застыть —
только так ты избавишься от страданий.

*

С подчеркнутых ресниц текущие слезы,
словно плотничий, углем натертый шнур,
Расчертили ей грудь — как будто разлука
отмечает, где сердце ее распилить.

*

Вот ревнивец! С подругами лунной ночью
не пустил жену рвать цветы мадхуки,
Сам идет собирать, а красотку, глупец,
на всю ночь одну оставляет в доме!

*

Что, красотка, спешишь, всё назад глядишь,
чтобы сзади не задралась одежда,—
Лучше спереди легкую ткань распусти,
а не то на грудях тяжелых лопнет.

*

На кого здесь могу я игриво глянуть?
С кем могу поделиться грустью и счастьем?
С кем хоть раз пошутить в этом жалком селенье,
где одни глупцы, скупцы да невежи?

*

Даже краешек глаз меня ослепляет,
даже краешек платья ее мне дорог,
Даже краешек дальнего поля ее
на заре я увижу опять — и счастлив.

*

Вот и смерклось, и кончились в поле труды,
а домой не идет еще старый пахарь.
Ах, со смертью любимой его жены
тишина и печаль поселились в доме.

*

Хлещет дождь в прорехи соломенной кровли,
и пугливой ладонью жена молодая
Прикрывает начертанный на полу
день, когда возвратиться должен любимый.

*

За полями, в кустах, на краю Годавари
обезьяна, объевшись ботвой горчицы,
Скачет, кашляет громко: «кхо-кха! кхо-кха!» —
и по брюху гулко себя колотит.

*

О святой паломник, ступай спокойно,
здесь собаки злобной уже не встретишь:
Грозный лев с ней покончил — встретишься с ним
по пути, в том леске у реки Годавари.

*

Алый знак был с утра меж бровями соседки,
а под вечер на губы твои перебрался,
А потом с твоих губ — на мое бедро...
Ну и прытким же он оказался, проказник!

*

Ах, мой глупый! Чем утешать словами,
обними меня лучше, прижми покрепче!
На тебя уже больше не злюсь! И дразнить
я не гнев, а страсть твою собираюсь.

*

Как под солнцем осенним вода в озерах
горяча только сверху, внизу — прохладна,
Так и мудрое сердце в порыве гнева
горячо лишь снаружи, внутри — спокойно.

*

На рассвете отправился в путь любимый,
и какими тоскливыми и пустыми
Сразу стали и дом, и двор, и дорога,
и наш сельский храм, и сердце мое.

*

Не забыть, как любимая, гневом пылая,
отступила, вскричала: «Не прикасайся!»
И прерывист был голос, и тщетно пыталась
удержать она слезы, когда уходила.

*

Глянь, счастливец беспечный, подружка наша —
как богиня, покинутая жрецом:
Ходит с той же гирляндой, давно увядшей,
что на празднике ты ей на шею надел.

*

Дни весны. В селенье полно парней.
Стар супруг. И старое есть вино.
Как мне верность блюсти, молодой, красивой?
Что же мне прикажете — умереть?

ИЗ «ТРЕТЬЕГО СТОСТРОФИЯ»

Ах, любимая тетушка! Грудь моя хочет
разорваться от счастья, любви, волнения!
Не могу вместить эти чувства в сердце —
разве в зеркальце мир уместиться может?

*

Столько не чувствовал я наслажденья
даже в огне нашей первой ночи,
Сколько на следующее утро —
при виде смущенья лотосоглазой.

*

Стайка птиц над зарослями вспорхнула,
и как будто «ах! ах!» вскричали их крылья:
Стыдно видеть, как чья-то жена молодая
в первый раз в кустах отдалась чужому.

*

Не напрасно, сынок, я тебе говорила,
что весной невозможного не бывает.
Почему же тебе не сдалась гордячка,
а как сладко цветы кураваки пахли!

*

Слышь, сынок! Когда от нее ты ушел,
птицей, запертой в клетку, она казалась:
Вдоль забора бежала и в каждую щель
вслед тебе, взволнованная, глядела.

*

— Почему жена так тебе верна,
а вот я грешна — встречаюсь с тобой?
— В целом мире нет красивой такой,
как ты, о лотос мой золотой!

*

Все у нас сгорело, а в сердце — радость,
потому что мы вместе пожар тушили.
Не забыть, как с водою кувшин у тебя
я беру — и встречаются наши руки!

*

Лишь потоки стремительной Годавари
да ненастная ночь нашей тайной встречи
Знают, как я была дерзка и бесстрашна,
знают, как он со мною тогда был счастлив ⁷.

*

Унеслась наша юность, друзей все меньше,
сами день за днем слабеем, стареем.
Так становится роща сухой, оголенной,
если корень за корнем ей обрубают.

*

Хоть близка моя смерть, хоть уже пришел я
помолиться на берег священной Тапти,
А гляжу до сих пор на прибрежные чащи,
вспоминая о прежних встречах любовных.

*

Глянь, как рада тоненькая невестка
первой в жизни нарядной, желтой одежде,—
Так гордится обновкой, как будто тесно
ей сейчас на широкой улице сельской.

*

Много умных людей, да мало таких,
кто умеет приятной, уместной речью
Посрамить криводушных, усювестить злых
и наполнить счастьем сердца влюбленных.

*

Умельца искуснейшее изделие,
счастливица влюбленного гнев ревнивый,
Терпенье могучего, речь мудреца,
молчанье невежды — вот что прекрасно!

*

Что ему написать? Подскажи, подружка!
Не могу нацарапать и слова «здравствуй!..»,
И перо-тростинка выпасть готово
из моих дрожащих тростинок-пальцев.

*

Уж поверьте: едва судьба отвернется,
 рассыпается сразу любое дело —
Сколько времени ты, сколько сил ни тратишь,
 из песка все равно ничего не построишь.

*

Жизнь не вечна, юность к нам не вернется,
 каждый день изменчив, не схож с другими,
Неизменны в мире только мужчины:
 все они — бессовестны и бессердечны.

*

«Нынче ночью к нему непременно отправлюсь,
 даже если тьма непроглядная будет!» —
И красавица бродит по дому, зажмурясь,
 в темноте ходить себя приучает.

*

О владелица дивных лотосов-глаз,
 до рассвета не спал я, тебя поджидая.
Так мучительно долго тянулась ночь —
 не четыре, а сотню страж⁸ насчитал я!

*

Чуть скосив зрачки, чуть прищуриив веки,
 на пришельца так она посмотрела,
Что, не глядя на хмурый вид ее мужа,
 ночевать под навесом остался путник.

*

Разрослись у ограды кусты эранды,
и сквозь щели торчат их круглые листья,
Всем парням объявляя: «У нашей хозяйки
вот такие же крупные, круглые груди!»

*

Не дает ни дышать, ни ходить ей свободно
эта пара холмов — слишком пышных грудей,
Круглотою и твердостью очень похожих
на две лобных выпуклости слоненка.

*

Отправленье в путь он опять отсрочил,
но причина не в бурной, дождливой погоде,
Не в приметах дурных, а в том, что увлекся
он чудесной игрой с женой пышногрудой.

*

Глянь, сынок: весь день, у ворот своих сидя,
ждет тебя эта девушка — сохнет, бедняжка,
Как сплетенная ею гирлянда сохнет,
в честь тебя повешенная на воротах.

*

Подошел к сухой смоковнице путник,
засмеялся, от радости хлопнул в ладоши,
И с ветвей попугай стайкой взлетели —
это их за плоды он принял, бедняга!

*

Что я видела, тетушка: вот умора!
Муж сестры повалился сейчас ей в ноги,
А она — поскорее в лампе горячей
раздувает огонь, чтоб виднее было!

*

Опустила лицо капризно и злобно,
но любимый насильно ей голову поднял
И глоток вина отхлебнуть заставил,
будто врач, нашедший средство от гнева.

*

Целиком не опишешь эту красотку:
на какую часть ее ни помотришь,
Словно вязнет взор — подняться не может,
как больная, упавшая в топь корова.

*

Если дружба твоя с человеком скверным,
как черта на воде, она скоро исчезнет.
Если дружба твоя с бескорыстным, верным,
как черта на граните, она долговечна.

*

Ты гнетешь мне душу новой изменой,
а еще удивляешься: «Что исхудала?..»
Эх, глупец! Да под тяжестью непосильной
может с ног свалиться и крепкий вол!

*

Было трудно ему развести мои руки —
 словно петля, они ему шею обвили.
Было трудно высвободить мои груди —
 словно копыя, они ему в грудь вонзились.

*

Хоть с тобой помириться мне обещала,
 но лила еще долго слезы подружка,
А как стала считать все твои проделки,
 не хватило пальцев... И снова плачет!

*

Мысли чистых людей с высокой душою
 остаются высокими даже в несчастьях.
Стрелы чистых лучей золотого солнца
 устремляются ввысь даже в час заката.

*

Мать, гляди, как птицы клюют, дерутся —
 все съедают сами, ни с кем не делятся.
Так и люди! Не часто встречается добрый,
 не себя убажжающий — ближних спасающий.

*

В эти дни нестерпимо знойного лета
 даже мазь сандаловая так чудесно
Не остудит палящего жара влюбленных,
 как горячая радость их пылких ласк.

*

Чем полней наливаются юные груди,
чем охотней муж с ней проводит ночи,
Тем заметней худеют и стан ее стройный,
и супруг, и забытые старшие жены.

*

Вкруг себя глядит блуждающим взором,
улыбается непонятной улыбкой,
Беспричинно смеется, протяжно вздыхает —
видно, в юном сердце что-то скрывает.

*

«Мой хозяин! Вот странник, он просит ночлега!
Не откажем ему!» — так жена-плутовка
Своего дружка представляет мужу,
если тот неожиданно домой вернулся.

*

У реки, на груди лежащего мужа,
утомленного ласками в жаркий полдень,
Смуглотелая длинные волосы сушит,
ароматные от цветов вплетенных.

ИЗ «ЧЕТВЕРТОГО СТОСТРОФИЯ»

Даже в этом мире, таком огромном,
 полном тысячами прекрасных женщин,
Только с правой ее половиной посмел бы
 я сравнить ее левую половину.

*

Как я стала покорна! Что мой любимый
 заиграет на струнах, то и танцую.
Так покорна лиана, зато как цепко
 обвивает она самый крепкий ствол!

*

Не достоинства часто нас привлекают —
 обольщает наш взор обманная яркость.
Так пулинды, отбросив бесценный жемчуг,
 нацепляют бусы из ягод гунджи.

*

Знай, сынок: мы недаром весной боимся
 желто-красных буйных цветов палаши:
Будто дикие полчища ракшасов к нам
 с дальней Ланки нагрянули в жажде крови.

*

Отряхнись у ворот, молодая жена,
вся спина твоя, милочка, в листьях, травинках.
Или думаешь, глупая, что твой грех
не заметят хитрющие старшие жены?

*

Входит милый — и сразу глаза стыдливо
прикрываю руками, но чем прикрыть
Грудь и бедра, дрожащие от волненья,
как соцветья кадамбы на вешнем ветру?

*

Кушай, плут, что дают! Кашу я не солила,
разве соль в этом жалком селе найдется?
А найдется соль, много ль проку в ней,
если нет у хозяйки ни капли масла? ⁹.

*

Не найдя этой ночью в густых тростниках
место встречи с тобой, молодой счастливец,
Бродит, бродит по зарослям темным она —
будто ищет место, где клад зарыла.

*

Разве вырвется ругань из уст мудреца,
даже если он гневно к лжецу обратится?
Разве лить свой нектар перестанет луна,
даже если глотает его злой Раху?

*

Твердый духом даже в разгаре ссоры
не откроет хранящейся в сердце тайны,
И дождется она его смертного часа,
и сгорит вместе с ним в прощальном костре.

*

Удивительны стрелы у Камадэвы:
из цветов они, но для глаз — незримы,
Хоть незримы, но сердце и жгут, и ранят,
хоть и ранят, и жгут, но несут наслажденье.

*

Сколько свойств у пламенных стрел любви!
Страсть рождают они, распаляют ревность,
Ссорят нас, разлучают нас, а в разлуке
жгут живьем — и притом умереть не дают.

*

Лишь в надежде увидеть тебя, жестокий,
новый красный наряд надела бедняжка
И по всей деревне, от дома к дому,
носит сладкие праздничные угощенья ¹⁰.

*

Ты кому шлешь привет, ладони сложив,
притворяясь, что молишься светлomu Сурьe?
Эй, сынок, разве славят победу богов
и при этом косятся с улыбкой лукавой?

*

Как чудесны пугливые тайные ласки:
тьма, чуть слышные вздохи, ночник погашен,
И, дрожа, уклоняясь от страстных укусов,
сотни клятв горячие губы шепчут.

*

По кому ты тоскуешь, кого вспоминаешь?
Эту песню ты звонко всегда напевала —
Что ж теперь так невнятно слова произносит
перехваченное печалью горло?

*

Ночь ужасно темна. Я в доме одна.
Муж с утра отправился в путь далекий.
Эй, не спи, сосед, приходи! А людям
я скажу: от воров ты мой дом стерег.

*

Многим, многим ты тайную боль причиняешь:
рядом с юной твоей красотой заметней,
Что разрушилась их красота, как с годами
разрушаются старые наши селенья.

*

День за днем растущую боль разлуки
даже тысячью снадобий не исцелить —
Нет от горестной муки этой лекарств,
кроме сладостной муки — желанья смерти.

*

Растерялся он, бедный, а я смеялась,
прижималась к нему — и тщетно пытался
Развязать он узлы на моей одежде,
не заметив, что я их уже развязала.

*

О любимый, позволь сказать откровенно:
ты не так меня ранишь сердитой бранью,
Как такой обходительной, гладкой речью:
хоть слова и блестят, а не греют душу.

*

О гордячка! Уж если ему отдалась,
от досады не плачь и не злись напрасно
На лианоподобные руки свои,
что так страстно дрожат, его обнимая.

*

«Ночью встречусь с нею вон в тех кустах!» —
размечтался в поле крестьянский парень,
А бобы, отобранные для посева,
выпадают наземь из потных рук.

*

Не поняв, что от ласк она чувств лишилась,
«Умерла!» — он решил и кинулся прочь,
А цветущий у места их тайной встречи
улыбнулся вдогонку хлопковый куст.

*

К тем удача приходит, кто дерзко пляшет,
рядом с милым дрожать-вздыхать не забудет,
А вот мы — неудачницы: встретив любимых,
мы весь мир, мы самих себя забываем.

*

Вот во тьме полночной жена-распутница
под раскидистым деревом ждет любовника,
Чутко слушая шелест листвы опавшей:
не дружок ли крадучись приближается?

*

Хоть обидой мне сердце ты ранил, милый,
не хочу умирать я — хочу твой образ
Отпечатать в душе так ярко и крепко,
чтоб тебя полюбить и в новом рожденье.

*

Ах, подружка моя! На заре так грустно
кто-то пел, о любви своей вспоминая,
Что опять и болит, и горит мое сердце,
обоженное стрелами Камадэвы.

*

Лишь вздыхать остается старшей жене,
чьи увяли щеки, обвисли груди,
Потому что у младшей день ото дня
и румянее щеки, и груди круглее.

*

Хоть давно уже голоден старый слон,
но сейчас он вспомнил свою слоницу —
И в печально поникшем хоботе вянет
связка сочных лотосовых стеблей.

*

«Не сердись, дорогая!» — «А кто рассердился?» —
«О моя дивнобедрая, ты рассердилась!» —
«А с чего мне, скажи, на чужого сердиться?» —
«Кто ж чужой?» — «О господи! Ты, конечно!»

*

«Он придет!..» — быстролетно, как легкий миг,
в сладких думах прошла половина ночи.
«Не пришел!» — безотрадно, как тяжкий год,
в горьких думах другая прошла половина.

*

Так бесстыдно и жадно путники смотрят
на обсыпанную мукой крестьянку,
Словно боги впервые увидели Лакшми
в белых брызгах Молочного Океана.

*

Глянь, как бережно, вытянув шею, павлин
капли первого дождика пьет с травинок,
Будто тянется к дивным перлам, дрожащим
на концах изумрудных, тончайших игл.

*

Вид ее чуть прикрытой, полной груди,
из-под синих одежд лукаво блестящей,
Так приятен, как вид полноликой луны,
из-за синих туч дождевых глядящей.

*

Счастье женщиной тайно влюбленной быть —
сладко ей и во сне любимого встретить,
Мой же милый муж спит всегда со мной,
но во сне не встречается ли с другою?

*

Ох, беда не ко времени и не к месту
появиться — и любящим помешать!
Даже мать будет клясть малыша, если он,
закричав, помешал ей ласкаться с мужем.

ИЗ «ПЯТОГО СТОСТРОФИЯ»

Что ж, гори, мое сердце, если так хочешь,
 клокочи, если так уж тебе по нраву,
Разорвись, если так уж тебе угодно,—
 все равно с ним порву: он меня не любит!

*

Дочка старосты хоть и совсем девчонка,
 но уже возбуждает страстные взгляды.
А когда подрастет? Для наших парней,
 ох, каким плодом ядовитым станет!

*

Почему, почему вы твердите, подружки,
 что пора мне спать, что давно за полночь?
Сладкий запах сехалик, цветущих сехалик
 разве даст уснуть? Сами спать идите!

*

Небывалый зной! В первый раз, наверно,
 деревенского озера дно открылось:
Сохнет толстый ил, лежат черепахи,
 задыхаются рыбы, разинув рты.

*

О послушай, крадущаяся в ночи:
не желай так страстно любовной встречи,
Не пылай, словно факел,— иначе тебя
даже в этой тьме кромешной заметят.

*

О красавец жестокий! Как счастливы девы,
не встречавшиеся с тобой ни разу!
Даже есть они могут, спать они могут,
даже слышат, что говорят другие.

*

Эх, сынок! Ты бы видел, как эта дева,
что всегда казалась такой застенчивой,
Шла домой горделиво, к ушам прицепив
пару красных ягод, тобой подаренных.

*

Как могли вы, красотки, вы, что так любите,
чтоб другие плясали под вашу музыку,
Не заметить, как прочь он брел, опечаленный...
Ах, сама я его оттолкнула, глупая!

*

Как луна — мой любимый! Как ясная радость —
любованье чудесным его лицом,
Как сияние — рук его нежных касанье,
как безумье — надежда его удержать.

*

Глянь, подружка! Под тяжестью пчел давно ли
камыши вот эти над речкой гнулись,
А теперь они ломкими стали, сухими —
так иссушит и нас жестокое Время.

*

Ах, любимая матушка! Как мою душу
он обидел недолгой своей любовью:
Будто груды алмазов во сне я нашла,
но исчез мой сон — и алмазы исчезли!

*

Если лук напрягают, то, чем он кривей,
тем скорей расстается с прямой стрелой.
Так и в жизни людей: кривое всегда
от себя отталкивает прямое.

*

Молодая красotka с груди высокой
ожерелье срывает в минуту страсти.
Так достойные люди свой вид достойный
иногда теряют в минуту гнева.

*

Где же солнечный диск? Где луна и звезды?
Погляди: как астролог на гороскопе,
На туманном небе дождливый день
чертит линию журавлей летящих.

*

Ты послушай, как туча сердито ворчит —
грудь земли никак приподнять не может,
Хоть к себе привязать и сумела землю
миллионом веревочек — струй дождевых.

*

«Глянь, браслеты мои поломал, негодник!» —
всем, кто встретится, громко она сообщает.
То ли женщина эта уж так простодушна,
то ли просто глупа, и любовник глуп?

*

Чуть услышит любимое имя его,
от волненья испариной вся покрывается.
Собиралась записку послать, а глянь —
через двор сама к нему пробирается.

*

Сжался, Мадана! Славу тебе, клянусь,
буду петь даже в следующем воплощении,
Если той же стрелой жгучей пронзишь ты
грудь его, какой и меня пронзил!

*

Погляди, негодяй: даже в жаркие дни
та глубокая грязь еще не просохла,
По которой, несчастная, в дни дождей
столько раз я ночью к тебе таскалась.

*

О, хоть раз посети нас, любимый Кришна,
много юных пастушек и в нашем селенье,
Оценить их прелести и недостатки
ты, конечно, сумел бы с первого взгляда!

*

Затрубила слониха у края болота:
в черной топи тонет ее супруг.
Вот и топчется бедная, стонет тревожно
и старается хобот ему протянуть.

*

Эй, возьми-ка прут, молодой крестьянин,
да бесстыдницу эту хлестни покрепче:
Глянь, то справа обгонит тебя, то слева —
все тебе норовит на глаза попасться.

*

Погляди-ка! На пастбище наша корова
хочет выставить счастье свое напоказ —
Чешет бровь о воинственный рог заостренный
самодура-быка — своего дружка.

*

Хоть и плавно идет, а морщатся губы —
видно, пояс широкий при каждом шаге
Задевает царапины от ногтей,
что сегодня ей ночью провел любимый.

*

На него только смотришь, глупышка,— и рада.
Что ж лишаешь себя других наслаждений?
Пусть обнимет, прижмет, к ногам припадет,
поцелует — всю силу любви покажет!

*

О моя дивнотелая, хватит злиться —
обижаться, дуться еще успеешь,
Ты пойми, ланеглазая: скоро промчится
эта праздничная, полнолунная ночь!

*

Эй, сынок, на паталу залезть не пробуй —
на стволе ее гладком не видно веток.
Дочка старосты нашего — эта патала:
многим влезть хотелось, да каждый падал.

*

Есть у многих женщин длинные луки
черно-белых глаз, острый блеск зрачков,
Но немногие знают, как надо глядеть,
чтоб любимого ранить в самое сердце.

*

Камадэве не нужен лук, если густо
алой краской очерчены веки красавиц
И круглятся их ягодицы и бедра
под одеждой, мокрой после купанья.

*

Как теперь угождать любимому стану,
если ласкам обычным он больше не рад,
А прибегну к замысловатым ласкам —
сразу спросит ревниво: кто научил?

*

О любовной игре со старой женою
забывает, увы, ненасытный мужчина,
Если близится день его новой свадьбы,
если с юной женой игра ожидает.

*

Я сейчас «цветущая» ¹¹, ты ведь знаешь,—
почему же ко мне подошел так близко?
Отойди поскорей — прикоснуться к тебе
так и тянутся страстные мои руки.

*

Без него измучилась я вконец,
и, чем жарче пылает костер разлуки,
Тем быстрее угасает жизнь... О подруга,
подскажи, если знаешь: как быть? как жить?

*

Ночью жар бессонницы, зной разлуки
не дают ей тебя хоть во сне увидеть,
Днем же то, что развлечь ее взор могло бы,
застигает дождь непрерывных слез.

*

Слезы льет даже злока-свекровь, увидев,
как невестка, чей муж давно на чужбине,
Перед нею склонясь, роняет браслеты
со своих от тоски исхудающих рук.

*

В жгучий полдень даже деревья в роще
под мучительными лучами солнца
Будто стонут от боли, пронзая воздух
неумолчным вскрикиванием цикад.

*

Погляди-ка! С тех пор как ее на празднике
по ошибке чужим он окликнул именем,
Украшенья ее так печально свесились,
как гирлянды на буйволе перед закланием.

*

Глаз не сводит с нее восхищенный муж,
а она только взгляд его страстный ловит.
Им, влюбленным, кажется: кроме них
нет других на свете мужчин и женщин.

*

На заре был готов он пуститься в путь,
но любимой в лицо взглянул — и остался:
Крепче цепи его приковал к порогу
горький взгляд безутешно-бледной жены.

ИЗ «ШЕСТОГО СТОСТРОФИЯ»

О подружка моя, не мешай мне плакать,
хоть денек дай поплакать перед разлукой!
Завтра утром уйдет он — тогда перестану,
если к этому времени не умру.

*

Ах, кого ты не ранишь, юная девушка,
остро-быстрым взором — стрелой опасною,
Метким луком — бровями тугими — пущенной,
подведенной кармином, длинной стрелой!

*

Об одном твоём взгляде страстно мечтая,
слыша смех твой, рванулась она из ворот,
Но, пока вдоль ограды ты проходил,
чьи-то руки назад ее оттащили.

*

Чахну, тетушка! Глянь, до чего равнодушно,
как на хмурюю женщину хмурый мужчина,
На меня он смотрит — и нет в глазах
ни любви, ни ревности, ни даже злости!

*

Что так мучишься ты, так томишься тоской,
безответно влюбленное, глупое сердце!
Слезы тайной тоски — разве это много?
Ты добьешься и большего: смерти своей.

*

Прав ты, милый: она и умна, и красива,
ну а я красоты и ума лишена.
Значит, все, кто не могут с нею сравниться,
обниматься со смертью должны, скажи?

*

Если твердо знает, что зло, что благо,
что для дома счастье, а что несчастье,
Будет славной женою она, сыночек,
а от прочих жди лишь нужду да немощь.

*

Вот достоинство девушек благонравных:
их упреки под тонкой улыбкой скрыты,
Их обидят — ответят учтивейшей речью,
а их лучшие украшения — слезы.

*

Кто владеет милой своей — богач,
будь он даже в селе бедняком последним,
Кто же милой своей не владеет — бедняк,
сколько б ни было у него владений!

*

**О прекраснотеля! Что ты плачешь?
Что ты жизнь клянешь, на подружек злишься?
Разве можно, скажи, от любви спастись —
ведь она ядовитей любого яда!**

*

**Были раньше мы тоже лихими парнями,
были те же гулянки, проделки, забавы,
Но давно уж о них как о старых сказках
говорят,— нам самим любопытно слушать!**

*

**Хоть в слезах еще были губы и щеки,
улыбаясь смущенно, она бормотала:
«Что ты сердисься, милый? Разве не время,
чтобы клятва скрепила твою любовь?»**

*

**Никогда не гнушайся красоткой, глупец,
если в плотную синюю ткань закуталась,—
Ведь и тоненький шелк ее нижних одежд
будет сброшен в разгаре любовных радостей!**

*

**Это правда, что нам после каждой ссоры
непривычными кажутся ласки привычные,
Но, надменная, знай: от злобы и ревности
может самое крепкое чувство разрушиться.**

*

О так пылко любившая, многих любившая!
У тебя поучиться могут мужчины,
Как приветливо и с нелюбимым беседовать,
как того, кто сердится, успокоить.

*

Ах, подружка, ведь ради него я отвергла
все приличья, последний стыд потеряла,
Опозорила имя свое!.. И что же?
Стал он вдруг ненужным, совсем чужим.

*

Хоть в грязи и пыли, горделив этот слон,
и, хоть ест лишь овощи да листву,
Так могуч, так громаден он, что под силу
лишь ему барабаны свои нести ¹².

*

«Эй, шагай живей! Будешь мне рабыней!
Что ты еле плетешься? Чему смеешься?..»
А она в ответ: «Подожди, разбойник,
храбрый муж мой догонит — тогда узнаешь!»

*

Ах, куда б я ни бросила взор, лишь тебя
вижу ясно — так ясно, как на картине,
Будто вправду украшен весь край земли
бесконечной чредою твоих подобий!

*

Вот пчелой ужаленная обезьяна
 скачет в чаще, хрипло крича: «кхо-кха!»
Ухватилась за ветку, ягоду видит,
 но не рвет — боится, что это пчела.

*

Ах, когда его нет, даже праздник Мадана ¹³,
 гул толпы, барабаны, песни весенние,
Бурный праздник, когда с кем попало любятя,
 для меня похож на пожар и бедствие.

*

Глянь-ка, тетушка: вот наш сосед вернулся,
 на чужбине дел своих не закончив,
И над ним, невезучим, пора дождей
 будто громко цветами кутаджи смеется.

*

Ах, свекровь! Еще почки на дереве манговом
 не раскрылись, не веют ветры малайские,
А уж сердце мое, тревогой пронзенное,
 говорит, что пора весенняя близится.

*

Разве станут над рощею виться пчелы,
 если ветки манго не расцвели?
Разве можно увидеть хоть струйку дыма,
 если нет нигде хоть искры огня?

*

Для дружка слаще всех украшений девичьих
две приманки: одна — это косы тугие,
Если крепко ухвачены им, а вторая —
губы влажные, пахнувшие вином.

*

Погляди-ка на улочки эти, путник,
где с трудом встают, вздыхают, зевают,
Где поют и плачут, шатаются, падают...
Что за прок был идти в этот край чужой?

*

Видя пылкость влюбленной юной четы —
их движенья различные, сложные позы,
Даже лампа, любуясь на них, позабыла,
что давно уже масло иссякло в ней.

*

Вредный пес издох. Пьет все дни свекровь.
Муж в чужом краю. Так чего нам бояться?
Кто ему разболтает, что ночью буйвол
мое поле хлопковое топтал?

*

Бык, измученный зноем, лижет змею,
будто встретил горный ручей блестящий,
А змея с его челюсти пьет слюну,
будто ключ между черных скал отыскала.

*

Ах, свекровь дорогая! Из брачной спальни
лучше клетку возьми с болтуном-попугаем —
Или тайны любовных шепотов наших
эта птица хитрющая всем разгласит!

*

Этой стройной купальщицы длинные пряди,
так свободно свисающие вдоль бедер,
Воду струйками льют, будто плачут в страхе,—
ждут, что скоро свяжут их, словно пленниц.

*

О громадный баньян посреди селенья,
даже в полдень темно под твою кроной,
Потому-то для парочек ты так мил,
словно пленниц их скоро должны связать.

*

Небеса все угрюмей. Но танец павлинов,
за дождинками радостно тянущих шеи,
Сделал праздничным сумрачный этот день,
барабанами первых туч оглушенный.

*

Рой москитов, обсевших плечи быков,
взвился, вспугнутый длинными их рогами,
И зудит, и звенит протяжно: «зим-зим!» —
как рукой неумелой задетые струны.

*

Попугаи, крича, из большого дупла
так и вырвались желто-багряной стаей,
Будто старый ствол, лихорадкой охвачен,
изрыгает со стонами желчь и кровь.

*

Если сердится на меня любимая,
то не так меня ранит ее молчанье,
Как слова намеренно-равнодушные:
в них и гнев, и обида еще заметнее.

*

Юный путник, в глазах твоих слезы вспыхнули —
это запах вдохнул ты цветущей кадамбы.
Но ободришь! Не может быть, чтобы к осени
ты лица молодой жены не увидел.

*

Туча грозная! На полдороге к дому
грянь сильней надо мною, железносердным!
Пощади только ту, что сидит, меня ждет,
тихо плача, с распущенными волосами.

*

Счастлив пахарь: в полях, где грязь по колено,
белый сок набирает зреющий рис,
Будто это не рис, а чумазый сынок,
молока материнского пьющий вдоволь.

*

Все ли выразить самую жаркой речью?
А тем более — много ли скажешь в письме?
Ведь и так ты знаешь, сколько тревоги,
сколько горя чувствую без тебя.

*

Этой девы густые, душистые пряди —
словно сладостный дым над костром Камадэвы,
Словно знамя любви, словно в пальцах мага
опахало из пестрых павлиньих перьев.

*

Красоту возлюбленного дружка
по лицу ее можно ясно увидеть —
По глазам, что на прочих мужчин не глядят,
по губам, что молчат — лишь глотают слезы.

*

Рой восторженных пчел, упоенных медом
в этих пышных лотосах храмоподобных,
Так звенит, будто пояс из черных жемчужин,
обвивающий стан богини весенней.

*

Чья рука, подобная крепкой ветке,
украшающей древо отваги и чести,
Отдохнет на пышных грудях твоих —
на кувшинах с сокровищами Манматхи?

*

Сколько взоров стремится — жадных, опасливых —
к пышным грудям жены ревнивца свирепого!
Так разбойники смотрят туда, где спрятаны
два кувшина сокровищ, хранимых кобрами.

*

Тучи — пышные груди Богини дождей —
навалились на мощное тело Виндхьи,
И торчат на склонах свежие травы,
как от страсти вздыбленные волосы.

*

Это правда, что есть возле речек других
и стада антилоп, и густые чащи,
И вода их прохладна тоже,— но все же
ни одну не сравнить с нашей Рэвой-рекой.

*

Долго ль будет удачливым мой возлюбленный,
от одной к другой то и дело бегающий?
Долго ль будут взоры к нему игривые
устремляться, пылая любовным голодом?

*

Вздрогнул ты, пробужден петушиным криком,
и меня обнимать торопливо начал.
Эй, негодник, не бойся: сейчас ты дома,
и на ложе твоя — не чужая — жена.

*

Гулко бьется молния: «дхуку-дхук!» —
будто сердце расколотой темной тучи
Смаху сброшено с края крутой горы
подзатыльником разъяренной бури.

*

Грустно смотрят путники — глаз не сводят
с ярко-красных острых побегов манго,
Будто кровь увидали своих сердец
на концах беспощадных стрел Камадэвы.

*

Эй, сынок, отправляйся к ней — да не медли:
сохнет девушка по тебе, негодник!
Уж совсем плоха! Исцелиться может,
только если вовремя к ней придешь.

*

Не бежит эта глупая лань из чащи,
озаренной жгучим блеском пожара:
Видно, кроны, объятые пламенем алым,
приняла за кимшуки в красных цветах.

*

Как мне, матушка, быть? Этот плут-попугай
выдал тайны всех наших игр любовных —
Да еще и при старцах! Клянусь богами,
уж не знаю, куда от стыда бежать!

*

Видно, боги не пробовали, как вкусен
дивный сок на губах у моей любимой,
Если стали, ища драгоценный нектар,
океан до самого дна будоражить.

*

Натянул тетиву до самого уха
злой охотник — и лань поразил стрелой,
А она, отвернувшись, пока не упала,
продолжала глядеть на дружка своего.

*

Хоть красиво гирлянды мастер плетет,
но красивей жена его молодая:
Рвет не только цветы — рвет сердца мужчин
сладким трепетом чуть прикрытых грудей.

*

Посмотри, как вон тот молодой распутник
с пышных грудей цветочницы глаз не сводит,
Рядом сел, придвигается к ней, а для вида
десять раз о цене цветов узнает.

*

Если тех камышей не помнишь, бессовестный,
что темней были туч, занавесивших солнце,
Разве вспомнишь про волны Рэвы бурливые,
что, к тебе стремясь, я переплывала?

ИЗ «СЕДЬМОГО СТОСТРОФИЯ»

Не бежать решив — заслонить друг друга,
повернулась к стрелку чета антилоп,
И охотник свой лук опустил, украшенный
самоцветами жалости — каплями слез.

*

Подожди, дорогой, еще хоть немножко!
Я тебе расскажу об одной несчастной.
Да чего там рассказывать! Пусть умирает!
Видишь сам, как ведет себя безрассудно.

*

В дни разлуки с любимым ее лицо —
словно дом, где утвари не осталось,
Словно впадина, где истошился источник,
словно пастбище, где не видать овец.

*

Та любовь, что при виде тебя родилась
в этом сердце — стыдливом и боязливом,
Видно, в нем так и будет молчать, как молчит
бедняка несбыточное желанье.

*

«Или думаешь, все наши девушки сохнут
по тебе одному? И зачем, усмехаясь,
Ты спросил: почему целый год я чахну?» —
так сказав, разразилась она слезами.

*

Шмель к бутонам приник — жаждет первого сока,
но открыть их уста-лепестки не может.
Ах, скорей разорвет он, погубит бутоны,
чем развяжет тугие узлы лепестков.

*

Замолчите, подружки! Зачем вы твердите:
«Не спеши с этой жизнью кончать, не спеши!
Будешь жить — и его ты увидишь снова!..»
Это путь рассудка — не путь любви.

*

Антилопа, увидев вдали дружка,
на него так тоскливо, так нежно взглянула,
Что в кустах свой лук уронил охотник —
вспомнил взгляд любимой своей жены.

*

Пестрый шмель! Ты над лотосами закружился,
сел на сапталу, не позабыл и жасмина...
Осчастливь же своей мимолетной любовью
и вот этой паталы скромный цветок!

*

В зной осенний к воде прозрачной, озерной,
сладко пахнувшей лотосами голубыми,
Так склоняется путник, будто целует
ароматную щеку подруги далекой.

*

После долгих дождей сырые проселки,
только сверху подсохшие, полные грязи,
Как живые, кольшутся под ногами,
тяжело вздыхая при каждом шаге.

*

Так ее обнимал он горячим взором,
жарким взором таким она отвечала,
Что казалось: желанным любовным ласкам
отдались они вместе — у всех на глазах!

*

Ты для тайных свиданий шатры готовишь,
сушишь лужи, сплетаешь густые ветки,—
Пробный камень для золота нашего счастья,
вечно длись, не кончайся, щедрое лето!

*

О большой изумруд! Твои яркие грани
ювелиры-глупцы шлифовать прекратят,
Лишь когда ты с кунжутное зернышко станешь...
Ах, далек еще спор о твоей цене!

*

У других охотников справься, гость,
если шкуру оленя пятнистого хочешь.
Молодой наш охотник лук напрягает,
увидав не оленя, а дичь покрупней!

*

Умирает наш староста — старшего сына
наставляет заботливо: «Так поступай,
Чтобы ты никогда со стыдом не увидел,
что позоришь достойное имя отца!»

*

Увидав, что губа распухла у милого,
не поверив, что это пчела укусила,
Прочь метнулась жена пулинда ревнивая
и в тени другого дерева скрылась.

*

Славно жить в далеком, горном селенье:
там любви предаются без всякой опаски
В темных чащах, куда не пройти сквозь гущи
наклоненных под ветром, тугих бамбуков.

*

Все к любви призывает в горных селеньях:
кроны пышных кадамб, горящих цветами,
Звон прохладных ручьев, омывающих скалы,
и восторженно пляшущие павлины.

*

Тот пастух, что сосцы только дергал грубо,
молоком не смачивал даже пальцы,
А тому, кто сперва ласкает и гладит,
по большому кувшину дает корова.

*

Ах, наверно, сейчас тростники густые
вместе с теми юношами удалыми
Надо мной смеются под звуки гимнов,
предвещающих близкую свадьбу мою.

*

Есть и вправду какая-то дивная тайна
в том, что рядом сидеть так приятно с невестой,
Хоть она еще глянуть в лицо не смеет,
не дает прикоснуться, словечка не молвит.

*

Вот жених повернулся в притворном сне,
и опять дрожащей рукой невеста
Ухватилась за узел нижней одежды,
хоть и так он коленками крепко сжат.

*

За немилого выдана замуж бедняжка:
вот на ложе обнял он ее — задрожала,
Вот о чем-то нежно спросил — молчит,
вот попробовал поцеловать — зарыдала.

*

Ах, любезная тетушка, можно подумать,
что в селенье у вас — один только пареньь.
Ваши женщины все свои разговоры
начинают с него и кончают на нем.

*

Это — те же слова, что и все говорят,
это — те же слова, что и мы произносим,
Почему же, когда от него их слышим,
так они услаждают наши сердца?

*

Добивайся любимого как только можешь,
если нужно тебе хоть немного счастья!
Нет такого счастья, каким бы не мог
нас мужчина возлюбленный одарить.

*

Ах, свекровь, до чего ж он всегда приятен:
взгляду радостно, чуть на него посмотришь,
Сердцу пламенно, стоит о нем подумать,
слуху сладостно, если о нем говоришь.

*

О Владыка дня, ранним утром всходящий,
ты, чье тело багряно, чей свет всем дорог,
Прогоняющий ночь, услаждающий взоры,
украшающий небо! Тебе мой привет!

*

Вот грядущий убийца демона Мадху
 статным юношей стал, готовым к женитьбе,
И стараются молодые пастушки
 скрыть свое родство с почтенной Яшодой.

*

Ах, судьба беспечна и беспощадна,
 как дитя: улыбаясь, тайком стирает
Те картины, что разум рисует на сердце
 тонкой кисточкой тайных наших надежд.

*

Лишь когда вдалеке мой любимый скрылся,
 я с трудом отвела свой тоскливый взор.
Сколько дней прошло! Но, преград не зная,
 рядом с ним и сейчас мое сердце идет.

*

Глянь, с каким трудом стараются птицы
 на верхушки деревьев высоких сесть:
Шумно хлопают крылья, когти скользят
 с густо-темных, под ними гнущихся веток.

*

К необычным ласкам тебя — о боги! —
 я зову ради губ нектарных твоих,
Но не думай, любимый, что я порочна,
 не считай, что я слишком искусна в любви.

*

Так сумела бесстыдная эта распутница
жирной пищею пса обучить своего,
Что любовник придет — не лает, ласкается,
а хозяин войдет — на него рычит.

*

Ах, подружка! Мы слишком скромны, а любимый
хочет страстных слов и дерзких движений.
Чтоб завлечь его сердце, нет средств иных —
как же быть, как же слезы не лить ручьями?

*

Тут свекровь моя спит, тут сама я сплю,
а вон там — родня моего супруга.
Так что, милый гость, не ослепни ночью
и залезть не пробуй в мою постель.

*

Ожерелье найти не смогло тропинку
между двух ее круглых высоких грудей
И взволнованно с пышного тела сбегает,
будто белая пена Ямуны-реки.

*

До чего ж ты всегда умна, нищета!
Среди тысяч разных людей ты любишь
Только тех, что всех добрей, совершенней
или тонкой ученостью обладают.

*

Эй, свекровь, замолчи — перестань удивляться
длинным листьям бамбука в моих волосах,
А иначе при всех я спрошу непременно:
почему вся спина у тебя в пыли?

*

Ах, сынок! Эти взрывы нежданного гнева,
эти быстрые, пылкие примиренья,
Снова речи притворные, муки ревнивые —
таковы и должны быть пути любви.

*

Лишь твой голос девушка эта впивает,
даже если он в шуме толпы теряется.
Так фламинго пьет лишь одно молоко,
даже если с водой оно перемешано.

*

Что ты, глупая, руки так долго моешь,
разве алую краску не смыла давно?
Что ты нежные, юные пальчики трешь,
розоватые, будто ростки кораллов?

*

Посмотри, стройнотелая! Эти осенние,
дождь пролившие тучи блестят вдали,
Будто там соляные холмы Синдхавы
или груды отмытого хлопка видны.

*

Поспеши, нежнолика, слезы стереть —
в их блестящей росе ты еще красивой,
А не то он захочет, чтоб снова и снова
украшали слезинки твое лицо.

*

Звон браслетов купальщицы — юной супруги,
доносящийся из глубины двора,
Все сильнее разжигает страсть ее мужа,
на закате вернувшегося домой.

*

Ох, не верьте негодникам этим, не верьте:
будто верные псы, они ластьются к нам,
А как только добьются желанной добычи,
будто подлые псы, удирают прочь!

*

Если осень выдалась урожайной,
даже самый грубый пахарь-бедняк
От души всю ночь распекает громко
под луною, белой, как чистый рис.

*

Не озлится пахарь — лишь усмехнется,
на своем белоснежном кунжутном поле
Видя утром зеленую змейку-тропку —
след распутницы, бегавшей на свиданье.

*

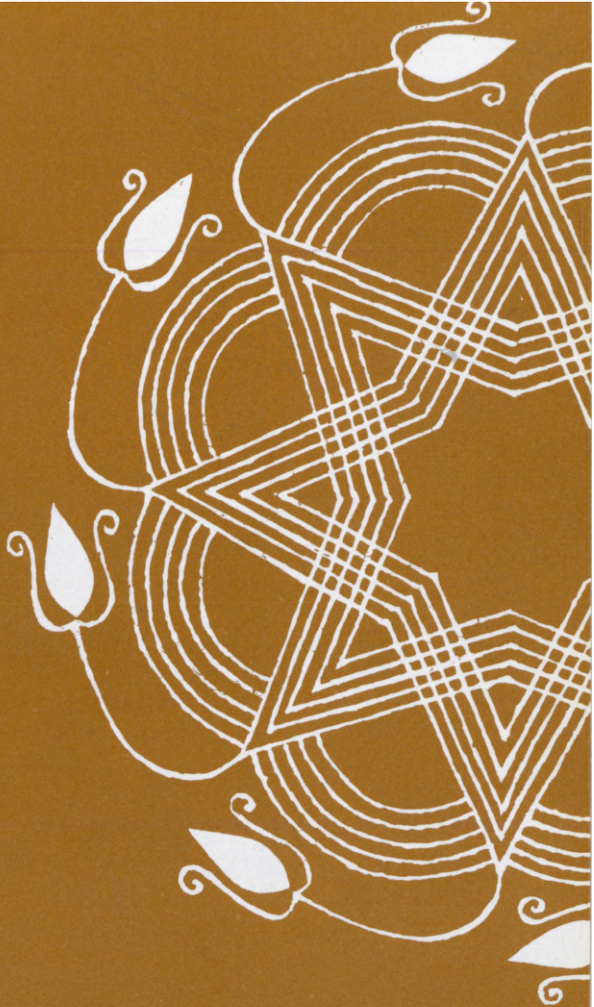
**Наступили дожди — и домой скиталец
из чужих краев напрямик спешит —
Так спешит, будто рубит на части дорогу,
будто путь большими глотками пьет.**

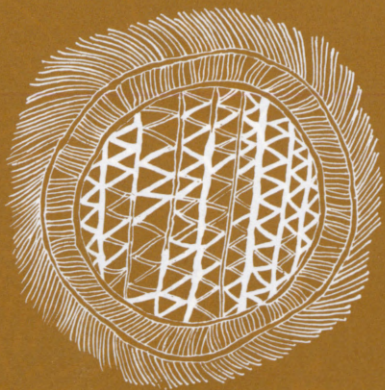
*

**В этом мире людей поистине счастливы
только те, что с рожденья слепы и глухи,
Ибо им не слышны слова нечестивцев
и удачи лжецов-подлецов не видны.**

*

**«Ночь уходит! — громко кричит петух,
обращаясь к любовникам и грабителям.—
Эй, бегите, добычу бросайте, грабители!
Эй, любовники, ласки кончайте быстрее!»**

ШЕСТЬ
ВРЕМЕН
ГОДА

*Из лирических
циклов
Калидасы*

КАЛИДАСА

(V в.)

Из сборника «Времена года»

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕТО»

В эти жаркие летние ночи,
отдыхая на плоских кровлях,
Как влюбленные тают душою
от негромкого струнного звона,
От дыхания губ любимых,
что трепещет, как винные струи,
И от песен их, что так быстро
превращаются в пламя страсти!

★

Летним утром юные жены,
чьи торчат еще кверху грудки,
Раньше всех жару ощутили
по вспотевшим своим подмышкам
И, одежды плотные сбросив,
что носили в холодную пору,
В шелк тончайший, полупрозрачный
одевают прелестные плечи.

*

Эта шея в жемчужных бусах,
 будто в ярких катышках снега,
Эти груди, блестящие потом
 и густым сандаловым маслом,
Пышных ягодич полушарья,
 златотканый пояс на бедрах —
Неужели от стольких сокровищ
 страсть в мужчинах не пробудится?

*

Стонут птицы печально и хрипло
 на ветвях, иссушенных зноем,
Обезьянья стая, измаясь,
 еле тащится к горным дебрям,
Бродит буйволов тощее стадо —
 хоть бы грязный пруд отыскался!
Да и люди со дна колодцев
 лишь с трудом наскребают воду.

*

Вот лягушка, измучена солнцем,
 выползает в поисках тени
Из пруда, что теперь наполнен
 лишь горячей, зловонной грязью,
И, опасности не замечая,
 тень находит, глупышка, под грозным
Капюшоном громадной кобры,
 что сама одурела от зноя.

*

Вьется, крепнет под жарким ветром
злой огонь лесного пожара:
Вот он бросился с громким треском
к желтой чаще сухих бамбуков,
Вот пополз — окружил лужайку,
где паслись доверчиво лани,
И теперь, будто змей зубастый,
быстроногих кусает и жалит.

*

Тигры, вепри, слоны, олени
в диком страхе, в кровавых ожогах
Выбегают из чащи горящей
на широкую отмель речную
И, забыв об усобицах злобных,
на приятелей давних похожи,
Дружно к речке бегут обмелевшей
и, пыхтя, бросаются в воду.

*

В жгучий полдень пылают мужчины,
видя пышные бедра женщин,
Видя икры в ярких узорах,
наведенных багряной смолою,
Видя ноги в пестрых браслетах,
что звенят при каждом их шаге
Так зазывно, как будто клики
молодых лебедей влюбленных.

*

Эти дни, когда зной полыхает
над прудами в лотосах ярких
И когда так приятно купаться
и носить жемчужные бусы,
Эти лунные жаркие ночи,
что томят вас, влюбчивых женщин,
Пусть ночами несут вам радость —
вам, на крышах поющих сладко.

ИЗ ЦИКЛА «ДОЖДИ»

Дождь, любимая, дождь многодневный,
столь желанный для всех влюбленных,
Дождь явился, как царь могучий,
в буйно-грозном великолепье,
Дождь, чьи тучи — слоновье войско,
исходящее брызгами страсти,
Дождь, чьи молнии — царские стяги,
а громá — боевые литавры!

*

Праздник туч отгремел над рощей,
из кустов выходят павлины,
На еще не просохших лужайках
пышный танец брачный заводят:
Возбужденные ласками ветра,
все быстрее, взволнованней пляшут,
И блестят яркопёрые шлейфы,
будто радуги с неба упали!

*

Пусть мрачна дождливая полночь,
 пусть рычат то и дело тучи,
Что́ их тьма, если к месту свиданья
 жажда гонит влюбленных женщин?
И пускаются в путь они дерзкий
 через рощи, по тайным тропинкам,
Озаряемым лишь на мгновенья
 быстро-жгучими вспышками молний.

*

Умастив свои груди сандалом,
 узел кос цветами украсив,
Услыхав, как во тьме дождливой
 громяхают-вздыхают тучи,
Через двор, из покоев душных,
 где уснули свекровь со свекром,
Под навес молодая крадется,
 где давно юный муж томится.

*

В ночь такую, когда с рычаньем
 низко-низко несутся тучи,
На груди у любимых жены
 прячут лица от вспышек молний,
Даже после обид и размолвок,
 после вспыльчивых перебранок
С новой страстью они супругов
 обнимают в жарких постелях.

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕНЬ»

Та, что в белых шелках лепестковых,
 что лицом — распустившийся лотос,
Чьи ножные браслеты звонки,
 будто клик лебедей влюбленных,
Та, чье стройно-гибкое тело —
 словно стебли созревших злаков,
Как на брачный праздник невеста,
 осень, осень в наш край явилась!

*

Погляди, как густы вокруг селений
 волны дружно поспевшего риса,
Погляди в даль небес осенних,
 где кричат журавлиные стаи,
Погляди, как на пастбищах влажных
 скот бесчисленный вольно бродит,
И поймешь, почему в эту пору
 веселы крестьянские лица.

*

Даже сладкие лица красавиц
 вид осенних цветов затмевает,
Даже девушек плавную поступь
 вид плывущих гусей затмевает,
Длинных глаз отлив синеватый
 ярких лилий краса затмевает,
А игру бровей шаловливых
 рябь лучистых озер затмевает.

*

В пору осени ветры веют
 свежих лотосов мягкой прохладой,
Стаи туч прогнав, рassiялись
 все четыре стороны неба,
Сохнет грязь после долгих ливней,
 реки чище, пруды прозрачней,
А ночами украшено небо
 свитой звезд и царицей-луною.

*

Этот блеск луны, чьи гирлянды
 серебрятся, пленяя душу,
Чье лицо — наслажденье взора,
 чей нектар — освеженье сердца ¹,
Этот блеск превращается в стрелы —
 в ядовитые стрелы страданья,
Если в грудь вонзается женам,
 разлученным надолго с мужьями.

*

Синь осенних озер, где столько
 ярких лотосов — алых, лиловых,
Столько пар лебедей влюбленных,
 в возбужденье страстном плывущих,
Эта синь озер, где под ветром
 заплетаются волн гирлянды,
Каждым вздохом мягкой прохлады
 ранит душу тоской любовной.

*

В день осенний взгляни на любую
из красивых, счастливых женщин:
На груди — жемчуга ожерелий,
напоенных сандаловым маслом,
Над шарами ягодиц пышных
вьется пояс пестроплетенный,
А на лотосах ног сладкозвучно
и призывно бряцают браслеты.

*

Пусть, подобная деве счастливой,
чье лицо — распустившийся лотос,
Чьи глаза — словно два раскрытых
дивно-синих цветка озерных,
Та, что в белых шелках лепестковых,—
благодатная Осень-невеста
Драгоценнейшее из желаний —
из твоих мечтаний — исполнит!

ИЗ ЦИКЛА «ХОЛОДА»

В эти дни холодов, наступивших
после дружной осенней жатвы,
Грустно видеть, как лотосы вянут,
как роса леденит растения,
Но зато как бесстрашны в поле
острия проросшей пшеницы,
Как чудесны в увядших рощах
жгуче-рдяные кроны лодхры!

*

В эти дни, холодов не пугаясь,
отдохнув после праздника жатвы,
Молодые красавицы наши
вновь готовы к праздникам страсти:
Грудь и плечи шафраном натерли,
душат волосы соком цветочным,
А на лотосы щек смугло-нежных
хной наносят узоры листьев.

*

В эти дни холодов посмотрите
хоть тайком на спящих влюбленных:
В мгле рассветной на смятом ложе
спят они в блаженной истоме —
Спят, сплетая дыханье и руки,
спят, дыша ароматом цветочным,
Спят, как два пловца на побережье,
переплыв бурно-пенное море.

*

Эти груди в царапинах свежих
после страстных забав с супругом,
Эти губы в ссадинах ярких
от его сладко-жгучих укусов —
Эти слишком явные знаки
жаркой, бурной, счастливой ночи
Скрыть на следующее утро
тщетно хочет жена молодая.

*

Вот другая — чуть-чуть постарше —
 длинноглаза и длинноволоса,
С медным зеркальцем в длинных пальцах
 на заре свои щеки румянит,
Видит рот в ярко-свежих укусах
 и с негромким воркующим смехом
Ночь любовных забав вспоминает,
 подмигнув своему отраженью.

*

Вот и третья, тоже измучась
 от бесчисленных игр с любимым,
Трет глаза, что в ночи бессонной
 стали парой лотосов красных,
И, одна наконец-то оставшись,
 узел кос поправить не в силах,
Сонно шурясь, рассвет встречает
 и, склонясь на подушку, дремлет.

*

Пусть и дни холодов наступивших,
 дни, когда после шумной жатвы
Наполняются наши селенья
 изобильем спелого риса,
Дни, когда синеву украшают
 первых птиц перелетных гирлянды,
Пусть и эти дни, о подруга,
 нам подарят спелую радость!

ИЗ ЦИКЛА «ЗИМА»

О моя дивнобедрая, слушай:
 есть отрада и в месяцы стужи,
Сладок сердцу крик журавлиный
 над полями, где кончилась жатва.
Год был милостив: в каждом доме —
 рис, плоды, тростниковый сахар,
А от холода лучшее средство —
 заводить любовные игры.

*

Наши жены, чьи круглые плечи
 под одеждами теплыми скрылись,
Наши девы, чьи острые груди
 притаились под пестрой тканью,
Даже мглу этой долгой стужи
 постарались хоть чем-то украсить:
В черноту своих кос тяжелых
 не цветы, так бутоны вплетают.

*

Даже самой холодной ночью
 горячо и сладко мужчинам,
Если к ним прижимаются груди,
 золотые от краски шафранной.
Даже самой студеной ночью
 в юных, жарких, крепких объятьях
Забывают про холод мужчины —
 наигравшись всласть, засыпают.

*

Посмотри на девушек наших:
даже в стужу цветут их лица,
Будто свежей росой омыты
золотистые лотосы-щеки,
И с утра, распустив свои косы,
до ушей подведя свои брови,
Молча, гордо они в каждом доме,
как богини судьбы, восседают.

*

Эти дни, что в дома приносят
много риса с пряной приправой,
Много сладких блюд, а за ними —
много радостных игр любовных,
Эти ночи, что стужей мучат
только тех, кто подруг не имеет,
Пусть, любимая, нам даруют
счастье, счастье — все больше счастья!

ИЗ ЦИКЛА «ВЕСНА»

Тот, чьи жгуче-разящие стрелы —
из бутонов жасмина и манго,
Тот, чей сладок лук тростниковый,
тетива же — из пчел жужжащих,
Тот, чьи игры — пронзать и мучить
те сердца, что созрели для страсти,
Вечно юный воитель Васанта
вновь, любимая, к нам явился!

*

Вновь надели жемчужные бусы,
 увлажнив их душистым сандалом,
На запястья — цветные браслеты,
 пояса с бубенцами — на бедра
Наши жены, чьи дерзки груди,
 пышны ягодицы и бедра,
А сердца изнывают от пыток —
 сладких пыток Незримого бога ².

*

Эти ветки цветущего манго,
 что, хмелея, целуют пчелы,
Эти ветки в свежих побегах,
 что волнуемы ласковым ветром,
Эти ветки душистого манго,
 если смотрят на них подолгу,
Острой страстью, внезапной страстью
 грудь пронзают влюбчивых женщин.

*

Черный кокил на манговых ветках
 опьянен, как вином, их цветами,
От волнения крылья топорщит
 и подружку страстно целует.
А мохнатый шмель-сластолюбец,
 сев на лотос полураскрытый,
Так жужжит, будто к юной пчелке
 обращается с пылким признаньем.

*

Пояски в золотых узорах
так и дразнят, свисая с бедер,
А жемчужные яркие бусы
так и льнут к островерхим грудям.
В дни весны, призывая на помощь
звоны пчел да стоны кукушек,
Истомленные Камой жены
все бесстыдней мужчин завлекают.

*

Буйный ветер, что весело треплет
яркоцветные ветки манго,
Вешний ветер, что зовы кукушек
по горам и лесам разносит,
Теплый ветер, что так отраден
после жгущих порывов стужи,
То нахлынет, то прочь улетает,
похищая сердца влюбленных.

*

Снова пышные кроны ашоки
нежно-юной листвой заблестели,
А цветы их, как ветки кораллов,
язычками огня багрянеют.
Если девушка долго смотрит
на цветущую ярко ашоку,
Сердце робкое полнится грустью,
сладкой грустью — предвестьем счастья.

*

Он — в истоме глаз удлинённых,
 ставших жаркими от опьяенья,
Он — и в бледности щек, и в чутких
 остриях затвердевших грудей,
Он сегодня — в каждом движенье
 гибких талий и пышных бедер,
Он во всем с новой силой ожил,
 бог весны и любви — Камадэва!

УЗОРЫ ЛЮБВИ

*Из санскритской
антологической
лирики*

КАЛИДАСА (?)
(V в.)

Из сборника «Узоры любви»

Эти руки — как лotosовые стебли,
А лицо — словно лotosовый цветок,
Красота ее тела — как блеск озерный,
Как веселые рыбки — игра ее глаз,
Пара диких гусей — пугливые груди!..
Дивным озером сделал ее Творец,
Чтоб в отрадную глубь могли погружаться
Те, чьи души от стрел Камадэвы горят.

*

Говорят, что нужно назвать нирваной
Состоянье бесстрастья, покоя, бесчувствия,
Но не чувствовать ни наслажденья, ни боли —
Лишь глупец мог такое счастье придумать!
Нет, по-моему, нужно назвать нирваной
Дивный миг, когда молодой счастливец
Распускает пояс трепетной девы —
Задышающейся, хмельной от страсти.

*

Юный лик твой из белых лотосов создал,
А глаза — из лазоревых мудрый Творец,
Твои зубы — из лепестков жасмина,
Твои губы — из алых бутонов лесных,
Твои руки — из гибких лиан, твоё тело —
Из весенних побегов чампаки свежей...
Почему же, нежнейшая, о почему
Твое сердце Создатель из камня сделал?

*

В дом, под кровлю беги скорей, дорогая!
В темноте снаружи не стой, не стой!
Уходить уже начал в черную пасть
Круг луны серебристой, холодно-лучистой!
Это демон схватил ее — жадный Раху,
И боюсь: если сверху заметит тебя,
Не захочет ли вместо луны небесной
Он луну проглотить твоего лица?

*

Прочь, наглец! Не смей мне впиваться в губы!
Негодяй! Отпусти, отпусти мой подол!
Жалкий лжец! Ты еще мне в любви клянешься?
К той ступай, кто поверит твоей болтовне!
Спать хочу, скоро полночь... И что за отрада —
Грудь ласкать, от ласк другого уставшую?
Что за радость шмелю от чужих цветов —
Пожелтелых, выпавших из гирлянды?

★

Не скрывайся, о лотосоглазая, молви:
Если тайно в душе ты копишь обиды,
То открыто скажи,— хоть и больно мне будет,
Но вдвоем мы разрушим эту преграду.
Обними, да покрепче — с такой же страстью,
Как меня обнимала совсем недавно,
Возврати, да скорей — и с таким же огнем —
Поцелуй, в лучший миг подаренный мною.

★

Если вдруг на неровном месте споткнется
Эта стройная, высокогрудая дева,
Пусть не сердится, пусть никого не винит,
Кроме пышной своей красоты весенней:
Из-за грудей, таких крутых и округлых,
Под ногами дорогу не могут видеть
Эти вытянутые до самых ушек,
Удивительные глаза олени.

★

О моя горделивая, верь моим клятвам,
Гнев на милость смени, о моя царица!
На раба влюбленного не сердись —
Ты ведь знаешь: правдивы его уверенья!
Если ж пальцы, ласкающие твои груди,
Быстрых рук сплетенья, страстные стоны
Оскорбляют тебя, то тогда ударь
Прямо в сердце копьём сердитого взгляда.

АМАРУ
(ок. VIII в.)

Из сборника «Сто строф Амару»

Когда, закусив губу — весеннюю веточку манго,
Вся, как от страха, дрожа до кончиков пальцев,
С пляшущими бровями, подобными гибким лианам,
Кричит она в гневе: «Прочь, грубиян, невежа!» —
Сама же тем временем страстно глаза смежает,
Жарко, прерывисто дышит,— о, кто такую гордячку
Поцеловать успел, тот вправду хлебнул нектара,
И зря, океан взбивая, трудились глупые боги! ¹.

*

О скажи, чаровница, кто тот счастливец,
На которого так горячо, и влажно,
И стыдливо, и жадно глаза твои смотрят,
То и дело смежаясь в сладкой истоме?
То внезапно в лицо ему прямо глянув,
То поспешно взор отведя смущенный,
Выдаешь ты, сама того не желая,
Затаенные в сердце твоём желанья.

*

Твой самый желанный сидит сейчас возле дома,
Печально склоняясь, на земле что-то пальцем чертит,
Глаза у твоих наперсниц от слез опухли,
Служанки в тоске — с утра ничего не ели,
Из клеток весь день не слышна болтовня попугаев,
А в зеркало глянь — на кого ты сама похожа?
Довольно, красавица, сердцем смягчись, опомнись,
Свой темный гнев смени на светлую милость.

*

Я глаза опустила, едва он встал предо мною,
А ведь так хотелось поближе его увидеть,
Я зажала пальцами уши — крепко зажала,
А ведь так не терпелось голос его услышать!
Я ладонями щеки прикрыла, чтоб не было видно,
Как на них от волненья трепещут капельки пота,
Но скажите, подружки: что я могла поделать,
Если вдруг по швам на груди разошлась одежда?

*

«Когда ж возвратишься ты, господин мой?
В полдень? Сразу же после полудня?
А может, до вечера ждать придется?» —
Так юная трепетно вопрошает
И детскими, полными слез глазами
Прощальный час омрачает мужу:
Как милой жене сказать, что до места,
Куда он уходит, сто дней пути!

*

**«Прочь ступай!» — так ему, притворясь сердитой,
Я, капризница глупая, резко сказала,
Он же вырвался, с ложа встал, бессердечный,
И меня — ты представь, подружка,— покинул!
Что же делать мне, если новой встречи,
Новых ласк бесстыдное сердце просит?
Неужели и вправду он больше не любит
И меня, неразумную, не пожалеет?**

*

**Когда ручной пройдоха-попугай,
Слыхавший ночью шепот новобрачных,
Наутро все их пылкие слова
Твердить при старших громко начинает,
Сгорая от стыда, невестка молодая,
Чтоб только замолчал бесстыдник пестрый,
Скорей — под видом зернышка граната —
Серьгу рубиновую в клюв ему сует.**

*

**Глядит избалованный плут, молодой красавец:
Две девушки милых, ему хорошо знакомых,
Рядом уселись — тогда, осторожно подкравшись,
Одной он глаза под видом игры закрывает,
Смеется она — и не видит, как этот негодник
Меж тем повернулся к другой и целует сладко,
А та от неожиданной радости вся трепещет
Да так и сияет лукавой, нежной улыбкой.**

*

Когда очень мягко спросил служанок
Супруг, почему так рано заснула
Его ланеглазая — да к тому же
Крепко свой стан кушаком стянула,
Она вскричала в притворном гнев:
«Ах, мама, не даст и вздремнуть немного!»
И как бы во сне повернулась на бок,
Ему край ложа освобождая.

*

На ложе одном, в полутьме, отвернувшись молча,
Страдали они — не знали, как помириться,
Уже не сердились они, и лишь юная гордость
Прервать им мешала томительное молчанье.
Но вот осторожно, искоса друг на друга
Они наконец взглянули — слились их взоры,
И вздорная их размолвка тотчас сменилась
Смехом счастливым и новым бурным объятьем.

*

«О дивнобедрая, стан твой чарует взоры,
Даже когда не подвнешешь ты свои груди!» —
Так, рядом с нею присев на краешек ложа,
Молвил красавец, на стан положив ей руку.
И увидав, как от радости заулыбалась,
Жарко зарделась их госпожа молодая,
Тотчас причины найдя, одна за другою
Заторопились, из комнаты вышли служанки.

*

Пуškai еще хмурятся брови мои, но взор
Уже блуждает — на милого глянуть хочет,
Пуškai еще речь неприветлива, но лицо
Уже заливаает предательская улыбка,
Пуškai еще сердце сердится, но по коже
Бежит уже страстным ознобом новая радость...
Разве могу оставаться упрямой и злой,
Как только увижу этого человека?

*

На грудь ты себе нацепила звенящий жемчуг,
На пышные бедра надела бренчащий пояс,
А на лодыжках браслеты из самоцветов
Дерзко потренькивают при каждом шаге.
Но если торжественно, словно под звон победный,
Решила отправиться ты на любовную встречу,
Зачем все равно, простодушная, ты робеешь,
Звенишь и дрожишь, во тьме озираясь пугливо?

*

«Смотри-ка, он спит, ты тоже ложись, дорогая!» —
И, тихо смеясь, подружки мои удалились,
А я не сдержалась — к возлюбленному склонилась,
Прильнула к желанным губам, запылав от страсти,
И вдруг поняла: он лишь притворяется спящим,
И стыд ощутила, мучительный стыд! Но тут же
Помог мне любимый забыть обо всем на свете,
Занявшись тем, что на ложе положено делать.

*

«Не молчи, о красивейшая из женщин!
Посмотри, я у ног твоих, моя радость!
На меня ты ни разу так не сердилась!
Успокойся, прости!» — так супруг умолял.
Не ответила стройная — лишь отвернулась
Да плотнее сжала глаза и губы,
Но смогли сквозь ресницы прорваться слезы,
А сквозь губы ни слова не прорвалось.

*

Теперь, когда нежные чувства исчезли, подружка,
Когда почитанье, рожденное страстью, иссякло,
И нет даже дружбы, и он, столь душе любезный,
Мимо меня совсем как чужой проходит,
В слезах воскрешаю я в памяти все униженья,
Оглядываюсь на восторги дней невозвратных
И удивляюсь: как все еще бьется сердце,
Как живо еще — не рвется на сто частей?

*

Не лотосов пышных гирлянда вход украшала,
А лотосы глаз ее пылких цвели от счастья,
И не с подносом, полным цветов жасмина,
А с яркой улыбкой стояла она в дверях,
Не два кувшина для жертвенных возлияний,
А юные влажные груди ее светились —
Таков был обряд, приготовленный ею для встречи
Любимого мужа, когда он домой вернулся.

*

Накануне меня он посмел обмануть, негодник,
Разобиделась я — прогнала его прочь сердито,
Он же, плут, у подруги моей раздобыл одежду
И ко мне в ту же ночь явился переодетый.
Я, конечно, решила, что это — моя подруга,
И шепнула тайком, что мечтаю о встрече с милым.
Тут он как захохочет: «О-о, это очень трудно!» —
И меня через миг, как безумный, стиснул в объятьях.

*

Сперва любимому властелину сердца,
Припомнив обиду, поспешно проговорила
Все злые упреки она, каким накануне
У старших подруг — притворщиц ловких — училась,
И тут же опять стала нежной, веселой — такой,
Какими велит любовникам быть Камадэва...
Не ведает хитростей истинный путь любви,
Невинность, бесхитростность — вот его украшенья!

*

Ах, если капризен любимый, скольким оттенкам
И выраженьям различным учатся наши глаза!
Милого нет — и грустят, на дорогу глядят,
Милый пришел — на него и взглянуть не желают.
Начнет говорить он — глаза расширяться начнут,
Обнять попытался — горят, возмущенно пылают,
Схватил за одежду — сердиться прикажут бровям,
Упал к ногам — засверкают слезами счастья.

*

Не позабуду, как, сладким вином опьяненная,
Вдруг у меня на груди любимая след увидела
И, видно, забыв, что сама ноготочком острым
Царапинку эту в пылу наших ласк провела,
Ревностью запылав, прочь от меня рванулась,
Когда же, схватив за подол, я спросил: «Куда ты?»
Крикнув: «Оставь!» — на миг обернулась она,
И как ее губы дрожали, как ее слезы сверкали!

*

Полными слез глазами увидев на небосклоне
Горы растущих туч, сулящих месяц дождей,
Она лишь начать смогла: «Если ты, о свет мой,
Муж мой, собрался в путь... Если жену покинешь...»
И голос прервался... Меня за одежду схватив,
Упав к ногам, в отчаянье землю царапая,
Так стала биться и плакать бедняжка моя,
Что описать словами поистине невозможно!

*

«Моя красавица!» — «Слушаю, господин мой!» —
«Не злись, о сердитая, хватит, забудь обиду!» —
«Обиду? Какую?» — «Как ты меня огорчаешь!» —
«Не огорчайся! Одна только я виновата!» —
«Зачем же ты плачешь?» — «Плачу?» — «Еще как горько!» —
«Ты что, жалеешь?» — «Конечно, тебя жалею!» —
«Меня? Да кто я тебе?» — «Любовь моя, счастье!» —
«Неправда все это! Вот потому-то и плачу!»

*

Лианами трепетных рук она не обвила друга,
В дверях не встала, ему преградив дорогу,
В отчаянье, с плачем ему не валилась в ноги
И даже ни разу не прошептала: «Останься!..»
Но только решил бессердечный двинуться в путь,
Она удержала его — удержала бурным потоком,
И не от дождей так бурно поток разлился —
От тайных слез, что лила она каждой ночью!

*

Страсть весенней рекой уносит сердца новобрачных,
Но плотиной им служит присутствие старших в доме,
И не могут себе ничего молодые позволить,
Хоть и близко сидят — утолить желанья не могут,
Лишь глядят друг на друга молча и неподвижно,
Будто две нарисованные на картине фигуры,
И нектар любимого взора пьют неотрывно,
Как росу, текущую с лотосовых стеблей.

*

Измощенное, бледное, истомленное долгой разлукой,
Обрамленное сетью распущенных, спутанных прядей,
Как лицо ее вдруг просияло, каким красивым
И пленительным стало, едва я с чужбины вернулся,
И какая сила меня позабыть заставит
Вкус ее поцелуев, сначала стыдливых, гордых,
И смущенье ее в начале забав любовных,
И безумство ее в разгаре счастливой страсти!

*

Тут забрызгано бетелем — темно-красным соком,
Там запятнано непросохшей сандаловой мазью,
Здесь осыпано пудрой камфарной, там ярким лаком,
Украшавшим ей ноги, измазано слишком явно —
Это смятое ложе с разбросанными цветами
Поутру выдает любому, кто только глянет,
До чего были бурны красавицы этой объятья,
До чего были ласки ночные разнообразны.

*

«Тебе расскажу о чем-то, пойдем скорее!» —
И ловко меня он увлек в укромное место.
Я села рядом, решив внимательно слушать,
Хоть сердце мое то дрожало, то замирало.
А он... а он склонился над самым ухом,
Невнятно шепча, щекоча горячим дыханьем,
Потом, за косу схватив, лицо мое поднял
И начал пить нектар моих губ, обманщик!

*

«Куда ты спешишь, дивнобедрая, стройная,
Полночью мрачной куда ты идешь?» —
«Туда, где ждет господин моей жизни,
Желанный, что сердцу дороже всех!» —
«Но молви, о нежная, как не боишься
В ночи непроглядной идти одна» —
«Сам Камадэва — лучник отважный —
К любимому сопровождает меня!»

*

Она молчала — в глаза ему горько глядела,
Она умоляла, шепча и ломая руки,
Потом вскочила, схватила за край одежды,
Стыд позабыв, обняла его, горько плача,
Когда же он все-таки вырвался, жестокосердный,
Отверг все мольбы, собрался ее покинуть,
Несчастная, возопив, отречься стала
Сперва от любви, потом от надежды, потом от жизни!

*

Свежесорванным лотосом крепко она хлестнула
По лицу, по глазам своего плутоватого друга,
Чей-то свежий укус на губах у него заприметив,—
Так хлестнула, что, вскрикнув, зажмурился он, бедняга,
И тогда дивнотелая, то ли и вправду встревожась,
Что пыльцою глаза любимому запорошила,
То ли просто хитря, стала дуть, свои губы приблизив,
А хитрец не зевал — и ртом эти губы поймал.

*

Сначала мы были неразделимы —
Накрепко слиты душой и телом,
Потом ты любовником стал своенравным,
А я — страдающей и влюбленной,
Теперь же ты мой господин, властитель,
А я — лишь рабыня... Что будет дальше?
Ах, видно, в алмаз затвердело сердце,
Разбиться хочет — никак не может!

*

«Дитя простодушное! Или ты хочешь
Всю жизнь оставаться робкой, покорной?
Стань храброй, почаще выказывай гордость,
Будь хитрою с ним, не такой откровенной!..»
Но тут, не дослушав лукавых советов,
Шепнула пугливая: «Тише, подружка!
Ведь он же вот здесь — живет в моем сердце,
А вдруг слова он твои услышит?»

*

Когда с чужбины вернулся супруг желанный,
С трудом она день провела в ожиданиях сладких,
А в спальню войдя, увидала, что все еще медлят
Болтуни-служанки и милый войти не может.
Тогда дивногрудая — лишь бы скорей их спровадить —
На хитрость пустилась, вскричала в притворном страхе:
«Ой, что-то летает, укусит!..» — и шелковым шарфом
Размахивать стала — в лампе огонь погасила.

*

Тщетно лианами рук торопливых
Одежды сползающие поправляет,
Цветы из гирлянды бросает в светильник,
Его скорей погасить пытаюсь,
В разгаре ласк ладонями нежными
Мужу, стыдясь, глаза прикрывает,
А кончатся ласки — с юной подруги
Не сводит супруг счастливого взора.

*

«Откуда пот на лице?» — «Ах, это солнце жжет!» —
«А что раскраснелась?» — «Ах, он меня дразнил!» —
«Кто знак над бровями стер?» — «Мое покрывало!» —
«А локоны кто растрепал?» — «Конечно же, ветер!» —
«Ну ладно, ты все хорошо объяснила, подружка,
Но что на последний вопрос, негодница, скажешь:
Тебя лишь с приветом моим я к нему послала,
Откуда же свежая ранка на нижней губе?..»

*

Сначала я долго училась, как брови хмурить,
Как щурить глаза презрительно и надменно,
Готовилась, встретив его, удержать улыбку,
Когда ж говорить он со мною начнет — молчать,
Я даже сумела, хоть и с огромным усилием,
Сжать свое сердце, сделать, как сталь, холодным —
Итак, все готово, чтоб выказать гнев непреклонный,
Теперь мой успех или гибель — в руках Судьбы.

ВИДЬЯКАРА
(XI в.)

Из антологии
«Сокровищница изящных речений»

ВСТУПЛЕНИЕ

Я создать сокровищницу задумал —
Как в ларце, все лучшее в ней собрать
Из красивейших строк, мудрейших речений
Мастеров — песнетворцев разнообразных,
Из чарующих слов, что много столетий
Источали уста певцов вдохновенных,
Заставляя великих, бессмертных творцов
Улыбаться, кивая в знак одобренья.

★

С водою ручьею смешался пряный запах —
Зацвел в предгорьях сахарный тростник,
Вдоль берегов сплелись живой оградой
Жасминов распустившихся кусты,
А тучи над хребтом — как пышный балдахин
Для праздничного брачного веселья
Павлинов, пляшущих по склонам луговым,
Смеющимся раскрытыми цветами.

*

Еще цветы покоятся в бутонах,
И в почках туго свернута листва,
Напев любви еще щекочет горло
Затихшей перед пением кукушки,
Но, если б взял сейчас Стрелок незримый ²
Свой лук, давно скучающий без дела,
Двух дней ему достаточно, чтоб снова
Играючи, весь мир завоевать.

*

То, что звучание флейты ласкает
Наш слух, как живая струя прохлады,
То, что вино драгоценней нектара,
Когда сосуд в воде охлажден,
То, что становятся груди любимой
На ощупь свежее горного снега,—
Все это награды, что только летом
Щедро дарует нам бог любви.

*

Расцвел жасмин — раскрытые цветы
С утра ласкают наше обонянье,
И черные бутоны на деревьях
Светлеют — скоро пламенными станут,
Мед озабоченно собирают пчелы,
И обольстительней любых жемчужин
В ложбинке между пышными грудями
Сверкающие бисеринки пота.

*

Сейчас, что ни день, то жара густая —
Такая, что нет спасенья,
Сейчас, что ни ночь, то душная тьма —
Такая, что нет отрады,
И мучится день, и томится ночь,
Никак не придут к согласью,—
Так мучится муж, и томится жена,
Когда между ними ссора.

*

Этот манговый свежий бутон, что прислал любимый,
Перетолки да зависть вызвал ее подружек,
А сама ланеглазая чувствует: надо в жертву
Камадэве-стрелку этот первый бутон принести,
Но никак не может юная с ним расстаться —
То погладит бережно, то приласкает взглядом,
То вдохнет аромат его, то щекой горящей
К этой свеже-прохладной любовной весточке льнет.

*

Вот бедра узенькие стали тяжелеть,
На детской талии три складки все виднее,
Растет задумчивость — своих бывлых подружек
С возней их шумную сторонится она,
Соски, как два бутона, поднялись,
Глаза уже косят пугливо, шаловливо,—
Чем ближе, неизбежней дни любви,
Тем невозвратней ускользает детство.

*

Ах, недотрога-ланы! В любом движеньи, слове —
Наполовину «да», наполовину «нет».
Пугливы и дерзки, стыдливы и бесстыдны
Дни между детством и порой любви.
«Дай щечку!» — скажешь. Смело подойдет,
А через миг испуганно отпрянет...
О как загадочна, опасна, но сладка
Двусмысленная девичья невинность!

*

Когда, ища любовных приключений,
Дождливым днем она внезапно входит
С лицом смеющимся — в блестящих брызгах,
В потеках краски возле милых глаз,
В промокшем тонком сари голубом,
Ее крутые груди облепившем,
Блажен счастливец, что поможет ей
Одежды снять,— и пусть подольше сохнут!

*

Не видишь, почему я смущена?
Вон любопытная моя подружка
Гуляет возле дома — видно, хочет
Подслушать нашу сладкую игру.
Так перестань же, торопливорукий,
С меня так быстро стягивать одежду!
Потише!.. Я сама... Зачем ей слышать
Как пояс мой упавший зазвенит?

*

Когда одежду он с меня совлек,
Сперва испуганно ладонями пыталась
Я груди заслонить — пришлось к нему прильнуть,
Чтоб грудь его моей одеждой стала.
Когда ж его рука по моему бедру
Все ниже поползла, ты знаешь ли, кто спас
Меня, тонувшую в реке стыда? Не знаешь?
Учитель обмороков — Бог любви.

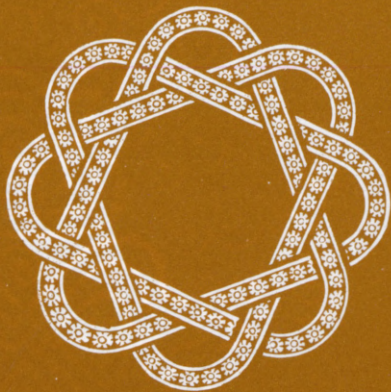
*

Когда он подошел к моей постели,
Стал сам собою распускаться пояс,
Едва-едва на мне держалось платье,
Но это вспомнить я еще могу.
Когда ж сомкнулись жаркие объятия,
Уже не помню, где был он, где я,
Где были наши руки, где колени,
А что мы делали — совсем не помню!

*

Все, что боги в трудах великих
Добывали из недр океанских ³,
Как в живых зеркалах, отразилось
В лицах наших земных красавиц:
Розы райские — в их дыханье,
Лунный блеск — на нежных ланитах,
Улыбнутся — нектар струится,
Глянут искоса — брызнет яд.

ТРИ
СВИТКА
РАЗДУМІЙ

*Из поезии
Бхартрихари*

БХАРТРИХАРИ
(между V и VII вв.)

Из сборника «Три стострофия»

ИЗ «ПЕРВОГО СТОСТРОФИЯ»
(«О мудрости житейской»)

*Вступление*¹

Тому, кто от времени, от пространства,
От всей Вселенной неотделим,
Тому, кто в себе одном воплотил
Всю полноту всеобщего знания,
Тому, кто с начала и до конца
Постиг свою суть и свою природу,
Ему, Блистательному, Всеблагому,
Исполненному покоя,— слава!

Из раздела «О глупцах»

Тех, кого почитают премудрыми,
Одолели зависть и жадность,
Тех, кого почитают владыками,
Раствлеают зло и гордыня,
Всех же прочих гнетет невежество —
Беспросветное тупоумие,
И при виде такого упадка
Умолкает мое красноречие.

*

Тот герой, что жемчужину вырвал бы
Из клыков подводного чудища,
Пересек бы на хрупком суденышке
Океана просторы бурные,
Кто бы смог даже кобру злобную,
Как венок, возложить на голову,
Все равно переспорить не сможет
Возгордившегося глупца.

*

Кто-то, быть может, из горсти песка
Масло выжать сумел,
Другой, быть может, жадой томясь,
Воды из миража испил,
Третий, быть может, в дальнем скитанье
Зайца поймал за рога,
Но нет никого, кто бы смог переспорить
Упершегося дурака.

*

Вкусив только первые крохи знания,
Я, будто слон в безумье весеннем,
Был возбужден — обуянный гордыней,
В душе восклицал: «Я — великий мудрец!»
А после все чаще и чаще начал
Общаться с истинными мудрецами
И, переболев лихорадкой гордыни,
В душе говорю: «Я — великий глупец!»

*

От пламени можно спастись водой,
От зноя полуденного — под зонтом,
Быка и осла умирят палка,
Слона, распаленного похотью,— анк,
От злого недуга избавит лекарство,
От яда — чтение заклинаний,
Одно лишь не сказано даже в шастрах:
Как можно избавиться от глупца!

Из раздела «Об ученых»

Его не украсть и хитрейшему вору,
Зато раздают его всем, кто хочет,
И хоть раздают, а оно возрастает
И до скончанья времен не погибнет —
Это сокровище — знание!.. Пред теми,
Кто этим незримым богатством владеет,
Отбросьте гордыню, земные владыки!..
Бессмертно знание,— что с ним сравнится?

*

Нет, украшают людей не браслеты,
Не бусы из лунномерцающих перлов,
Не благовония и не гирлянды,
Не сложно-затейливые прически —
Непрочно все это! Прочно, долговечна
Лишь сила изящного, мудрого слова,
И вечно, нетленно из всех украшений
Лишь то, что зовется «украшенной речью».

*

Знание — вот что людей украшает,
Знание — самый надежный клад,
Знание — это наставник наставников,
Знание — счастья и славы исток,
Знание — истинный друг в скитаньях,
Знание — главное из божеств,
Даже цари превыше богатства
Знание чтят... А невежды — скоты!

*

На тех, кто с родными живет в согласье,
Милостив к слугам, суров к негодяям,
Чтит добродетельных, искренен с мудрым,
С царем осторожен, бесстрашен с врагом,
На тех, кто с женщинами настойчив,
Со старцами немощными терпелив,—
На них, искушенных в этих искусствах,
Держится весь наш мир земной.

*

Как жизнь возвышает
Счастливых великих поэтов,
Постигших все тайны
Искусства напевной речи!
Ни старость, ни смерть
Им страха уже не внушают,
Их плоть и душа
Блистают чистойшей славой.

Из раздела «О чести и доблести»

Подобострастно хвостом виляя,
Угодливо ластится подлый пес,
Валится на спину перед кормильцем —
Лишь бы подачку скорей получить.
А мощный слон снисходительно смотрит
На груды лежащих пред ним угощений,
Сто раз попросить его ласково нужно —
Он лишь тогда соизволит поесть.

*

Сонмы миров на своих капюшонах
Змей Шеша держит тысячеглавый,
А этого змея спиной подпирает
Громадная черепаха Курма,
А тяжесть ее терпеливо выносит
На мощной груди Океан всемирный...
О, сколь безграничны и чудны деянья,
Что совершают великие души!

Из раздела «О богатстве»

Любой, кто разбогатеет,
Сейчас же становится умным,
Начитанным и благородным
И правил святых знатоком.
Он и храбрец, и красавец,
И остроумец тонкий —
Ах, сколько достоинств людям
Блеск золота придает!

*

Если ты хочешь, разумный владыка,
Умело доить эту землю-корову,
Тогда свой народ накорми сначала,
Как сытно откармливают телята,
И если народ постоянно будет
Твою ощущать благуя заботу,
Тогда и земля, как волшебное древо,
Дарить тебе станет любые богатства.

*

Будто капризная потаскуха,
Себя ведет иной властелин:
Смешались в поступках его своенравных
И ложь, и правда, и лесть, и брань,
Он то милосерден, то беспощаден,
То глупо скуп, то нежданно щедр,
Но главное, главное в жизни его:
Вечная жажда — жажда богатства.

Из раздела «О негодях»

Пусть кобры капюшон
Рубинами украшен,
Но стала ли от этого
Безвреднее змея?
Пусть негодяй и лжец
Познаньями украшен,
Но станет ли от этого
Безвреднее подлец?

*

Если ты скромн, считаешься глупым,
Тверд в убежденьях — значит, заносчив,
Если ты честен, слынеш хитроумным,
Если ты храбр, назовут жестоким,
Если правдив, сочтут простодушным,
Красноречив — прослынеш болтливым...
Где ж добродетельный, чья добродетель
Не оклеветана подлецами?

*

Если жаждут злата, к чему еще зло иное?
Если есть клевета и ложь, то к чему убийства?
Если мудр человек, для чего ему быть аскетом?
Если чист, для чего ему дальних святынь искать?
Если ты величав, то к чему тебе украшенья?
Если добр ко всем, то к чему семейные узы?
Если подлинных знаний достиг, то к чему богатство?
Если рухнул позор на тебя, то нужна ли смерть?

*

Луна, потускневшая в блеске дневном,
Прелестница, блекнувшая с годами,
Лицо красавца, лишнное мысли,
С увядшими лотосами пруды,
Раджа, стремящийся лишь к богатству,
Труженник честный, погрязший в бедах,
Приближенный к трону злодей — таковы
Семь стрел, пронзающих мою душу.

*

Как можно счастливым быть при радже,
Возвысившем самых отпетых злодеев,
Забывшем о низости кармы своей,
Созданной в прежней, нечистой жизни,
Как жить при радже, лишь по воле случая
Власти добившемся, злом, своенравном,
Радже, потакающем всем порокам
И ненавидящем все добродетели?

*

Дружбу со злым, коварным, бесчестным
Сравнил бы я с тенью перед полуднем,
А дружбу с честным, чистым, достойным
С послеполуденной тенью сравню:
Дружба с бесчестным сперва велика,
Потом убывает, совсем исчезает,
А дружба с честным сперва скромна,
Зато растет и растет неуклонно.

*

У рыбы, плещущейся в воде,
У лани, пасущейся на лужайке,
У добродетельного человека,
Живущего в радости и добре,
Всегда в этом мире враги найдутся:
Рыбе грозит хитроумный рыбак,
Безгрешной лани — жадный охотник,
А добродетельному — клеветник.

Из раздела «О добродетельных»

Чело, к стопам святого наставника
Низко, почтительно наклоненное,
Щедрость ладоней, похвал достойная,
Чистые мысли, правдивая речь,
Неодолимая сила безгрешности,
Строки святы, звучащие в памяти,—
Вот что поистине тех украшает,
Кто и без всяких богатств богат!

*

Хорошо, справедливо жить, от неправого дела
Отстраняться, хотя бы под страхом утраты жизни,
Никогда к недостойному с просьбой не обращаться,
Если помощь нужна, не просить о ней даже друга,
Быть в любом несчастье несокрушимо стойким,
По стезе величайших стремиться!.. Но кем подписан
Этот труд добродетельной жизни — столь же суровый,
Как обет стояния на острие меча? ².

*

Капля, упав на жаровню горячую,
Даже следа по себе не оставит,
А упадет на листочек лотоса —
Долго сверкает жемчужным блеском,
А в раковину попадет морскую —
Станет жемчужиной настоящей!
Таким становишься, с кем общаешься,—
Низким, средним или высоким.

Из раздела «О помощи ближним»

Смотри: под грузом плодов созревших
Склоняются ветки пышных деревьев,
Смотри: обложившие небо тучи
Готовы пролиться свежеею влагой,—
Вот так добродетельные и скромные,
Следуя только велению сердца,
Без всякого умысла и корысти
Делятся с ближними всем, что имеют.

*

Как солнце утренними лучами
Лотосам помогает раскрыться,
Как лилий белые хороводы
Луна пробуждает щедрым сияньем,
Как туча влагу льет бескорыстно,
Так добрый, не ждя никакой награды,
Лишь повинувшись голосу сердца,
Ближним своим всегда помогает.

*

Есть такие, чей дух, и слова, и тело
Добродетелью, словно нектаром, полны,
И чреда их высоких, добрых деяний
Свет и радость дарит всем трем мирам³.
Что же доброго есть и в людях других,
По частичкам в душе они собирают,
Возвышают и вновь изливают в мир...
Но таких добродетельных много ль на свете?

Из раздела «О стойкости»

Не успокоились боги, когда, океан взбивая,
Много чудесных сокровищ извлечь сумели,
Не ужаснулись, когда вместо чудо-нектара
Сперва получили страшный, смертельный яд,
Не прекращали боги тяжких усилий,
Пока наконец не добыли напиток бессмертья ⁴,—
Вот так добродетельный муж: пока не достигнет
Цели заветной, усилий не прекратит.

*

Пусть иногда на земле он спит,
А иногда — на роскошном ложе,
Пусть иногда лишь коренья ест,
А иногда — тончайшие яства,
Пусть иногда он в лохмотья одет,
А иногда — в наряд драгоценный,
И в счастье, и в горе с равным упорством
Восходит все выше могучий дух.

*

Тот, чья душа бесстрашна,
Не ведает пламени гнева,
Чье сердце не ранят стрелы
Заманчивых женских взоров,
Кого не сжимает петлей
Жажда земных наслаждений,
Тот, стойкий, победоносно
Пройдет через все три мира.

*

Для тех огонь превращается в воду,
Безбрежное море — в простую канаву,
Вершина Меру — в ничтожный камень,
А царь зверей — в ручную козу,
Для тех гирляндой становится кобра,
Смертельный яд — напитком бессмертья,
Чьи души, мысли, тела сияют
Святостью, чтимой всеми людьми.

Из раздела «О судьбе»

Голодна была крыса — измучась, отчаясь,
Как-то ночью корзину она прогрызла
И попала тотчас же в пасть змеи,
Притаившейся в темной этой корзине,
А змея, насытись, набравшись сил,
Уползла сквозь дыру, что прогрызла крыса...
Исполняй же свой долг! Лишь во власти Судьбы
Нас, людей, возвысить иль уничтожить.

*

Вот лысый, с непокрытой головой,
Которую нещадно солнце жжет,
Спешит тенистый уголок найти —
Садится под развесистою пальмой,
А с пальмы падает большой орех
И с треском разбивается о череп:
Куда б ни шел наказанный Судьбой,
За ним идут и все его несчастья.

*

Смотри, мой друг: негодница Судьба —
На грубого горшечника похожа —
Схватила, мнет мою живую душу,
Как будто глины безответный ком,
И, на гончарный круг ее швырнув —
На колесо тревог и злоключений,
Бьет, беспощадно кружит этот круг,—
Что с нами сделает Судьба, кто знает?

*

О глупая, злая Судьба! Забудь,
Забудь про умысел свой коварный:
Увидеть ты хочешь, как от несчастий
Разрушатся стойкость и добродетель.
Но знай: настанет конец времен,
Реки иссякнут, моря исчезнут,
Рассыплются самые прочные горы,
А добродетельные — устоят!

Из раздела «О карме»

Мы богам поклоняемся,— но ведь известно,
Что и боги — во власти Судьбы проклятой.
Что ж, восхвалим Судьбу! Но ведь может она
Раздавать только то, что предписано Кармой.
Если ж в Карме исток всех наград и расплат,
Что пред нею Судьба, что бессмертные боги?
Так восславим великую силу — Карму,
Люди, боги, весь мир покоряется ей!

*

Той, чья воля была, чтоб внутри Мирового Яйца ⁵,
Как в кувшине гончар, оказался бессмертный Брахма,
Той, что мудрого Вишну во имя тягчайших деяний
Десять раз воплотиться на бренной земле обрекла ⁶,
Той, что Рудру ⁷ могучего нищим заставила стать,
Сделав череп смиренною чашею для подаянья,
Той, что Сурье лучистому пб небу вечно скитаться
Приказала,— владычице Карме хвала и слава!

*

Кто, придя в этот мир, где властвует Карма,
Добрых подвигов жертвенных не совершил,
Тот глупцу подобен, что варит кашу
В драгоценном сосуде из бирюзы,
Топит печь сандаловыми дровами,
Землю плугом из чистого золота пашет
И деревья камфарные рубит, решив
Оградить свое поле, где просо посеял.

*

Ни прекрасная внешность, ни родовитость,
Ни покорность правилам благочестья,
Ни усердная служба, ни даже ученость
Нам в грядущем не принесут награды.
Лишь благие поступки, что мы накопили
В наших прежних, самоотверженных жизнях,
Нам награду сулят — лишь на доброй почве
Может дерево добрые дать плоды.

*

Благие дела, совершенные в прошлом,
В новом рожденье хранят человека:
Спасут его жизнь от любых несчастий —
Всегда и везде, наяву и во сне,
Спасут и на самой опасной вершине,
И в бурном потоке, и в буйном пожаре,
В бою оградят от ударов вражьих,
А в дебрях от хищников злых спасут.

*

Для того, кто в прежних рожденьях
Добрых дел совершил немало,
Лес погибельный, лес ужасный
Превращается в светлый город,
Все, кого он встречает в жизни,
Для него — друзья и родные,
Вся земля перед ним блистает,
Как собранье дивных сокровищ.

ИЗ «ВТОРОГО СТОСТРОФИЯ»
(«О страсти любовной»)

Из раздела
«Восхваление женщин»

Искусные движения бровей,
Застенчивые, милые улыбки,
В глазах — то зов лукавый, то надменность,
То быстрый гнев, то искры озорства,
Игривая походка, речь с запинкой —
Все это, как и многое другое,
Увы, не только украшенья жен,
Но и губительное их оружие!

*

С игриво нахмуренными бровями,
С ланитами, рдеющими стыдливо,
С губами, то блещущими улыбкой,
То дрогнувшими от притворного страха,
Толпою теснятся прелестные девы,
И ярко их быстрые взоры сверкают,
Как будто все стороны света осыпав
Несметными лотосами голубыми.

*

Лицо, чье сияние посрамит луну,
Глаза, чья краса над лотосами смеется,
Кожа, чей блеск затмит золотые слитки,
Косы, чья чернота синей черно-синих пчел,
Уже располневшие бедра, высокие груди,
Подобные лобным выпуклостям слона,
Лукавая, тонкая речь — вот истинные украшения
Самых чудесных, юных, желанных дев.

*

Из всего, тобою увиденного,
Что милей лица ланеглазой?
Из всего, тобою услышанного,
Что прелестней ее щебетанья?
Из всего, тобою отведенного,
Что вкусней ее нежной губки?
Из всего, тобою испуганного,
Что чудеснее чутких грудок?

*

Чей дух молодые девы не смутят
Лукаво-шаловливыми глазами
С их блеском мимолетным, что похож
На взгляды робких, глупеньких газелей?
Чей слух не ранит мелодичный звук
Бубенчиков на пестрых поясочках
Да сладкий, будто стон гусей влюбленных,
Ножных браслетов мерный перезвон?

*

Неправы мудрейшие наши поэты,
Когда о женщинах так твердят:
«Прекрасны они,— но людского рода
Все-таки слабая половина!»
Как можно слабыми называть
Тех, кто ударами взоров стремительных
Даже могучего Шакру сражают,
Не говоря уж о прочих богах!

*

Бог беспощадный, чей стяг украшен
Изображеньем морского чудища⁸,—
Только слуга, исполнитель прихотей
Каждой красавицы тонкобровой:
Зорко следит он, в чью сторону глянет
Она хоть искоса; хоть мимолетно,
И в обреченного тут же, без промаха
Шлет остро-жгучие стрелы любви.

*

Ах, без моей ланеглазой
Весь мир темнотой окутан!
Пусть ярко горит светильник,
Пусть жарко пылает огонь,
Луна серебро разливает,
Мерцают лучистые звезды,
Блистают алмазы — и все же
Без милой весь мир во тьме.

*

Высоки упругие груди,
Широки, соблазнительны бедра,
Молодой ее лик прелестен,—
Что ж ты мучишься, мое сердце?
Это все для тебя доступно,
Стань лишь доблестней, стань достойней —
Без трудов и дел благородных
Не достичь желанных сокровищ.

*

Ах, кого не прельстит этот жаркий, сладкий,
Ветерку, напоенному страстью, подобный,
Полный ласковых слов, вдохновенных любовью,
Но притом столь доверчивый и наивный,
Этот пылкий, горячий от жажды слиянья,
Предвещающий праздник безумца Смары,
Нежно-трепетный шепот газелеглазых
В полумраке вечером, в укромном месте?

Из раздела «Описание наслаждения»

Пока мы не видим любимой,
Желаем хотя бы увидеть,
Увидим — и сразу же вспыхнет
Безумная жажда объятий,
Когда ж наконец обладаем
Своей дивноглазой подругой,
Надеемся мы, что отныне
Ничто наших тел не разделит!

*

Цветы жасмина в ее прическе,
Чуть приоткрытые, влажные губы,
Сандаловой мазью с шафрановой пудрой
Благоухающий юный стан,
Сладостный хмель островерхих грудей —
Вот что нам кажется подлинным раем,
Истиной высшей, а мир остальной —
Вниманья не стоящим дополненьем.

*

Как радостно с подругою любимой,
Когда сперва «нет, нет!» она твердит,
Потом тебе смущенно отдается,
Лишь проблески желанья ощутив,
И наконец, упрямство позабыв,
Сама бесстыдной страстью распалась,
Все горячей зовет тебя всем телом
К взаимным ухищрениям любви.

*

Конечно, бессмысленны грешные радости —
Быстро окончатся все их улады,
И стоит лишь горестного презренья
Вместилище всех грехов — этот мир,
И все ж ничего нет лучше на свете,
Чем дело благое — забота о ближнем,
И все ж ничего нет чудесней на свете,
Чем ласки подруги лотосоглазой.

*

Вы, отвергшие все пристрастья,
Вы, проникшие в суть явлений,
Ждем сужденья вашего твердого:
О премудрые, что же нам делать?
То ли к склонам гор нам стремиться,
Где простор для духовных раздумий,
То ли к дивным холмам крутобедрых,
Где рождается сладость желаний?

*

Говорю вам искренно, люди,
Говорю вам чистую правду,
Для любого из трех миров
Это истинно и достоверно:
Хоть и нет ничего приятней,
Чем объятья широкобедрых,
Но и нет ничего отвратней,
Чем рожденные ими несчастья.

Из раздела «Осуждение красавицы»

«О как прекрасна она! Какие чудесные бедра!
Глаза подобны синим цветам плавучим!
А как высоки островерхие, спелые груди!
Как выгнуты брови! Лицо — словно дивный лотос!» —
Вот так перед первой же встречной красоткой пьянеет,
Млеет, глазает восторженно муж ученый,
Хоть из простых она — и совсем его недостойна...
Воистину неодолимы любовные заблужденья!

*

Есть, говорят, сладчайший нектар,
Но есть и горчайший яд,
А для меня и нектар, и яд —
В ней, в пышнобедрой моей:
Любит меня — как спелый тростник,
Утолительна и сладка,
Не любит — как сок ядовитых лиан,
Мучительна и горька.

*

Кто сотворил эту странность — женщину:
Чашу, где яд перемешан с нектаром,
Шкатулку с обманами, лес непролазный,
Душе преграждающий путь к спасенью,
Ловушку для смертных, врата в преисподнюю,
Поле, чьи всходы — уловки да козни,
Скопленье грехов, твердыню безумий,
Исток своеволия, вихрь сомнений?

*

Сказать по правде, мы сами знаем,
Что ликом она — совсем не луна,
Глаза — не пара лотосов синих,
А груди — не из крупинок злата.
Но все же, внимая лжи стихоплетов,
Мы славим, глупцы, красоту подруги,
Стараясь забыть, что дивное тело —
Всего лишь кожа, мясо да кости.

*

Для игривых красавиц игривость — привычка,
А влюбленному мнится, что это — любовь.
Погляди-ка на лотос: как ярко он рдеет,
Но ведь это не признак стыдливых чувств.
А восторженный, пьяный от страсти шмель
Целый день лишь над этим лотосом кружит:
Видно, думает, глупый, что рдеет цветок
Потому, что и вправду в него влюбился.

*

Свежий лотос — лицо у этой красотки,
Отливающее жемчужным блеском,
А припухлый рот — словно сочный плод,
Нам протянутый дерзким лукавцем Мадху.
Но пройдут года,— и как всякий плод,
Так и этот начнет увядать и горкнуть,
Будет сморщенный рот не нектар дарить,
А одни лишь несчастья, гниль да отраву.

*

Ловец, у которого рыба на стяге ⁹,
Забрасывает в океан бытия
Свою рыболовную снасть с крючками,
Которую женщиной мы зовем,
И ловит на гибельную приманку
Ее припухлой нижней губы
Наши сердца, будто рыб обреченных,
Чтоб их на жаровне страсти испечь.

*

**О сердце мое! Не вздумай,
Как путник неосторожный,
Бродить по лесам да взгорьям
Прекрасного, пышного тела:
Не лезь на вершины-груды,
Не смей забираться в рощу —
Там прячется враг коварный,
Разбойник по имени Смара!**

*

**Уж лучше коброй был бы я ужален —
Блестящей, скользкою, иссиня-черной,
Чем жгучими очами этой смуглой,
Двуногой, гибкой, молодой змеи!
Ужаленным помочь и лекарь может,
И знающий заклятья, а меня,
Сраженного лукавым, быстрым взором,
Ни снадобья, ни мантры не спасут.**

*

**Слышу пенье — счастливое пенье моей подруги,
Вижу танец ее походки, движенья рук,
Несравненную сладость вкушаю ее поцелуев,
Обоняю запах ее, осязаю грудь,—
Как меня вы губите, пять моих чувств земных,
Пять разбойников алчных, о как вы меня обманули:
Обокрали мой разум, похитили из души
Мои лучшие мысли, высшие устремленья!**

*

Эта блудница — костер:
Дрова — ее нежные члены,
Огонь — ненасытная страсть,
А жертвы — судьбы влюбленных,
И льются в этот костер
Погибшие юные годы,
И сыплются в этот костер
Пропавшие, глупые деньги.

Из раздела

«Об очарованных и о преодолевших чары»

Зачем еще мечете в нас, красотки,
Томные взоры прищуренных глаз?
Бросьте усилья пустые, бросьте —
От нас ничего уже не добьетесь!
Уж мы не те: миновала юность,
О жизни в лесу мы теперь помышляем,
Развеян обман — этот мир для нас
Отныне подобен никчемной травинке.

*

Зачем ты, Кандарпа-негодник, тянешься снова
К цветочному луку, чтоб вновь тетива зазвенела?
Зачем ты, о коял-чудесник, опять оглашаешь
Окрестный простор переливами нежных призывов?
Довольно, красотки, терзать меня стрелами взоров —
Игривых, сладостных, скромных, пылких, палящих!
Теперь буду пить я нектар святых размышлений
У ног божества, чье чело украшает Месяц¹⁰.

★

Покиньте, разумные, ваших лукавых подружек,
Спешите отречься от быстротечного счастья,
Да станут отныне подругами вашей жизни
Мудрость и дружба, безгрешность и сострадание.
Ведь в мрачном аду вас от пыток не оградят
Ни гордые груди, украшенные жемчугами,
Ни дивные бедра, с игриво на них звенящим,
Украшенным яркими камешками пояском.

★

Красавиц быстрый шепот, их дыханье
Прерывистое, мед их нежных губ,
Зовущие коснуться, поиграть
Высоких грудей чаши золотые —
Что до всего до этого счастливицу,
Чей дух и мысли погрузились в йогу,
А потому одно лишь излучают:
Ко всем на свете равную приязнь.

★

Когда в неразумье я жил, и слепы
Были глаза, помраченные Смарой,
Чудилось мне: «Вот любимая дева —
Весь мир озарен ее красотой!»
Теперь же, когда бальзамом прозренья
Глаза свои грешные исцелил я,
Вижу воочию: все три мира
Пронизаны вечным блистаньем Брахмы.

*

До той лишь поры сияет
Счастливому правдолюбцу
Исток безупречных истин —
Светильник чистейшего знания,
Пока его вдруг не погасит
Легкий, как трепет бабочки,
Первый же взмах игривый
Черных ресниц красавицы.

*

Есть на земле храбрецы, способные
Даже в безумную брачную пору
Слону рассечь одурелую голову
Или сразить распаленного льва,
Но нет, я уверен, среди храбрецов,
Даже отважнейших и сильнейших,
Такого, кто смог бы в сраженье весеннем
Кандарпу дерзкого одолеть.

*

До той поры способен муж достойный
Идти по жизни праведным путем,
Стыдом смиряя страсть, блюдя приличья,
Покуда рой неотразимых стрел,
Ресницами густыми оперенных,
Бедняге прямо в сердце не вонзит
Оттянутый почти до нежных ушек
Лукавый лук изогнутых бровей.

★

Пусть кто-то в книгах мудрости начитан,
Благочестив, душою просветлен,
Как мало стойких — до конца способных
Стезю добродетели идти —
И как заманчив ключ, что так легко
Ворота в адский город отпирает:
Лукавоглазый и лианобровый,
Игривый, в руки нам скользящий ключ!

Из раздела «Времена года»

Благоуханьем веют ветерки,
И юною листвою сияют ветки,
Из рощи стоны коялов слышны,
Томящихся желаньем встреч любовных,
Чело подруги — после жарких ласк —
Усеяно жемчужинками пота...
Ах, чья душа от счастья не цветет,
Когда весны цветенье наступает?

★

Вот явилась весна — как сладки
И томительны зовы кукушки,
И как нежен, как благоуханен
Теплый ветер со склонов Малайи,
Но чем слаще весна, тем горше
Боль души, разлученной с любимой,
Видно, даже нектар чистейший
В чаше горя отравой становится.

*

Как радуют нам душу в месяц чайтра
Гирлянды из цветов разнообразных,
И голоса поэтов вдохновенных,
И руки нежные, как лунный свет!
Как наше сердце веселит свиданье
В опутанной лианами беседке,
И кояла напевный, сладкий зов,
И ласки, и лобзания любимой!

*

В жаркую пору, лунною ночью
Что лучше подружек газелеглазых,
Чьи юные плечи и груди душисты
От влаги сандаловых благовоний?
А свежесть покоев, политых водой,
Сиянье луны, дуновенья прохлады,
Блеск чисто вымытой верхней веранды —
Все разжигает соблазны любви.

*

Душистость венков, опахала шуршащие,
Блики луны, зеркала прудов,
Запах цветочной пыльцы и сандала,
Чаша с отличным, свежим вином,
На верхней веранде, до блеска вымытой,
Лотосоглазая в легкой одежде —
Вот что беспечным счастливицам дарят
Чудесные ночи жаркой поры.

*

Чистый, сверкающе-вымытый дом,
Улыбка подруги лотосоликой,
Сияние месяца, запах сандала
И ярких гирлянд, восхищающих взор,—
Все это и вправду сведет с ума
Любого, кто хочет отдаться страсти,
Но не того, кто отверг этот мир —
Решил не касаться земных соблазнов.

*

Чьи сердца не обрадует эта пора
Дней прохладных, дней долгожданных!
Как красиво вздымает она в небесах
Дожденосные, гордые тучи,
И как пышно жасмин ароматный цвести
Заставляет, и как неожиданно
Дивногрудой красавицей может она
На пути твоём обернуться!

*

И счастливое сердце, и несчастливое сердце
Наполняются одинаково сладким томленьем,
Если в ближних лесах послышатся на рассвете
Упоенных счастьем павлинов нежные клики,
Если ветры повеют, спеша разнести ароматы
Белоцветной кутаджи и огнецветной кадамбы,
Если склоны холмов оденутся яркой травой,
А небесные склоны — несущими дождь облаками.

*

С неба свисают густые тучи,
На горных склонах пляшут павлины,
Земля у подножий цветущих деревьев
Осыпана яркими лепестками,
И если дождей уже ждать недолго,
А путь еще долог к родному дому,
На что свой взор может бросить странник,
Чтоб хоть немного тоску заглушить?

*

Здесь молнии вспыхивают гирляндой,
Там ароматы струит кетака,
За гулким громом, рожденным тучей,
Слышнее зовы подруг павлиньих —
И в эти дни обновленья природы,
В дни, напоенные страстным безумьем,
Легко ли красавицам длиннореснищам
Сносить томленья долгой разлуки?

*

Когда все сильнее льет ливень
Из туч, величаво гремящих,
И молний блеск златожгучий
Все ярче,— тогда и радость,
И страх, и страсть все острее
Пронзает дерзких красавиц,
Спешащих во тьме непроглядной
К объятьям своих любимых.

*

Из-за жестокого ливня не могут
Домá своих милых покинуть подруги,
Из-за холодных, знобящих порывов
Еще горячей и тесней объятья,
А ветер студёный, несущий туманы,
Бодрит изнемогших от ласк любовных —
Вот так даже скверные дни хеманты
Отраду даруют счастливым страстным.

*

Когда осенней ночи половина
Прошла, изнемогла в пылу объятий,
И с милою вдвоем на плоской крыше
От ласк любовных отдохнуть пора,
Тот, кто не выпьет из лианогибкой
Руки своей подруги утомленной
Глотка воды, прохладной, с лунным блеском,
Тот, право, неудачник иль глупец!

*

Он треплет ей волосы, он заставляет
Глаза смежать, как в разгаре страсти,
Так нагло у ней под одеждой шарит,
Что все волоски становятся дыбом,
Волнует ей грудь и с такою страстью
Ее целует, что зубы ноют,—
Так женщине зимний бесстыдный ветер
Изображает объятья супруга!

ИЗ «ТРЕТЬЕГО СТОСТРОФИЯ»
(«Об отвержении мира»)

Из раздела
«Осуждение желания»

Пусть в чертогах каждого сердца
Воцарится премудрый владыка —
Йог блистающий, светоч знания,
Разгоняющий тьму незнания,
Бог, чьи волосы украшает
Лунный серп, сверкающий ярко,
Бог, спаливший лукавого Каму¹¹,
Как огонь мотылька сжигает!

*

Недра земные изрыл я в поисках кладов,
Долго дробил и обшаривал горные руды,
Пересекал я страны, одолевал океаны,
Сил не щадя, ублажал я многих владык.
А сколько ночей на кладбищах я провел,
Читая старинные, страшные заклинанья!..
И что же?.. Не смог добыть и потертой монеты...
Желание благ земных, угомонись наконец!

*

О, как трудно было насмешки глупцов сносить,
У которых не раз находился я в услуженье,
Слезы сдерживал я, жил с душою опустошенной
И однако смеялся, владык своих потешал,
Даже руки молитвенно складывал перед столбами
Из монет золотых, хоть и знал их жалкую цену...
О зачем же ты, голод, рожденный никчемным желаньем,
Перед низким и грешным плясать заставляешь меня?

*

Не утолили мы жажды земных наслаждений,
А эта жажда всю жизнь наслаждалась нами.
Не плоть мы мучили, чтобы очистить душу,
А наши души мучили нашу плоть.
Еще не увяли желанья безумные наши —
Увяли мы сами от этих жгучих желаний,
И видно, не мы проводили весело время,
А время легко и весело нас провело!

*

Вот и угасло желание наслаждений,
Даже порой забываю, что я — человек,
В небесные выси бывшие друзья удалились —
Единодумцы, душе дорогие, как жизнь.
Лишь с помощью посоха двигаюсь еле-еле,
День ото дня в глазах все густеет тьма,
А глупое тело мое — хоть уж почти мертво —
Все еще хочет жить, все еще смерти боится.

*

Желанья — как река, чьи волны — заблужденья,
В ней притаились крокодилы страсти,
И древу нашей стойкости и силы
Она упорно подрывает корни,
Над нею кружат вброны-заботы,
А берега — из острых скал-тревог,
Но йог, что эту реку пересек,
Блится духом, радуется сердцем.

Из раздела «Отказ от благ мирских»

Сев на колени аскетов, живущих в горных пещерах,
Восторженно размышляющих о Всевышнем,
Дикие птицы струят умиленные слезы
Из глаз, опьяненных вечною радостью Брахмы.
А мы — увы! — драгоценные дни наши тратим
На призрачные дворцы да на резные ограды
Вокруг прудов, услаждающих праздные взоры,
Да пышных садов для суетных наших веселий.

*

Раз в день безвкусную, жалкую пищу
Кидают мне в плошку для подаянья.
Земля — мое ложе, а дряхлое тело
Осталось последним моим слугой.
Одежда — обрывок ветхой дерюги,
Гнилой, в десятках грубых заплат.
Но горе! — лишенный всех благ земных,
Никак не отвергну земных желаний!

*

Мотылек, ничего не зная о смерти,
Устремляясь к свече, погибает в огне,
Рыба, хитрости гибельной не понимая,
Устремляясь к наживе, глотает крючок.
Как же мы, хоть и ясно видим опасность,
Сами рады пойматься в сеть Камадэвы,
Где и пламень жгуч, и крючки остры...
Всех безумий любовная страсть безумней!

*

Если горло иссохло от жгучей жажды,
Люди пьют прохладную, вкусную воду,
Если голод терзает пустой желудок,
Люди пищу глотают с острой приправой,
Если мучает похоть, в объятьях женских
Утоляют ее,— но все это, брат мой,
Только снадобья для леченья плоти,
Так зачем их считают истинным счастьем?

*

Свой высокий дворец изукрашенный,
Груды злата, сынов уважаемых,
Красоту жены, радость молодости —
Вот что ценит не знающий истины.
Но достигшие знанья поняли:
Мир — темница, счастье — изменчивость,
И в леса, и в пещеры идут они,
Чтобы жизнь окончить отшельниками.

*

Вся наша жизнь — изменчивые волны,
Вся юность — только горсточка мгновений,
Все, что сокровищами называют,—
Пустой мираж, игра воображенья,
Все наслажденья — будто вспышки молний,
Объятья женщин — и того короче...
Лишь верный Брахману плывет бесстрашно
Через пучину страха перед жизнью.

*

Когда в утробе — ты томишься, скорчась,
Во тьме и тесноте нечистой плоти,
Когда ты молод — радость всех объятий
Отравлена страданием и разлукой,
Когда дряхлеешь — терпишь униженья
От молодых, насмешливых красавиц...
Скажите ж, люди: есть ли в этом мире
Хотя бы малая крупица счастья?

*

Злой тигрицей старость подкрадывается,
Бьют, как вражьи клинки, болезни,
Как вода из горшка надтреснутого,
Все быстрее вытекает жизнь,
И тем более мне удивительно:
Хоть и знает про все это смертный,
Все равно совершать торопится
Злой поступок за злым поступком.

Из раздела «О величии времени»

Слава тебе, о всесильное Время!
По воле твоей ушло без возврата
Все: и могучий царь-повелитель,
И блеск надменный его столицы,
И речи его советников мудрых,
И смех луноликих беспечных красавиц,
И толпы чванливых вельмож, и поэты,
И все их пышные славословья!

*

Сменяются рассветы и закаты —
Так день за днем проходит наша жизнь.
За сменой дел, за тяжестью забот
И время протекает незаметно.
Мы зрим рождение, старенье, смерть,
А собственной кончины не страшимся...
О, сколь безумен этот бренный мир,
Что пьет хмельной напиток заблуждений!

*

Не смог достичь я подлинных знаний,
Не смог накопить никакого богатства,
С достойным почтеньем не смог исполнить,
Отца провожая, свой долг последний,
Даже во сне обнимать не решался
Красавиц игривых, дев длинноглазых...
Да, не как люди живем — как вороны,
Объедки с чужих пиров подбирая.

*

Те, которыми были мы рождены,
Уж давно покинули жизнь земную,
Те, с которыми в юности мы росли,
Тоже скрылись в мире воспоминаний,
А теперь и мы уже день за днем
Неизбежной своей ожидаем кончины —
Как деревья на берегу песчаном,
Наклонились — готовы в поток упасть.

*

Человеку дан срок не больше ста лет,
Но примерно треть уходит на сон,
Из того, что останется, треть на детство
И на старость тратит каждый из нас,
А сколько еще на болезни, разлуки,
Заботы, нелегкую службу владыкам!..
Где уж нам для счастья время найти
В этой жизни, бегущей, как волны речные?

*

Промчалось детство, полное надежд,
И жаждающая ласк любовных юность,
Изведаны и нищета, и роскошь,
И быстротечность радостей земных,
И вот уже согбенный человек
С усталой душой, с одрябшим телом,
Как роль свою закончивший актер,
За занавес уходит — в город Ямы.

*Из раздела
«Разговор подвижника и царя»*

Ты — земных богатств повелитель,
Мы — властители слов-сокровищ,
Ты гордишься доблестью бранной,
Мы смиряем любую гордыню,
В жажде злата к тебе приходят,
А ко мне — чтоб очистить разум,
Ты меня уважать не хочешь,
А уж я тебя и подавно!

*

Мы довольны одеждой из лыка,
Ты — атласным своим одеяньем,
Пусть наш облик внешний различен,
Одинаково наше довольство.
Только тот безнадежно беден,
Чьи желания — безграничны,
Для того же, кто всем доволен,
Безразличны богатство и бедность.

*

Голод смиряю лесными плодами,
Жажду — студенной водой из ручья,
Земля — мое самое мягкое ложе,
Одежда моя — из древесной коры,
И как нестерпимо глядеть на тех,
Кто низменным чувствам своим угождает —
Алчет хмельных, медовых напитков,
Жаждет все больше и больше монет.

*

Земля — ты лишь глины хрупкий комок,
Крупинка в безбрежном море Вселенной,
А сколько жадных, жалких царьков
В безумствах войн тебя рвут на части!
Но много ли благ могут людям дать
Земных властолюбцев нищие души?
Плюю и на них, и на толпы ничтожных,
Ждущих, чтоб кинули им хоть медяк!

Из раздела «Об украшении души»

«Что ты мечешься, что волнуешься,
О душа неразумно-тревожная?
Успокойся — и жди неизбежного,
Все равно: что назначено — сбудется!» —
Так твердил я — и вот успокоился,
И теперь, не грустя о несбывшемся,
Не тревожась о будущем, радуюсь
Я одним лишь нежданным радостям.

*

О душа! Все иллюзии смой отныне
И служи лишь Несущему Лунный Серп¹²,
Свой последний приют, свой шалаш убогий
На побережье Небесной Реки поставь.
Разве можно верить волнам игривым,
Пузырям на воде, блеску молний в небе,
Улетающим искрам, причудам счастья,
Ускользящим змеям, неверным друзьям?

*

Что с того, если даже богатства твои
Утолить позволяют любую страсть?
Что с того, если ногу поставить ты смог
На главу поверженного врага?
Что с того, если хватит твоей казны,
Чтоб любого, кого решишь, подкупить?
Даже если земное твое тело
Проживет миллионы лет,— что с того?

*

Уж если способен ты к размышленьям,
То размышляй о самом великом —
О том бесконечном, безмерном, бессмертном,
Кто все мирозданье объемлет,— о Брахме!
А много ли проку во всех этих тщетных,
Бесчисленных мыслях ничтожных людишек
О власти над странами, о наслажденьях,
О всяческих благах, и прочем, и прочем?..

*

Ты проникаешь в Пáталу — мир подземный,
Пересекаешь всю необъятность неба,
Все страны света стремительно обегашь —
Поистине, о человек, твоя мысль крылата!
Так что же ты, странствуя мыслью своей повсюду,
Не видишь ни в чем вездесущего, чистого Брахму?
А кроме него — под землей, на земле или в небе —
Кто сможет душе твоей ниспослать спасенье?

Из раздела «О непостоянстве сущего»

Одрябло тело, нетвердой стала походка,
Повыпали зубы, и потускнели глаза,
День ото дня к тому же и слух слабеет,
И губы кривятся, и с них сочится слюна,
А речь до того невнятна, что ни родня,
Ни даже старуха-жена разобрать не может...
О горе! Когда ты стар и лишь в тягость близким,
Врагом становится даже сын родной.

*

Быть может, подвижником стать святым —
Возле священной реки поселиться?
Иль в мире людей достойно прожить,
Покорно служить добродетельным женам?
Пить ли нектар сладкозвучных стихов,
Припасть ли к источникам мудрых писаний?
Не знаем, как жизнь провести! А ведь жизнь —
Всего лишь горстка быстрых мгновений.

*

Исчезло почтенье, умчалась юность,
Все меньше друзей, разбежались слуги,
Истрачены деньги — нет горстки монет,
Чтобы подать святому скитальцу...
Да, мудрому только одно остается:
В безвестной хижине поселиться
На склонах скалистого Хималая,
У вод священных дочери Джахну.

★

Прекрасно кружево лунной ночи,
Прекрасны цветы на лесных опушках,
Прекрасны беседы в кругу достойных,
Прекрасны волшебные песни поэтов,
Прекрасны слезы страстно любимой,
Когда в гневе тебя она упрекает,—
Прекрасны, конечно, но непостоянны...
Ах, чуждо мне это — не по душе!

★

Разве жить не привольно в доме твоём
И не слышится песнь благозвучная?
Разве счастье слиянья с возлюбленною
Нашу жизнь не делает радостной?
Но, сочтя эти краткие радости
Ненадежней светильника, гаснущего
От порханья бездумной бабочки,
Мудрый муж в леса удаляется.

Из раздела «О поклонении Шиве»

Когда ж побредем мы из края в край,
Тоскуя по миру истинных чувств,
С душой, переполненною слезами,
Шепча восторженно: «Шива! Шива!» —
И счастье познаём лунных ночей,
Пронизанных тишиной звенящей,
Сев где-нибудь на песчаном побережье
Священной реки, Небесной Реки?!

*

Когда в Варанаси поселюсь я,
На берегу бессмертной реки,
И, только тряпкой стыд прикрывая,
Буду взывать, воздевая ладони:
«О Шамбху! О сокрушитель Трипуры!
О Гаури муж! О трехокий! Помилуй!» —
Тогда будут дни мои пролетать,
Словно ничтожные искры-мгновенья.

*

Им, принимающим милостыню как святыню,
Себе находящим пристанище где угодно,
В любое мгновенье глядящим на этот мир
Как на пучок быстро вянущих сорных травинок,
Еще не сбросившим темную тяжесть тела,
Но в радости светлой уже непрерывно живущим, —
О сколь легко достается по милости Шивы
Йогам таким к избавленью истинный путь!

Из раздела «О жизни подвижника»

Поязка на бедрах, заплатанная, гнилая,
Такой же изодранный плащ на худых плечах,
Довольство любой, даже самую жалкой пищей,
Беспечный сон хоть на кладбище, хоть в лесу —
Если такая свобода в тебе утвердилась
И если праздником стало в твоей душе
Соединение с вечным, — к чему тебе нужно
Властвовать даже над всеми тремя мирами?

*

Земля — его просторная постель,
Рука-лиана — мягкая подушка,
Небесный свод — незыблемый чертог,
А ветерок — рабыня с опахалом,
Луна — его светильник, отрешенность
Желанней, чем объятия супруги,—
Так спит святой мудрец — роскошно, сладко,
Как царь, но без его земных забот!

*

Вернутся ли вновь те счастливые дни,
Когда неподвижный, в асане лотоса,
Молча сидел я среди скал гималайских,
Возле истоков священной Ганги
И в мыслях о вечном величье Брахмы
Сливался с ним просветленной душой,
А дряхлые серны, пугливые серны
Ласково терлись о плечи мои?!

*

О мать Земля! О отец мой Ветер!
О брат Небосвод! О сестра Вода!
О друг мой Огонь! Вам всем посылаю
Прощальное анджали — мой привет.
Да, это с вашей помощью щедрой
Обрел я полнейшее, чистое знание,
Не рухнул в бездонный мрак, а теперь
Сольюсь с лучезарностью Парабрахмы.

НА ЦВЕТУЩЕМ
БЕРЕГУ
ЯМУНЫ

*Из песнопений
Видьяпати
и Сурдаса*

ВИДЬЯПАТИ
(1352—1448)

Из книги «Песни любви»

Вступление

Ни счастливые дни, ни печальные дни
Не продлятся всю жизнь — им положены сроки.
На изменчивый ход наших судеб взгляни —
То дают, то берут, то добры, то жестоки.

Да, поистине духом велик только тот,
Кто спокоен и тверд, кто исполнен бесстрастья
И во дни торжества, и в годину невзгод,
И в пучине скорбей, и в обители счастья.

О наш Кришна — пастух, махараджа, герой,
Ты, что был незапятнан пороком и скверной,
Смысл и суть я постиг нашей жизни земной,
Размышляя о жизни твоей беспримерной.

Чей позор или славу запомнил народ,
Тот проклятьем иль песней с людьми остается,
Остальное лишь несколько дней проживет
И заглохнет в забвенье, как в старом колодце.

Боль и радость, успех иль позор — лишь плоды
Наших прежних, дурных или добрых, деяний.
Мощны силы судьбы, приговоры тверды —
Что на свете законов ее постоянной?

Слабодушный не сбросит тяжелых оков
И погибнет в трясине тоски и сомнений,
А достойный, страданья и скорбь поборов,
Поднимается вверх — от ступени к ступени.

1

Этой ночью в светлом сновиденье
он ко мне явился, как живой,—
Тело от желанья содрогнулось,
в сердце вспыхнул трепет огневой.
Над лицом моим лицо склонил он,
с пылкой радостью к устам приник...
Пробудилась я — и что случилось,
почему исчез он в тот же миг?
Был мой сон чудесен, но обманчив —
до сих пор обида душу жжет:
Не смогла я счастьем насладиться —
слишком скоро наступил восход.
Как жасмин цветущий, я плаю,
он шмелем летит на мой призыв,
Но рассвет приносит боль утраты,
нас, влюбленных, снова разлучив.
Ах, недолго я была богатой —
ярких снов исчезло волшебство...
Горе мне — алмаз бесценный выпал
из подола сари моего!

2

Она прошла — и понял я: красивей в мире нет!
Она прошла — и с жадностью взираю ей вослед.
Ведь даже если нищего наследство скоро ждет,
Быть жадным и завистливым он не перестает.
Природой дивно созданы, черты ее светлы!
Лицо подобно лотосу, глаза — как две пчелы,
Как две пчелы на лотосе, что меду напились
И расправляют крылышки — вот-вот умчатся ввысь.

Сегодня я красавицу увидел по пути —
И разум зачарованный не знаю чем спасти.
Ее живые прелести я взглядом пожирал,
На горы златоверхие — на грудь ее — взирал.
А бог любви подсматривал — за дерзость проучил:
Мой разум одурманенный под стражу заключил.

3

Тебя надеюсь повстречать, он бродит при луне,
На ложе стонет и дрожит в тоскливом полусне.
Куда с рассвета ни пойдет — к ручью или холму,
Во встречной девушке любой ты чудишься ему.
Не так ли, редкостный цветок из виду потеряв,
В тоске, безумье кружит шмель среди кустов и трав?
Пусть манго, джатаки, жасмин привлечь его хотят,
Стал безразличен для него их цвет и аромат.
Забыл о них влюбленный шмель, нектара их не пьет,
Лишь тот единственный цветок теперь его влечет.
Тебя узрев, к тебе одной стремиться будет он:
Чем очарован человек, к тому и устремлен.
Так воду на краю горы не удержишь никогда —
Стремиться будет вниз и вниз упрямая вода.

4

Из влажных лотосов устроив ложе,
его с трудом я погрузила в сон,
Но лотосы желтеют, увядают —
так с головы до ног он раскален.
Сандал его не лечит — распаляет,
луна подобна злейшему врагу,
И если средств целебных не отыщем,
за жизнь его ручаться не могу.

О Радха, сжался! Разлучась с тобою,
он сохнет и слабеет день за днем,
Тебя не видя, больше жить не хочет,
снедаемый мучительным огнем.
Врачи отчаялись, помочь не могут,
теперь не человек он — полутруп,
Одно лекарство есть, одно спасенье —
нектар твоих благоуханных губ.

5

Стыдливую к тебе я привела,
а это стоило больших усилий —
Будь бережливым, если хочешь ты,
чтоб наслажденье вы сполна вкусили.
Смотри, как терпелив мохнатый шмель:
сев на цветок, он не ломает стебля —
Не торопясь сосет душистый мед,
лишь осторожно лепестки колебля.
Так поступай и ты — понравься ей,
и, если это вскоре удалось бы,
Придет опять — еще не раз придет,
и больше не погребется просьбы.
Она, как ветка сириса, нежна,
будь нежен с ней, как подобает Кришне,
И следуй наставленью моему —
не проявляй поспешности излишней.
В час первой встречи не пугай ее,
не дай прорваться бешеному пылу,
Пусть ваша страсть день ото дня растет,
как месяц в небе, набирает силу.
Ей даже в шутку грубость не скажи —
то было б непростительной ошибкой!

Тогда без страха вновь она придет —
придет к тебе с доверчивой улыбкой.

6

Ночь кончается... Лотос уже приоткрылся слегка,
Закружилась пчела — видно, милого ищет дружка.
Все тусклее светильник, а даль горячее, ясней,
Это всходит заря, и склоняется мрак перед ней.
Отпусти меня, Кришна,— теперь я хочу отдыхать,
Будет бог благосклонен — увидеться сможем опять.
Тот любовник умен, кто желанья возлюбленной чтит,
А иначе сердцам неизбежный разлад предстоит.
Знает даже грабитель: всему есть разумный предел;
Дай цветку отдохнуть — ты напиться нектара успел.

7

В час первого слиянья, первых ласк
бог Камадэва голоден и жаден:
Будь сдержан — второпях не раздави
сладчайшей из чудесных виноградин.
Не жадничай, стыдливой овладев,
смирйй свое мучительное пламя:
Достойный лучше с голоду умрет,
чем станет есть обеими руками.
О Кришна! Ты, конечно, очень мудр
и должен знать не хуже, чем другие,
Как боязно слонихе молодой
почуять жезл погонщика впервые.
Она решила встретиться с тобой
лишь после долгих просьб и увещаний,
Так постарайся милой угодить —
ей сразу станешь ближе и желанней.

Настойчиво к любви не принуждай,
 так делают лишь грубые невежды,
Она нежна — не рань ее души,
 в порыве страсти не порви одежды.
С ней наслаждайся лишь до той поры,
 пока твой натиск терпит благосклонно,
Но отступи, едва заметишь ты,
 что смотрит недовольно, утомленно.
И за руки поспешно не хватай,
 увидев, что уйти она готова,—
Так демон Раху, изрыгнув луну,
 ее тотчас же не глотает снова.

8

Обещал мой любимый, что ночью весенней
 возвратится знакомой тропой,
Обещал, что опять будет ночь наслаждений,
 обещал — и простился со мной.
Дни весны наступили — высоко и звонко
 распевает кукушка в лесу.
Где же друг дорогой? Нарушать обещанье
 благородным мужам не к лицу.
Вот и час наступил — не явился желанный,
 да куда же он мог запропасть?
Вот и срок миновал — до сих пор утоленья
 не нашла моя тайная страсть.
Для меня будто с запада солнце восходит...
 Блеск луны заливают мой сад...
О, как манго цветет! О как жадно и сладко
 под деревьями пчелы жужжат!

9

Попадись мне Творец, я б связала его
и в глубокую яму столкнула с досады!
Если женщину он красотой наделил,
дать в придачу и мужа достойного надо.
Стала юность врагиней смертельной моей,
стало тяжкой обузой прекрасное тело.
Пусть кому-то желанна моя красота,
а меня она, видно, сгубить захотела.
Ах, подруга, не спрашивай, как я живу,—
не торопится милый ко мне возвратиться.
Чует сердце мое: в чужедальном краю
он сегодня другою пленен чаровницей.

10

На этом ложе каждый день рассыпаны цветы —
Ждет нежноликакая твоя: вот-вот вернешься ты.
Где ты проводишь дни весны, сказать я не берусь,
А люди спрашивать начнут — им отвечать стыжусь.
О Кришна, светлую судьбу не должно омрачать!
На ложе вянут лепестки — ты не пришел опять.
Под райской сенью провела дни юности она,
Под ядовитым древом жить теперь принуждена.
Давно ль весенний ветерок ей радости дарил?
Теперь его душистый вздох ее лишает сил.
Давно ли ей журчал ручей, что жизнь полна утех?
Теперь журчанье этих струй — как равнодушный смех.
А зов кукушки долетит из ближнего леска —
И разрывает сердце ей тревога и тоска.

11

Сандаловую мазь достав,
 что снега холодней и чище,
Все тело я растерла ей,
 увядшее без сна и пищи.
Весь день пытаюсь я помочь,
 а ей становится все хуже,
Ведь злой недуг ее — внутри,
 а мазь целебная — снаружи.
О Кришна, выслушай меня:
 ужель в беде ее оставишь?
Ужель, мучителем прослав,
 себя навеки обесславишь?
Отчаясь вновь тебя узреть,
 уже не веря новой встрече,
Она в беспамятстве лежит —
 лишилась разума и речи.
Уже до горла поднялась
 ее душа — спеши помочь ей:
Светильник жизни золотой
 угаснуть может этой ночью!..

12

В дни долгой разлуки жила я мечтою одной:
Дождаться бы Кришны — дождаться любой ценой!
И тайным желаньям внял благосклонный Творец:
Вернулся любимый — явился ко мне наконец.
Ко мне, о подруга, вошел он, улыбкой светясь,
И вспыхнуло сердце: мечта моей жизни сбылась!
Вошел он — и глянул в лицо, и уже через миг

Объятья сомкнул и к губам моим жадно приник.
Узрел мои груди высокие — стал их ласкать,
Рукой торопливою сари на мне распускать.
А я обмирала, от счастья любви чуть жива,
Пока он шептал мне сладчайшие в мире слова.

13

Сидела я совсем одна в пустом своем доме,
Гляжу — идет неожиданный гость к порогу моему.
Вернулся он из дальних стран! А только в дом вошел —
Ударил гром, и хлынул дождь, отвесен и тяжел.
Что будет, если видел нас болтливый мой сосед,—
Об этой встрече в тот же час узнает целый свет!
Стемнело в доме, ливень лил, днем наступила ночь,
А я — что сделать я могла? Не гнать же гостя прочь!
Как оправдаюсь я теперь? Что скажут обо мне,
Узнав, что с ним я допоздна была наедине?
А как мы переждали дождь, что делали вдвоем,
Любовь спросите — только ей известно обо всем.

14

Красны от бессонницы веки твои:
они — как усталые птицы,
Как пара чакоров, упившихся властью
нектаром луны-чаровницы.
Недвижны красивые брови твои,
и все-таки нет в них покоя —
Владыка любви лишь на миг отложил
свой лук после трудного боя.
О милая Радха, со мной не хитри —
подругу обманывать стыдно:

Уклончивы, сбивчивы речи твои,
но счастье твое — очевидно.
Две груди твои — наливные плоды,
созревшие в мирных долинах,—
Теперь словно две золотые горы
с цветами на острых вершинах.
Небрежно откинута пряди со лба,
и видно по каждой примете:
Добился лукавый владыка любви
сладчайшей победы на свете!

15

Из объятий ее отпускать не спеши,
повредить это нежное тело не бойся:
Хоть и гнется цветок под тяжелым шмелем,
все равно не сломается, не беспокойся.
И не слушай молений пугливых ее,
и не верь, если шепчет: «Не надо, не надо!..»
А иначе скорее наступит рассвет,
чем добыта желанная будет награда.
Пусть измучатся губы — целуй без конца,
в ней ответные волны любви пробуждая,
Как чудесно, когда разгорается страсть
постепенно, как в небе луна молодая!

16

Объятья его беспощадны,
не тронул его мой плач,
Прошу об одном, подруга:
меня до рассвета спрячь.
С трудом от него спаслась я —
взгляни на меня сама:

Порвалось мое ожерелье,
слиняли кармин и сурьма.
Смотри: мои бедные груди
в царапинах от ногтей,
Как если бы на слониху
набросился тигр-злодей.
В укусах мой рот, я плачу,
готова я жизнь проклясть,
Подобно луне, попавшей
к демону злomu в пасть.
Как море, безбрежна полночь,
все тонет в угрюмом сне,
Молю, чтоб скорее солнце
на помощь пришло ко мне.
А Кришне скажи, подруга,
пускай он меня не ждет:
Он тело мое изранил —
он душу мою сожжет!..

Склонилась, малютку поцеловала,
готовить ужин стала Яшода,
А муж остался играть с младенцем,
что скоро губителем асуров станет.
Стемнело... Нанда зажег светильник,
фитиль промасленный ярко вспыхнул,
Увидел малыш, как огонь танцует,—
беззубым ротиком рассмеялся.
Так был хорош мальчуган, что Нанда
позвал жену, чтоб она взглянула...
Сурдас поет: — Да славится Кришна —
бог, подрастающий в дальнем селенье.

3

Ножонку в ротик себе засунув,
сосет ее, копошится Кришна,
Лежит он один в своей колыбельке,
играет — ножкой ее качает.
А Брахма тревожно взирает с неба:
что происходит с его мирозданьем?
В испуге провидцы: земля содрогнулась —
не змей ли ее многоглавый колеблет?
Трясутся слоны, держащие землю,
и боги дрожат: не конец ли мира?..
Сурдас поет: — Это маленький Кришна
качает ножонками колыбельку.

Из цикла «Проказы юного Кришны»

1

Вошел потихоньку Кришна-проказник
в жилище одной из крестьянок-соседок:
Съел масло, разлил молоко, простоквашу,
побил, забавляясь, кувшины и плошки.
Была маслобойка старинная в доме —
ее на куски разломал забияка,
Дремавших детей простоквашей обрызгал
и прочь побежал, крича по-павлиньи.
Но тут появилась у входа соседка —
успела схватить убежавшего Кришну,
Глядит — вся посуда в дому перебита,
течет молоко из разбитых кувшинов.
Тут крепче схватила она шалунишку:
«Сейчас отведу к почтенной Яшоде!..»
Сурдас поет: — Что же матери делать?
Ужели ей с мужем покинуть селенье?

2

«Возьми-ка ты его, хозяйка Нанды! —
во двор вбежала и кричит соседка.—
Хороших же родителей ты дочка,
и славно ты воспитываешь сына!
Я из дому сегодня отлучилась,
а он забрался, творога наелся,
Один бы ел — и то большой убыток,
а ведь позвал еще троих воришек!
Прочь кинулись они, меня завидев,
вбежала я, споткнулась, растянулась,

А твой сынок ко мне подкрался сзади
и привязал косу мою к кровати!..»
«Послушай, мама: это всё уловки —
она сама в свой дом меня зазвала,
Всех муравьев, залезших в этот творог,
я для нее вытаскивал все утро.
Пока я в доме у нее работал,
она в постели с мужем забавлялась!..»
Сурдас поет: — Смешно Яшода стало,
соседка же смутилась — удалилась.

3

«Сейчас мы сына твоего видали,
он землю ест, почтенная Яшода!» —
Так закричали дети, и поспешно
домой Яшода притащила Кришну.
Одной рукой схватила за ручонку,
в другую прут взяла, сказала строго:
«А ну, сынок, сейчас же выплешь землю,
иначе отхлещу тебя, негодник!..» —
«Тебе мальчишки глупости сказали,
сама увидишь, если в рот заглянешь!»
И в рот ему крестьянка заглянула
да так и замерла от изумленья.
Весь мир она увидела огромный:
леса, хребты, могучие потоки,
Вон океан раскинулся бурливый,
а вон вздымается гора Шумеру...
Застыла пораженная Яшода,
и выпал прут из пальцев оробелых...
Сурдас поет: — Все три огромных мира
в себе вмещает бог-мальш веселый.

Из цикла «Первые подвиги Кришны»

1

Сначала коварную Путну отправил Канса —
отправил в Браджд, велев погубить младенца.
Сидела Яшода, держа на коленях сына,
когда приблизилась к ней демоница злая.
Чудесной красавицей обернулась Путна,—
увидев ее, рассудок теряли люди,
Вот так и Яшода, узрев ее, не спросила
ни кто она, ни откуда она явилась.
Зато мальчугана святого с первого взгляда
узнала Путна — асуров злых исчадь.
«К твоим стопам, досточтимая мать, склоняюсь!» —
пропела Яшоде, в душе умехаясь злобно.
И Кришну из рук ее взяв, с коварной усмешкой
прекрасному мальчику грудь дала демоница,
А были груди полны смертельного яда,
но есть ли на свете яд, божеству опасный?
К груди демоницы приник догадливый Кришна
и высосал жизнь ее: закричав протяжно,
На улице сельской упала, скончалась Путна,
приняв свой истинный, безобразный облик.
«Глядите! Глядите!» — сбегались селяне Браджда,
дивились, счастливые, что не погиб ребенок.
«Большая беда миновала!» — твердили люди,
и в каждом доме звучала и пела радость.
Сурдас поет: — Когда повелитель Канса
узнал о том, что мертва демоница Путна
И что малолетним Кришной она убита,
тревога и страх жестокое сердце сжали.

2

Был асур Кагасур, что ворона облик принял,
послал его Канса, чтоб мальчика заклевал он.
К стопам владыки склонился хищный Кагасур,
исполняя гордости, радостно в небо взвился.
«Конечно, легко с этим пащенком жалким справлюсь,
а мне властелин обещал большую награду!» —
Так думал Кагасур и вот, долетев до Баджа,
кружиться стал над жилищем старого Нанду.
С гурьбою детей играл перед домом Кришна,
схватил его демон и устремился в небо,
Но так ему стиснул горло бесстрашный мальчик,
что, бросив добычу, прочь полетел Кагасур.
Упал перед Кансой, а тот вопрошает поспешно:
«Ты что назад прилетел, не закончив дела?» —
«Спасибо еще, что вернулся к тебе, владыка,
пока я жив, меня ты послушай, Канса:
Сам бог воплощен в младенце! Ручонкой детской
меня он за горло схватил — и вот умираю!...»
Сурдас поет: — Господь, погубитель Кансы,
избрал этот облик во имя спасенья мира.

3

Могуч был Канса, но пришел в смятенье —
за жизнь свою впервые испугался.
Совет созвал он — демоны явились,
один другого злее и громадней.
Им повелитель говорит: «Что делать?»
Грозит нам гибелью жестокий мальчик!

Сначала Путну хитрую послал я —
он жизнь ее, как сок из тыквы, выпил,
Кагасура схватил и задушил он
и бездыханным под ноги мне бросил,
С тех пор дрожу я, жду, не сплю ночами:
вдруг и сюда он явится однажды?...»
И полководцы-демоны в смятенье
внимали стонам плачущего Кансы:
«Как может мальчик быть таким могучим?
Кто ж это, кто — несущий мне погибель?..»
Сурдас поет: — Чтоб мир земной очистить
от злых владык и чудищ кровожадных,
В простом селенье, под крестьянской кровлей,
богоподобный мальчик подрастает.

Из цикла «Любовь Кришны и Радхи»

1

По чашам весенним блуждает Радха,
идет по лесным, извилистым тропкам,
Идет — и цветы по пути собирает
дева из Баджа с глазами газели.
Рассыпались пряди по юным ланитам,
как будто по лотосам — рой пчелиный,
А губы ее — будто мякоть манго,
и влажен пленительный серп улыбки.
Как два холма — наливные груди,
а чуть пониже — пупок глубокий,
Как будто у двух вершин золотистых
змея потайную вырыла норку.

Пьянящая чаша — округлые бедра,
стан изгибаая, плывет, как лебедь,
Края ступней — в багряных узорах,
звенят на лодыжках цветные браслеты.
В зарослях спутниц своих заметив,
она окликает их: «Эй, подружки!...»
Сурдас поет: — В расцветающей роще
чудесно красавицу Радху встретить!

2

Качается на качелях Кришна —
качается вместе с милой Радхой.
Узрев красоту этой дивной пары,
смущаются и луна, и солнце.
Прохладный, благоуханный ветер
легко овеивает тела влюбленных,
Взлетает с ними и дышит сладким,
густым, опьяняющим ароматом.
Где блещет зеленый берег Ямуны,
цветами увитые видишь качели?
Их сделали женщины из селенья,
что краешком глаза следят за Кришной.
Так развлекаются в мирном Брадже,
где столько рощ, густых и тенистых,
И столько пастушек — подружек милых
для возмужавшего юноши Кришны.
И каждый день — все новые игры,
все новые песни, все новая радость...
Сурдас поет: — Мудрецы и боги
Кришне-флейтисту желают счастья!

ВЕТВИ
НЕВЯНУЩЕЙ
МУДРОСТИ

*Из средневековых
лирико-философских
двустий*

КАБИР

(конец XV — начало XVI в.)

Двустихия из книги «Ади Грантх»¹

Что ты дрожишь? В неведенье, в тревоге
метаться душу вынудил — зачем?
Пей имя Рамы — сладкий сок духовный,
лишь он один дарует счастье всем.

*

Ты вере предпочел земные блага,
но этих благ в тот мир не захватил.
Заблудший брат! Ты в руки взял секиру
и сам себе колени подрубил.

*

К чему рыдать над опочившим сантом?
Ведь он отправился к себе домой.
Уж лучше плакать о злосчастном шакте,
что продается в лавочке любой².

*

Ветшают наши лодки ³, прохудились
и многие исчезли в глубине:
Те, что полегче были,— переплыли,
что были перегружены — на дне.

*

В костре пылают кости, как дрова,
и волосы дымятся, как трава.
Глядит Кабир, как бранный мир сгорает,
и от печали никнет голова.

*

Не возносись, скелет, покрытый кожей:
сегодня гордо ты сидишь в седле,
Под балдахином, с пышной свитой едешь,
не видишь ямы, вырытой в земле.

*

Не возносись! Презрительно смеяться
ни над одним из бедняков не смей.
Твоя ладья плывет сегодня гордо,
а знаешь ли, что завтра станет с ней?

*

Вот бегают олень, голодный, тощий,
зеленым берегом — среди трав густых.
Олень — один, стрелков в засаде — сотни,
да разве убежать, спастись от них? ⁴.

*

Тесны врата спасенья — не протиснешь
и малого горчичного зерна,
Как в них войдешь, когда наш дух безумней
взбешенного от похоти слона.

*

Хотел бы умереть я у порога
того, кому весь мир принадлежит.
Пусть спросит он, благословенный Хари:
«Кто это у дверей моих лежит?»

*

Тонул я — но волною милосердья
был вынесен, спасен от жадных волн.
Увидел я, что челн мой слишком ветхий,
и поспешил покинуть этот челн.

*

Творца я чту и славлю, ибо знаю:
Вселенная наполнена им вся!
А кто не чтит святое имя Хари,
напрасно в этом мире родился.

*

Пусть рот песком забьет тому, кто людям
советами пустыми надоел:
Лишь за чужим следит он урожаем,
а свой запас уже давно проел.

*

Тебя я буду славить языком,
ушами слушать, созерцать глазами,
А ты в обитель сердца моего
стань лотосоподобными стопами.

*

Что делаешь ты, спящий ⁵? Пробудись,
чтоб грудь в тоске и страхе возопила!
Да разве может спать спокойно тот,
чье настоящее жильё — могила?

*

Беспечно жил, не чтил владыку Раму,
а тут и старость подошла ко мне.
Что вытащить успеешь из жилища,
когда все выходы уже в огне?

*

Деревья вновь усеяны плодами,
на ветках манго спелые висят,
Хозяина дождутся, если только
до той поры их черви не съедят.

*

Высок дворец, в нем гурии и злато,
а на вершине башни вьется флаг.
Но нищенство, что прославляет Раму,
насколько выше этих бранных благ!

*

Видал я странное: алмаз ⁶ бесценный
был выставлен в лавчонке напоказ,
Но не нашлось ценителя — и вскоре
на каури обменен был алмаз.

*

Вослед за пандитами степью пыльной
народ толпой покорною бредет,
И лишь Кабир взбирается упорно
крутой тропой, что к Раме приведет.

*

Кому ничто не ведомо о Рама,
тот словно пребывает в сладком сне.
Я ж стал искать его — и в полной мере
тоска разлуки с ним досталась мне.

*

Что, муэдзин, на минарет ты лезешь?
Бог — не глухой, он слышит всех людей.
Того, кому ты крики посылаешь,
ищи не в небе, а в душе своей.

*

Стрелу в меня пустил ⁷ отважный гуру,
святой герой, не знающий обмана,—
Вошла в меня стрела, упал я наземь,
и в сердце жаркая открылась рана.

*

Пошел я в хадж — Каабе поклониться,
сам бог мне повстречался по пути,
Спросил он гневно: «По чьему приказу
посмел ты с места своего уйти?»

*

Кто славит Хари, счастлив в этом мире:
чем зря метаться из конца в конец,
Сидит спокойно там, куда с рожденья
его премудрый поместил Творец.

*

Твой рот — кошель, в нем жемчуг — имя Рамы,
лишь перед знатоком его открой.
Коль покупатель мудр, не постоит он
за самую высокую ценой.

*

Господь — как сахар, по песку рассыпанный,
не выбрать хоботом, не взять рукой.
Кабир поет: «Мой гуру так советует:
стань муравьем — и сахар съешь святой».

*

Зреть хочешь Раму? Тело обезглавив
и сделав голову свою мячом,
Начни игру, впави в такую радость,
чтоб все, что будет, стало нипочем!

РАХИМ
(XVI в.)

Двустушия

Рахим говорит: — Путь любви нелегок,
божественный слишком горяч огонь.
Попробуй-ка устремиться в пламя,
если из воска слеplen твой конь!

*

Рахим говорит: — Прославляя великих,
не вздумайте малыми пренебречь:
Как часто игла совершает такое,
чего совершить не сумел бы меч!

*

Рахим говорит: — Узнав, кто правитель,
люди поспешно несут ему дань,
И лишь у тебя, о Правитель мира,
для всех раскрыта щедрая длань!

*

Рахим говорит: — Стеная и плача,
любовь к небесному прочь ушла,
И ныне в сердцах людских воцарилась
любовь к земному — источник зла.

*

Рахим говорит: — Если б кто-то из смертных
стал всемогущим, как сам господь,
Разве с любимым бы несчастным считался,
смог бы гордыню свою побороть?

*

Рахим говорит: — Страшнее костра
тревога, что жжет нашу жизнь земную.
Ведь «чита» — костер — сжигает лишь труп,
а «чинта» — тревога — душу живую.

*

Рахим говорит: — Терпеливо сноси
невзгоды, что сыплются непрерывно,
Будь стойким, как стойко терпит земля
смену то стужи, то зноя, то ливня.

*

Рахим говорит: — Сам себя не хвалит
тот, чья душа величья полна,—
Да разве хоть раз говорил алмаз:
мол, мне сто тысяч рупий цена?

*

Рахим говорит: — Нить любви тонка,
порвешь — не свяжешь нежную нить,
А если и свяжешь, останется узел:
бесследно нить не соединить.

*

Рахим говорит: — Злой умысел скрыться
умеет под сладким, как амрита, словом.
Так острая щепочка прятаться может
и в чистом сахаре тростниковом.

*

Рахим говорит: — Змею, скакуна,
жену, раджу, бродягу, оружие,
Пока не случилась большая беда,
сдерживать всеми силами нужно.

*

Рахим говорит: — Весь мир погибает,
стрелами женских взоров сраженный,
И только у лотосов-ног Всеблагого
спасется бхакт, в покой погруженный.

*

Рахим говорит: — Лишь в кругу богачей
речь о наживе иль разоренье,
До барышей ли тем беднякам,
что собирают траву да коренья?

*

Рахим говорит: — Любовь подлеца
на нашей душе оставляет пятна:
Кусаает, лижет ли нас собака —
и то и другое не очень приятно.

*

Рахим говорит: — Сто раз будешь добр,
но душу злодея не сделаешь доброй,—
Сто раз будешь кобру поить молоком,
она все равно останется коброй.

*

Рахим говорит: — Если куплю-продажу
решил совершить, поскорей соверши:
Наш мир — только пристань, и очень скоро
отправится в море корабль души.

ТУЛСИДАС
(конец XVI — начало XVII в.)

Двустишия

Вот кубок золотой — в нем кислое вино,
а вот простой кувшин — в нем амрита святая.
Что выберешь из них? Что для тебя ценней:
тот глиняный кувшин иль чаша золотая?

*

Чем дальше от тебя уходит солнца диск,
тем дальше тянется и тень твоя прямая.
Чем дальше от тебя Творца лучистый лик,
тем гуще тень твоя — обманчивая Майя.

*

Как много жадных душ, голодных, ненасытных,
как мало щедрых душ на свете рождено!
Так тысячами ртов земля глотает влагу,
источник же воды — лишь облако одно.

*

Лишь Рама благостный, как пламя, чист и светел,
а по сравненью с ним все остальное — дым.
Достигнуть святости без Рамы так же трудно,
как на небо залезть по струйкам дождевым.

*

Как отражение в глубь зеркала проникло?
Куда из зеркала уйдет? Каким путем?
Вот так и мы живем, путей своих не зная,
и лишь Всезрящему известно обо всем.

*

Вражда, насилие, обман — дорога к бездне,
из всех путей хорош лишь справедливый путь:
Бывает лучше пасть, чем победить в сраженье,
и быть обманутым честней, чем обмануть.

*

С начальной цифрой я сравню владыку Раму:
все люди без него — пустые, как нули,
А с мудрым Рамою, в миллионы превратившись,
и мы, его нули, величье обрели!

*

Кто зол, лишь о себе заботится всю жизнь,
кто добр, тот о семье и о друзьях радеет,
А кто велик и свят, безбрежную душой,
о всех заботится и всех любить умеет.

*

Слона превознося, давно охрип шакал,
и, над слоном глумясь, собака выть устала,
Но молча слон идет — он тигра победил,
так слушать станет ли собака и шакала?

*

Где амриту добыть? Везде лишь яд да мерзость.
Где правду отыскать? Везде корысть да ложь.
Где лебедя узреть? Везде грачи да совы.
Лишь в чистом Манасе ты лебедя найдешь.

*

А ну-ка вспомните: в ваш самый тяжкий час
какие пять друзей пришли и помогли вам?
Правдивость, ясный ум, строка святых стихов,
бесстрашие и мысль о Раме справедливом.

*

Пусть полная луна все звезды соберет
и с блеском снежных гор сольется воедино,
Тьма не отступит прочь — погибнет, сгинет ночь
лишь в золотых лучах дневного властелина.

*

Безжалостный раджа, что и блудит, и грабит,
и мучит подданных, и топчет их права,
Погибнет! Ведь погиб тиран десятиглавый⁸,
а у земных раджей — одна лишь голова.

*

Кто славой увенчать решит свое чело
и славу чью-нибудь бессовестно присвоит,
Таким пятном себе запачкает лицо,
что этот черный след вовек уже не смоем.

*

Стареег щедрый друг — становится скупым,
растет примерный сын — становится дурным.
Увы, причиной зла бывает даже благо —
так жертвенный огонь дает и черный дым.

*

Любого воспитать и злым, и добрым можно —
так может и добро, и злу служить металл:
К любви зовет ситар железную струною,
железным острием пронзает нас кинжал.

*

Знай, даже маленькая ссора — не пустяк,
и потушить ее спеши на полдороге.
Бывает: съел огонь лачугу бедняка —
и перекинулся на царские чертоги.

*

Пусть амритой святой из тучи льется дождь —
камыш не зацветет, плодов не принесет нам.
Пусть мудростью святой жрец делится с глупцом —
не пробудится мысль в мозгу его дремотном.

*

Есть злыдни и лгуны, в чьих душах грязь и яд,
зато сладка их речь, угодливы их лица,—
Кто сердце чистое не хочет запятнать,
пусть даже тени их коснуться постыдятся!

*

Для каждого из нас привычное приятно:
кто носит грязное, уже не видит пятна,
А для того, кто есть давно привык чеснок,
его зловоние, как манго, ароматно.

*

Извилистым путем пиявка к нам ползет,
но мысль ее пряма: ей крови бы напиться!
У хитреца не так: он прямо к вам идет,
а мысль извилиста: чем можно поживиться?

*

Привыкли нужное с почетом мы встречать,
ненужным ставшее — с презрением и злостью.
Пока у нас во рту, как перл, мы ценим зуб,
когда ж он выпадет, считаем жалкой костью.

*

Завистник, плут, блудник, а с виду ласков, добр
и даже взять тебя согласен под защиту,
Глупцов доверчивых он тянет, как магнит,—
не вздумай доверять подобному магниту!

*

Как для безгрешного порочность ядовита,
так для порочного безгрешность — словно яд.
Коснется правды лжец, коснется лжи правдивый,
и оба мучатся — как воск, в огне горят!

*

Пес, увидав слона, хватает кость, бежит,
чтоб лакомство его громадина не съела.
Не знают псы, что слон величествен и мудр
и до объедков их могучему нет дела.

*

Пусть крокодил, змея, лягушка, черепаха
в пруду купаются — но не в воде их дом.
Как рыба без воды, душа моя погибнет,
о Рама, без тебя — мой чистый водоем!

*

Листву, цветы раскрыл, росточки напоил —
всех осчастливил дождь из благодатной тучи.
Прочь засуху гоня, виновен ли он в том,
что захлебнется в нем, погибнет куст колючий?

*

Едва придут дожди, смолкает песнь кукушки,
лишь лягушачья речь болтливая слышна.
Что слышишь в наши дни? Лягушек хор крикливый.
А эта песнь моя — кому она нужна?

*

Кто в злате и шелках, пьет сладко, жирно ест,
кто в роскоши погряз, бесстыдной, бесполезной,
Тех славят в наши дни как праведных владык,—
мрачнее бездны этот век Железный⁹!

*

Найдется ль человек настолько твердый, чистый,
 будь это жрец, мудрец, поэт, отважный воин,
Кто не поддался бы гордыне иль корысти,
 перед их соблазнами остался бы спокоен?

*

Кого не делает бесчестным блеск богатства,
 не ослепляет власть, не оглушает гнев?
Где в этом мире тот, кто смог не обезуметь
 от жгучих взоров-стрел газелеоких дев?

ОГНЕННАЯ ЧАША

*Из персоязычной
и урдуязычной
лирики*

АБУЛЬФАРАДЖ РУНИ
(30-е годы XI в.— 1099/1115 г.)

Рубаи

Расстанься с радостью, как я, с печалью подружись,
Да, уж такие времена — смирись и не гневись!
Страх надо в знание превратить, иначе не спастись,
Печаль же — хлеб насущный наш, питаться им учись.

*

Тебе я сердце в дар отдал, красавица моя,
К тебе стремлюсь, мой дивный лал, красавица моя,
Едва твой ясный лик узнал, лучи твоих кудрей,
Солнцепоклонником я стал, красавица моя!

*

Ты воздух наш: тобой одной и дышим, и живем,
Ты и огонь: влюбленный рой сожжен твоим огнем,
Ты и вода: даруешь нам истоки вечных сил,
Ты и земля: у ног твоих последним сном уснем.

*

Спросил я: «Сердце у меня — с кулак величиной,
Как уместилась в нем гора тоски моей ночной?»
Она ответила: «А глаз не крохотней ли сердца?
Он только шарик небольшой, а в нем — весь мир земной!»

*

Умела сладостно шептать и ободрять меня,
Умела сердце опалить — дотла сжигать меня,
Когда ж все муки я привык безропотно сносить,
Игре любовной предалась, чтоб проиграть меня.

*

Вчера я в улочку вошел возлюбленной моей,
Там плач и крики услышал израненных людей.
Тут разум подошел ко мне и на ухо шепнул:
«Молчи, влюбленный дуралей, да уходи скорей!..»

*

Во тьму тобой я заточен, тюремщица сердец,
Ты знаешь, как остаток дней проводит твой певец,
Но пусть из сердца кровь течет — она течет не зря:
Блеснет заря, и эта тьма исчезнет наконец.

*

Все стрелы, что припрятал Рок в колчане боевом,
В грудь одинокую мою он мечет день за днем.
Но если так жесток и зол мучитель-небосвод,
Блажен лишь тот, кто под землей уже забылся сном.

МАСУД САД САЛЬМАН
(1047—1122)

Рубаи

О шахская милость! Гордыню познал я сполна:
Из золота, думал, теперь закажу стремена.
Но золото молвило: «Нет, я тебя недостойно!»
И ныне в железных оковах мне жизнь суждена.

*

Глаза мои — чаши, и слезы текут через край,
А дни моих мук ты не днями — веками считай.
Мой ад — неприступный Най, где в крови страдаю,
Вот и звучат мои вздохи, как плачущий най!

*

Пусть мучитель мой Рок приказал в заточении жить,
Пусть в далеком краю осужден я в оковах тужить,
Пусть угасла надежда увидеться с дивной подругой,
Но не гаснет желанье хоть с образом дивным дружит

*

Гора, которую тучи теперь окружают,— я,
Лоза, которую саблюю острой сражают,— я,
Царь-лев, которого в тесную клетку сажают,— я,
Гордец, которого ныне все унижают,— я!

*

Если терпеть, будет жизнь только цепью обид,
Если стенать, это недругов лишь веселит.
Тешить врагов не хочу — буду молча терпеть я,
Гнев свой на милость, верю, судьба сменит.

*

Вечно горю я в пыланье страданий моих,
Вечно тону я в потоке рыданий моих.
Ах, уцелеет ли в этом огне и потоке
Хрупкий светильник надежд и мечтаний моих?

*

Тебя, мое солнце, как верный цветок, я жду,
От слез непрерывных похож я на лотос в пруду:
Пока предо мной, солнцеликая, не засияешь,
Бутоны-глаза приоткрыть я сил не найду.

*

Что плачешь ты, темная туча, над краем степей?
Что плачешь ты, грустная птица, под сенью ветвей?
Зачем, о тюльпан огнецветный, разорван твой ворот?
Иль все вы, как я, разлучились с любимой своей?

*

В часы наших встреч мне казался подлее врагов
Тончайший, муслиновый, нас разделявший покров.
А что же теперь я отвечу горящему сердцу,
Когда разделяют нас тысячи тысяч шагов?

*

Поры цветов — ноуруза — ожидаю,
Стремясь к любимой, сам себя сжигаю!
Три свойства у свечи я перенял —
Смотри: я плачу, таю и сгораю.

*

Сахарных уст касался я дерзким ртом,
Миндалевидные веки твои целовал потом.
«Хватит, наглец!» — ты сердилась. А я отвечал:
«Разве не вкусно сахар смешать с миндалем?»

АМИР ХОСРОВ ДЕХЛЕВИ
(1253—1325)

Из лирических газелей

1

Не думайте, что от Адама
 прелестниц земных краса,
Нет, ангелы это, не люди,
 и родина их — небеса.
Спросите о них у Вамика,
 Медждуна или Фархада,
Чьи души в страданиях познали
 их тайны, их чудеса.
О мой Сельсебиль отградный,
 я жажду, будь милосердна,
Душе ты моей желанна,
 как жгучим губам — роса.
Тебя в ночи вспоминая,
 от боли я бьюсь, как бьются
Летучие мыши и совы,
 чуть утра блеснет полоса.
Хосров уже мертв, а мертвым
 нужны ли слова утешений?
Дыханьем Исы разве стоит
 спасать издохшего пса?

2

- Я ей сказал: — Тебе ни слез моих,
ни муки, ни горячих слов не нужно?
Она в ответ: — Сокровище ищущу,
и мне руин среди песков не нужно.
Я ей сказал: — Сгорит моя душа
в блистанье твоего лица молодого!
Она в ответ: — И без того светла
моя свеча, ей мотыльков не нужно.
Я ей сказал: — О как бы наконец
в уединенье мне побыть с тобою?
Она в ответ: — С достойными дружу,
мне одержимых простаков не нужно.
Я ей сказал: — Зачем, ответь, зачем
меня ловила ты в силки печали?
Она в ответ: — Ты зерен захотел,
а почему тебе силков не нужно?
Я ей сказал: — Освободи меня,
освободи от пут любви злосчастной!
Она в ответ: — Увидишь вновь меня,
тогда поймешь: других оков не нужно.
Я ей сказал: — С тобою разлучусь,
кто мне тогда поможет, кто утешит?
Она в ответ: — А светлый образ мой?
Иных богатств тебе, Хосров, не нужно!

3

Когда я не вижу ее хоть миг,
тоска мою душу тайком убивает,
Когда же увижу ее с другим,
ревность меня клинком убивает.

Я с первого взгляда был ею сражен,
теперь же ее средь соперников вижу,
И жгучая зависть, и горечь тоски
мне сердце и ночью и днем убивают.
У посвященного в тайны любви
пытаюсь выведать я: как выжить?
Она ж меня мучит еще сильнее:
сначала зовет, а потом убивает.
Не счесть ее жертв, но, гордясь и смеясь,
твердит: «Они умирают сами,
И глупый слух, что мои глаза
кого-то своим колдовством убивают!»
О сердце израненное мое,
на сладкий бальзам ее губ не надейся:
Она и бальзамом смеющихся губ
всех, кто мечтает о нем, убивает.
Доколь буду тайно рыдать? Все равно
меня выдают покрасневшие веки,
И едкая, злая людская молва
мне душу горячим стыдом убивает.
Любимая, не распускай своих кос:
твои развевающиеся пряди
Столько поклонников верных твоих
каждым своим завитком убивают!
К тому же и дерзкий, лукавый взор
способен прикончить толпу влюбленных,
А тех, что спасутся, стрелы ресниц
неумолимым дождем убивают.
Ах, если, Хосров, ты от ран умрешь,
взгрустнется ли той, что единым взглядом
Сотни и сотни таких, как ты,
на гордом пути своем убивает?

АМИР ХАСАН ДЕХЛЕВИ
(1253—1327)

Из лирических газелей

1

Эй, виночерпий, дай вина скорей ²:
 опять моя любимая вернулась —
Та, что прервет любой святой обет,
 опять неотразимая вернулась.

Прочь покаянья! Розовым вином
 хочу упиться в цветнике весеннем:
Возлюбленная роза в мой цветник
 опять неугасимая вернулась.

Моим покоем, счастьем — всем была,
 лишь с нею счастье возвратилось в душу,
Лишь с нею сердце возвратилось в грудь,
 и радость несравнимая вернулась.

Так вострепнитесь же! Пора пришла
 нам, мотылькам, играть с огнем палящим!
Кыбла влюбленных, свет святых бесед,
 луна недостижимая вернулась.

Но локонов-арканов берегись
 и взглядов-стрел, пронзающих мгновенно,
Светлей луны, стройней, чем кипарис,—
 такой неумолимая вернулась.

Пускай сейчас меня услышит тот,
кто повторял: «Он раб ее несчастный!»
Нет, счастлив я! Счастливая любовь
опять непобедимая вернулась.
Казалась пташкой райской, что навек
сумела упорхнуть из рук Хасана,
Теперь он снова радостнее всех:
любовь невозвратимая вернулась!

2

Красой ты своей заставляешь
луну побледнеть, ревновать,
Богатство и власть превращаешь
в убогую, жалкую кладь.

Когда ты лицо открываешь,
луне наступает конец:
Когда поднимается солнце,
светилам другим не сиять.

Ты — все в этом мире: все ночи,
все дни — отраженья твои,
Ты вечна, а мрак и сиянье
приходят опять и опять.

Напрасно красу твою видят
свидетели — очи мои,
Ты высший судья — для чего же
свидетелей зря призывать?

Явилась ты, пышная роза,
и никнут нарциссы в саду,

Склонилась пред алым султаном
травинок зеленая рать.

Пить — грех, но греха не боюсь я,
ведь пью за твою красоту,
Ты все прегрешенья отпустишь,
ты — словно сама благодать.

Обуглилось тело Хасана
в пыланье мечты о тебе:
Когда разгорается пламя,
соломинке несдобровать.

УРФИ ШИРАЗИ
(середина XVI в.— 1590 г.)

Рубаи

Чашу в руки я взял: в ней мирот отражалась основа,
Всех незрячих, волшебная, делала зрячими снова,
Все завесы она разрывала — и взорам дарила
Близорукость совы или зоркость светила дневного.

*

Кто-то ищет твой образ в звучанье стихов,
Кто-то — в мудрости, кто-то — в сиянье цветов,
Но блажен только тот, кто отверг оба мира
И тебя отыскать в своем сердце готов.

*

Ширин благородством и долготерпеньем горда,
Давудова арфа пленительным пеньем горда,
Якуб ароматом рубахи Юсуфа гордится³,
А ты, о любовь, моим горьким мученьем горда.

*

Что ни утро, раскрываюсь я, как радостный бутон,
Рад, что в море чувств сердечных я в пылинку превращен,
Счастлив я! Но снова сердце наполняется печалью,
Вновь от искорки страданья я плаваю, я сожжен.

*

О Урфи, свое сердце от всех заблуждений храни,
Ты свои увлеченья меняешь, как в юные дни.
Берегись, ароматам и краскам земным не поддайся:
В этом брэнном саду не цветы — пустоцветы одни.

*

Если сердце стремится в любви раствориться навек,
Может даже кувшин благочестья разбить человек.
Где клокочет любовь и вздымается грозным потоком,
Только трусов да жалких юнцов привлекает ковчег.

*

Из земли и воды даже ангелов создал Творец,
Из чего же красавица — радость и мука сердец?
Из такого же праха? Нет, разница все-таки есть:
Создал их не Творец, а влюбленный безумец-певец.

*

На победу мы наше терпение не променяем,
На венец Кейкубада смирение не променяем.
Перед нами сокровищниц радости не открывайте:
На блаженство мы наше мучение не променяем.

*

Что ты стонешь, Урфи, что взываешь под бременем бед?
Нетерпеньем себе не поможешь и тысячу лет,
Ибо в каждом колодце томится Юсуф благородный ⁴,
Но идут караваны, а все избавителя нет!

*

Кто любовью сражен, тот погиб, не оставив следа:
Он — никто и ничто! Пронесутся года и года —
Всех разбудит дыханье Исы иль труба Исрафила,
Лишь убитым любовью уже не восстать никогда.

САРФИ КАШМИРИ
(1522—1594)

Газель

Вино, и кровь, и слезы глаз моих
багрянцем пламенеют одинаково,
Янтарь, мое поблекшее лицо
и золото желтеют одинаково.

Пока сладчайшей влагой губ твоих
коварный наслаждается соперник,
Пью мед ли я, шербет, змеиный яд —
мой рот горит, мертвеет одинаково.

О юная весна моя, твой лик,
как сад цветущий, свеж и ароматен,
Твоя коса, сунбуль, весенний луг
благоуханьем веют одинаково.

И солнце, и луна, когда идешь,
покорно стелются тебе под ноги —
Луна, и солнце, и простая пыль
у ног твоих тускнеют одинаково.

Мрачны, темны, как ночи, дни мои
из-за волос твоих, что цвета ночи...
Ах, эти ночи, волосы твой
и дни мои чернеют одинаково.

О сколько горьких перлов, жарких слез,
глаза мои пролили в тьме разлуки:
Роса ночная, жемчуг ли, слеза —
блестят и голубеют одинаково.

Не счесть тебе, Сарфи, ни всех голов,
ни всех венцов, что под ее стопами:
Булыжник ли, венец иль голова —
она не сожалеет одинаково.

АБУ-ЛЬ-ФАЙЗ ФАЙЗИ
(1547—1591)

Газель

О, снова в пути караван влюбленных,
снова скитанье ждет впереди,
Идем по пустыням страстей и бедствий,
а тысячи новых невзгод впереди.

Здесь толпы влюбленных в песках погибли,
и каждый, кого бы я здесь ни встретил,
С печально склоненной головой шагает —
знает: лишь беды найдет впереди.

Идем из каких мы пристанищ — не вспомнить,
прошли мы по сотням долин страстей,
Прошли через сотни пустынь страданья,
а сколько еще их сот впереди?

О вы, мои спутники, ночью темной
не разочаровывайтесь во мне:
Лишь утром мольбы мои цели достигнут,
лишь утром, а утро грядет впереди.

Нет, мы не из тех, кто вслепую шагает,—
хвала небесам, есть премудрый глава:
Ведущий наш караван влюбленных,
идуший из года в год впереди.

Мое чело от земных поклонов
 блестит, превратясь в зеркало судьбы,
Но я не устану — мой свет путеводный
 все ярче горит и зовет впереди.

О ветер рассветный, счастливые вести
 цветами по краю земли рассыпь —
За мрачную ночью моих страданий
 встает долгожданный восход впереди.

Файзи не покинул того каравана,
 что держит путь к священной Каабе:
Других обогнал он совсем немного —
 совсем немного идет впереди.

МУХСИН ФАНИ

(ум. в 1670 г.)

Газель

Мир полон обманов! Из многих красавиц
лишь к верной душа устремиться должна.
Средь бурь, на земле не найдя опоры,
за небо душа ухватиться должна.
За собственный дастархан садиться —
вот лучшее, тут всегда ты желанен,
Довольствуйся и половиной лепешки,
коль целая жизнь тебе не дана.
Увы, достойнейшие из смертных
в нужде и лишениях жизнь проводят,
Ведь даже вещунья Хумá питаться
одними костями принуждена.
Да, если владеешь истинным знанием,
к чему обманывать и лицемерить?
Зайди лишь в один дуكان — и известна
станет товаров твоих цена.
Все бремя мира взвалить на плечи
зря не пытайся, как бык чванливый,
Из праха ты сделан — от горсти праха
и то согнется твоя спина.
Фани, эту лавку страстей любовных
не открывай на любом перекрестке:
Ты весь состоишь из единого сердца —
тебе и подруга нужна одна!

БЕДИЛЬ
(1644—1720)

Рубаи

Едва я кубок подниму — спешит незримый рок,
И кубок мой швыряет в прах неумолимый рок.
Так чем же усладить себя могу в подлунном мире? —
Как вихрь, преследует меня неукротимый рок.

*

Свой стан в кровавый шелк тиран согласен завернуть,
Чтоб скрылось, что его души еще страшнее суть.
Да, твердосердым покажи, что тоже твердосерд,
Железо захотел ковать — сам как железо будь.

*

Ты стар, Бедиль, покой и мир найди в своей груди,
Иссякло море юных дней — теперь причал найди.
Из седины твой саван ткут, вздохни хоть напоследок:
Не притворяйся, что конца не видишь впереди.

*

Наш полдень — словно луг, чьи травы зелены,
И в каждом стебельке — цветущий мир весны.
Спросил я колосок: — Что не цветешь, как роза?
А он в ответ: — Молчи! Вон жернова видны!

*

Да, в этом красочном саду — и розы, и шипы,
Средь них, несчастный, не нашел ты истинной тропы.
Ханжей не слушай! Чтоб узнать, хорош ты или плох,
Протри глаза: от пыли дней они давно слепы.

*

О горе! Я не смог найти путей самопознания,
Как нить отчаянья длинна, как коротки свиданья!
Конец все ближе... Ни себя, ни мир не смог понять я,
Ужель известна лишь Творцу вся правда мироздания?

*

Любимая из дальних стран, домой спеша, вернулась,
В венке из роз, бокал вина в руке держа, вернулась.
О радуйтесь, глаза мои: любовь пред вами снова,
Пусть сердце из груди ушло, зато душа вернулась.

*

О сколько душ в святых садах, в заоблачном краю,
Творцу благодаренья шлют, поют хвалу свою!
Но слушай: а кого в аду бранят и проклинают?
Того же яростно клянут, о ком поют в раю.

*

В пустыне призраков толпа людей видна,
Все ищут призраков — но зной да пыль одна.
Все жарче на земле, но не пожар пылает —
От взоров черных глаз вся жизнь раскалена.

*

На крышу дома поднялась души моей весна,
Чтоб красотой ее была посрамлена луна.
Но вижу: пред ее лицом сокрылось даже солнце —
Затмив и солнце, и луну, царит она одна.

*

За золотом и вином хоть и скитаюсь я,
Взять славу и венец хоть и пытаюсь я,
Чего, чего добыюсь за жизнь двухчасовую?
Я — только вечный шах в стране небытия.

*

Коль по лугам любви ты осужден бежать,
Знай, что других путей тебе уже не знать.
Ах, каждый любящий всегда бежит по кругу:
Туда, где начал бег, притащится опять.

*

Увидеть глазом, но умом не убедиться — слепота,
И даже мед, что не дает нам упоенья, — кислота.
Одну одежду не сносить — зовется саваном она,
Один надежный будет дом — твоя могильная плита.

*

Тот золотой венец носил, взирая свысока,
А этот — войлочный колпак простого бедняка.
Но где венец и где колпак? Где головы обоих?
В забвенье канули навек под тяжестью песка.

*

**Ты ищешь знания в медресе — там только болтовня,
А где болтают вкривь и вкось, не проводи и дня.
Коль спор невежд да суд глупцов душе твоей претят,
Ходить не стоит в медресе: там дым, а нет огня.**

*

**Ты можешь свежесть райских куш, чудесный Сельсебиль
Найти и раньше, чем с души стряхнешь земную пыль;
Здесь, на земле, и сотни куш, и сотни сельсебилей
Найдешь ты, друг, прочтя стихи, что написал Бедиль.**

МИРЗА ГАЛИБ
(1797—1869)

Из стихов на фарси

ГАЗЕЛЬ

Вставай, предел положи сомненьям,
довольно бесцельно тебе блуждать,
Твой взор нетвердый, взор беспокойный
должен спокойным и твердым стать.
Мир — это зеркало тайн, и открытых,
и скрытых от наших телесных глаз,
Постигнуть разумом их не можешь —
путем созерцанья стремись познать.
А если ты в суть вещей не проникнешь,
в их формах найди красоту! Смотри,
Как шапочку дерзко она заломила
и как завивается дивная прядь!
Пока не настало весеннее утро,
радуйся лунной ночи, мой друг,—
Ценить научись быстротечное время
и ни мгновения зря не трать.
О Галиб, сражаются непрерывно
страх и надежда в твоей груди —
Так пусть или взором тебя утешат,
иль меч вонзают по рукоять!

РУБАИ

О Галиб! Основал твой род воинственный Заджам,
И дух твой чист, как сталь меча, служившего отцам.
Но век воителей прошел — и вот ты стал поэтом,
Из сломанной стрелы отцов ты сделал свой калам.

*

Скорбь — как жестокий суховей, несущий гибель нивам,
Он прах глупца и мудреца смешал одним порывом.
Кувшин я сыну завещал, чтоб с сердца смыл вином
И скорбь, и память об отце, усталом, несчастливом.

*

О милый друг, приходи ко мне, душа скорбеть устала,
Чужие улочки покинь, сверни ко мне сначала.
Ты отвечаешь: «Не зови! Ведь я же смерть твоя!»
Ну что ж, незваную приходи, пусть будет, как сказала.

*

Игрушкою в руках судьбы я пребывал всю жизнь,
Надежду на счастливый день я не терял всю жизнь.
Был нищ — мечтал разбогатеть... Никто, никто на свете
Мне ничего не обещал, а я прождал всю жизнь.

*

Страницы жизни своей исписал я — и вот конец,
В поэзии равных себе не знал я — и вот конец.
Под старость вино тебя утешало, Галиб-певец,
Но и вина нигде не достал я — и вот конец.

Из стихов на урду

ГАЗЕЛЬ

Время пришло: расправляют крылья
волны сверканья — волны вина,
Силой наполнились, жаждут полета,
жаждут дерзанья волны вина.
Снова с утра обитатели сада
опьянены ароматом весны,
Под виноградными лозами вижу
блеск и плесканье — волны вина.
Благословен приход долгожданный,
радостных дней сезона дождей:
Всю нашу жизнь превратит их дыханье
в море блистанья — в волны вина!
Трепет четыре волны пробуждают —
ветра, вина, и зари, и цветов.
В сердце очнувшемся будят желанья,
будят мечтанья волны вина.
Тайных видений моих тропинка
розами пламенными расцвела.
Взор нам слепят, заливают разум
волны сиянья — волны вина.
Дивно цветенье весны! Перед нами
тайны всей жизни открыла она!
Капле покажут путь к океану —
к счастью слиянья — волны вина.
Встань, о Мирза! Опьянись весною!
Благоразумье и трезвость — прочь!
Крылья расправив, пусть нас уносят
в высь мирозданья волны вина!

МУХАММАД ИКБАЛ
(1877—1938)

Из стихов на фарси

ТВОРЕЦ И ЧЕЛОВЕК

Ты создал полуночный мрак —
я факел жаркий запалил,
Ты комья глины сотворил —
я чашу для вина слепил.
Ты создал горные хребты,
пустынь бесплодные пески,
А я сквозь горы путь пробил
и цветники в песках взрастил.
Я — тот, кто в зеркало сумел
преобразить слепой гранит,
Я — тот, кто самый горький яд
в напиток сладкий превратил.

ЖИВИ В ОПАСНОСТИ

Газель с газелью делилась тайною думой:
«В клетку хочу — за оградой жить стальной!
Охотников столько, что сделалась степь угрюмой,
И нет нам, газелям, ни ночью, ни днем покоя.
Хочу, чтоб стрелок не сразил меня по дороге,
Хочу свое сердце избавить от вечной тревоги!»
Газель отвечала подруге такими словами:
«Уж если жить, то в опасности жить, дорогая,

Оттачивай смелость, словно клинок,— о камень,
Острее стань, чем острейшая сабля стальная!
Опасность — вот сила, что жить приучает смело,
Вот пробный камень — проверка души и тела».

Из книги «Персидские псалмы»

Наступают мгновения просветленья:
 веки вдруг соломинками задрожат,
И на краткий миг сразу в оба мира
 изумленно заглядывает мой взгляд.
Ах, долина Любви далека отсюда —
 за сто лет не домчатся, не долететь,
Но порой и столетнее расстояние
 может страстный вздох один одолеть.
Вот поэтому ночью и днем усердствуй,
 край надежды не смей выпускать из рук,
Миг придет: сокровище из сокровищ
 на пути усердя найдешь ты, друг!

Из стихов на урду

ПОЛЕТ

Вздохнуло дерево, сказала вольной птице:
«Повсюду в жизни ложь, неравенство и гнет,
Позволил бы мне бог на крыльях в небо взвиться,
Достигло бы и я заоблачных высот!..»
И, устремляясь ввысь, успела крикнуть птица:
«Ты — тот, кто сам себе оковы создает!
Тому, кто с тяжестью земною породнится,
Вовек не ринуться в стремительный полет!»

ЗАВЕЩАНИЕ ТИПУ-СУЛТАНА

Ты цель избрал? Стремись вперед, в пути не уставай,
Будь стойким — даже в час любви свой долг не забывай.
Будь как бегущий с гор поток: чем дальше, тем бурливей,
Тебе предложат берега — их в дар не принимай.
Тепло душе, когда друзья ведут беседы в храмах,
Цени друзей, но похвалам их шумным не внимай.
Сказал нам вещий Джебраил в день сотворенья мира:
«Душе и сердцу в сеть ума попасться не давай».
Гибка и многолика ложь, несокрушима правда,
И правду с ложью примирить нет средства, так и знай!

ВЕСЬ МИР ПРОВЕРЬ

Весь мир проверь своею мыслью строгою —
Проверь свои поступки и дела.
Смотри, чтоб жизнь, как нищенка убогая,
Бесцельно и никчемно не прошла.
Твой сад объят осеннею тревогою —
Мрачнеет небо, тяжелеет мгла.
Но в вышине, твой взор лучами трогая,
Горит звезда, призывна и светла.
Пусть мир велик — ты должен сделать многое,
Чего создать природа не смогла.
Ведет к мечте, ведет крутой дорогою
Твой разум, раскаленный добела!

ЗОЛОТАЯ
ЛАДЬЯ

*Из лирики
Рабиндраната
Татора*

БАЛЛАДА О ДВУХ ПТИЦАХ

Пленница в клетке жила золоченой,
вольная птица — в глуши лесной,
Одна была дикой, другая — ученой,
и вот повстречались они весной.
«Умчимся! — лесная птица вскричала.—
Будем вдвоем в небесах кружить!»
«Останься! — пленница отвечала.—
Будем вдвоем в этой клетке жить!»
Лесная птица сказала: «Нет!
Я в клетке и дня прожить не смогу!»
Ответила пленница ей: «Увы!
А я в небесах кружить не смогу!»

Тысячи песен чудесных знала
та, что в лесах провела весну,
Песней заученной отвечала
та, что с рожденья жила в плену.
«Спой,— попросила лесная птица,—
как на зеленой ветке поют!»
«Спой,— возразила ручная птица,—
как в золоченой клетке поют!»
Лесная птица сказала: «Нет!
Чужих я песен не признаю!»
Ответила пленница ей: «Увы!
А как я лесную песню спою?»

«Смотри, как небо лучисто, ясно,
зарей залито со всех сторон!» —

«А в клетке так чисто и безопасно,
она закрыта со всех сторон!» —

«Мы будем резвиться в небе огромном,
мы в облака улетим вдвоем!» —

«Останься! Здесь, в уголке укромном,
мы счастье безоблачное найдем!»

Лесная птица сказала: «Нет!

В клетке нельзя ни летать, ни петь!»

Ответила пленница ей: «Увы!

А можно ли на облаках сидеть?»

Родными, как сестры, они казались,
лишь прутьями клетки разделены,

Нежно их клювы соприкасались,
в глазах отражались лучи весны.

Жалобно звали они, щебетали,
но не могли друг друга понять,

Горестно крыльями трепетали,
но не могли друг друга обнять...

Лесная птица сказала: «Нет!

Страшно в неволе остаться мне!»

Ответила пленница ей: «Увы!

Нет сил у меня летать в вышине!...»

ТЕБЕ МОЯ ПЕСНЬ!

С корзиной цветов появляется утро,
тебя на молитву зовет,
И вечер приносит светильник священный,
вечерние гимны поет.
И раковин зов не смолкает певучий,
твой дом наполняя волнами созвучий,
А ласковый звон твоих тонких браслетов
я даже вдали узнаю...
Последнюю, самую лучшую песню
тебе отдаю.

Стоит среди сада твой дом одинокий,
весна за порогом цветет.
Здесь вся твоя жизнь неизбежно проходит
в кругу ежедневных забот.
На манговом дереве, в зелени пышной,
с утра кукованье весеннее слышно,
Звенят отголоски ребячьего смеха,
подобно живому ручью...
Последнюю, самую лучшую песню
тебе отдаю.

Седые брахманки, входя, надевают
гирлянды на шею тебе,
Невесты приносят подносы с дарами,
склоняясь в смиренной мольбе.
Любовь и признание тебя окружают,
высокую святость чело отражает,
В глазах улыбается тихая радость
и славу поет бытию...
Последнюю, самую лучшую песню
тебе отдаю.

Тебе не знакомы ни юность, ни старость:
в сиянье своей чистоты
Над сменой цветения и увяданья
царишь, неизменная, ты.
Твой солнечный сад никогда не увянет,
светильник светить никогда не устанет,
Ничто не смутит красоты и покоя
в твоём безмятежном раю...
Последнюю, самую лучшую песню
тебе отдаю.

Подобно реке, ледниками рожденной,
в горах ты начало берешь,
Подобно реке, величаво и вольно
к далекому морю течешь.
Как будто со светлой вершины сбегая,
струится незримо прохлада благая,
Чтоб здесь, в этом доме, в тебя воплотиться —
в походку, в улыбку твою...
Последнюю, самую лучшую песню
тебе отдаю.

Твой облик спокойный скитальцев усталых
домой возвратиться зовет,
Твой облик прекрасный сердцам разлученным
надежду на встречу дает.
В моей поэтической роще играя,
проносится ветер, цветы обрывая,
И с каждым из этих цветов облетевших
я новую песню пою...
Но лучшую песню, заветную песню
тебе отдаю.

ПРОСТИ!

О любимый, нашей встречи я давно уже ждала,
Ты влюбленную прости меня, прости...
Как испуганная пташка, в эту клетку я вошла,
И меня теперь не мучай взаперти.
Тайну девичьего сердца я, увы, не сберегла
И души нетерпеливой скрыть волненья не смогла,
Будь же добр и милосерден, пощади меня, любимый,
Беззащитную прости меня, прости!

О любимый, от волненья замираю я в слезах,
Ты безумную прости меня, прости...
Больно будет мне насмешку увидеть в твоих глазах,
Если ты меня не любишь — отпусти.
Приподняв края одежды, я уйду поспешно прочь,
От жестокого позора брошусь в горестную ночь,
Боль израненного сердца станет плачем безутешным,
И несчастную прости меня, прости...

О любимый, если вправду я навек тебе мила,
Ты счастливую прости меня, прости...
Глядя, как в потоке счастья я безвольно поплыла,
Надо мною ты не смейся, не шути.
А когда, твоя богиня и послушная жена,
Буду я твоей рукою на престол возведена
И любви приказом крепким захочу тебя связать я,
Повелитель мой, прости меня, прости!

ДВУСТИШИЯ

Знакомство

«Ты кто? — спросила доброта. — Ты молчалив и светел!»
«Я — благодарность!» — просняв, сквозь слезы взор ответил.

Дверь познания

Мы заперли дверь — заблужденым закрыли пути,
А истина плачет: «Мне тоже теперь не войти!»

Сила и нежность

Поспорили гроза и вихрь — был долгий бой жесток.
Кто ж победил в конце концов? Душистый ветерок.

Смех

Человек улыбнулся — и мир его полюбил.
Человек засмеялся — и мир в испуге застыл.

Грудь земли

Землю цепом молотя, киркой рассечь угрожая,
Можно лишь пыли добиться, а не урожая.

Сила слабого

Лишь зло страшится позора и поражения,
Добро лучится даже на дне униженья.

Даже на троне

Не станет, воссев и на трон горделивый,
Подлость красивой, а ложь правдивой.

Неблагодарность

Смеется клинок: «До чего ж тупа рукоять!»
А без рукояти герою клинка не взять.

Наш век

Странен наш век — преступный Железный век:
Люди все злей, по-прежнему добр человек.

Зажгли свечу

Как светло! И однако не только свечу,
Но и скромный подсвечник славить хочу.

Голос Вечности

«Не бойтесь мгновений!
Это я их послала в полет!» —
Так нам безмолвная Вечность поет.

Звон тетивы

Воскликнул лук, пустив стрелу в высоту:
«В свободе твоей свободу свою обрету!»

На восходе

«Потерял я росинку!» — взывает цветок в печали
К небесам, что с утра все звезды свои потеряли.

Смеющейся

Когда переливчато-звонко смеется радость твоя,
Музыка слышится мне: звенит родник бытия.

Мимолетным мыслям

Пугливые мысли, не бойтесь мне дать ответ:
Ведь я — поэт.

В миг тишины

В тишину погрузил я сердце — кувшин живой,
И внезапно наполнился песней он ключевой.

Свеча свидания

Как доверчиво светом сияет она счастливым,
Как мгновенно гаснет под ледяным порывом!

Пожелание красоте

Желаю, чтоб отклик твой взор отыскал
В сиянье любви, а не в блеске зеркал.

Птица и облако

Хочется птице облаком гордым витать,
Хочется облаку вольною птицей стать.

Слезы и звезды

Если слезы ты льешь по дневной красоте,
Как увидишь созвездья в ночной высоте?

Чудо бытия

Что живу — не подобно ли высшему чуду?
Если так, пусть вовек в этом чуде пребуду.

Попытка

Бедный цветок — что лежит он, вянет в пыли?
За бабочкой вслед оторваться хотел от земли.

Сила жизни

Человек — как дитя. И понять очень просто:
Сила жизни его — сила вечного роста.

Заблуждения

Книгу жизни читая, не раз ошибался наш глаз,
А вздыхаем, что жизнь заблужденьями мучает нас.

Стыжусь

Наверно, стыжусь я людских похвал,
Потому что втайне их сам желал.

Глаза глупца

Глаза глупца гордятся не зрачками,
А толстыми, холодными очками.

Светляк и звезда

Не боится звезда, что ее светляком назовут,
А боится светляк, что звездой его сочтут.

В море жизни

В этом море криков и плачей кому известен
Путь, что ладью приводит к Острову Песен?

Очищение

Слова... Слова... Пропылен их сухим звучаньем,
Омой свою душу мудрым молчаньем.

Бессонница

Стая диких уток — мысли летят в мозг:
Слышу взмахи крыл, а поймать ни одну не могу.

Вдали от дома

Сколько звезд в небесах царит!.. А сердце болит
По свече, что в келье моей давно не горит.

Горечь дыхания

Люди видят мой мир, люди хвалят его красу,
А ведь сколько погибших миров я в груди несу!

Один в толпе

«Мы листья! Мы листья! Ты тоже шуми-шелести!
Ну что ж ты молчишь?» —
«Я умею только цвести».

Отходя ко сну

Я — словно вытщенный на отмель челн:
Лежу и слушаю музыку вечных волн.

Спутница

Взгляни, как послушна Тень: в темную ткань одета,
С робкой любовью скользит за поступью Света.

Наши туманы

Тайна сокрыта во тьме.

Наши споры, догадки, обманы —
Это всего лишь предутренние туманы.

На весенней заре

Все шепоты этого мира, о чуткое сердце, лови:
Он тысячами голосов признается тебе в любви.

Песня сердца

Кто это пальцами, легкими, как дѣвичий поцелуй,
В груди у меня наигрывает песню весенних струй?

Страх неизвестности

Я — ребенок в ночи, я боюсь даже громко дышать,
В темноте я ладони к тебе простираю, Мать!

Рассвет

Тьма — как мешок. Прорывают его — смотри! —
Золотые монеты рассыпавшейся зари.

Глядя на травинку

Стебелек придорожный, мечтай о звезде тайком,
И мечта твоя станет юным цветком.

Пламя жертвы

Вспыхнув огнем, вскричал уголек:
«Смерть моя — это мой цветок!»

На склоне лет

Ты мне улыбнулась, что-то сказала — и я узнал
Тот миг драгоценный, какого с юности ждал!

Своему сердцу

Будь скромным — созревай, как мудрый плод,
Рука всевышнего в свой срок тебя сорвет.

В мире земном

Я страдал, я надежду терял, погибал,
Но горжусь: в этом мире и я побывал!

Последний шепот

О, избавь меня от печалей прошедших дней;
Смерть и так трудна, смерть в печали еще трудней.

А солнце ласково глядит:
«Как поживаешь, брат?»

4

Политика

У дерева топор просил, как жалкий нищий:
«Дай хоть негодный сук, чтоб сделать топориче!»

И дуб согласие дал... Был смиренным до сих пор,
А тут заносчивым, свирепым стал топор:

Недолго думая ствол подрубил под корень,
И рухнул мощный дуб, обманут, опозорен.

5

Двигатель судьбы

Измучен странствием, я вопрошал судьбину:
«Кто так безжалостно меня толкает в спину?» —
«Взгляни назад!» — Гляжу — и жалоба смолкает:
Мое же прошлое вперед меня толкает.

6

Насмешка недостойного

От смеха задрожал в копилке огонек,
Увидев, как звезда скатилась и погасла.
«Ты что, — спросила Ночь, — злорадствуешь, дружок?
Уже кончается твое гнилое масло!»

7

Мудрость малая и великая

Вода в кувшине говорит
владыке жизни — океану:
«Хоть и велик ты, океан,
тебе завидовать не стану!
Пусть я мала — зато чиста,
для всех и каждого ясна,
А ты — так темен, так глубок,
что не увидишь дна!..»

8

Два берега

Слышу берега зов печальный:
«Как я счастья достичь смогу,
Если все надежды остались
на другом, другом берегу?..»
А с другого берега слышу:
«Чем тебе, мой брат, помогу,
Если вся моя радость осталась
на твоём, на твоём берегу?..»

9

Невинное заблуждение

Бутон-младенец, пробудясь,
узрел впервые мир земной —
Мир, полный звуков и лучей,
цветенья, трепета, любви,

И солнцу ласково сказал:
«Хочу, чтоб ты играл со мной,—
Пока на свете я живу,
ты тоже, братец, поживи!»

10

Тайна первопричины

Сокрушалась свирель: «Ничего я, как видно, не значу,
Дуновенье придет — и послушно играю и плачу!»
Дуновенье в ответ: «Хоть и спели мы тысячи песен,
Кто нас петь заставляет, ни мне, ни тебе не известен».

11

Смерть

Если вправду, о Смерть, ты была бы одной пустотою,
Мир давно бы исчез, растворился в холодном покое.
Нет, в тебе обновленье находит любое создание,
Как ребенка — заря, пробуждаешь ты все мирозданье.

ВСТРЕЧА ВО СНЕ

1

Юноша и девушка

Юноша и девушка ходили
к одному наставнику учиться,
С детских лет друг друга полюбили —
да могло ли иначе случиться?
Ждали, то надеясь, то печалась,
а когда на полпути встречались,
Друг на друга глянуть не решались
от волнения, робости, стыда...
Девушка шла первой по тропинке,
юноша за нею шел всегда...
Лес тонул в цветах и песнях птичьих,
в листьях ветер утренний играл,
Падали цветы из кос девичьих —
юноша тайком их подбирал.

Девушка сидит на возвышеньях,
юноша у ног ее сидит.
С виду строг, но полон снисхожденья
их наставник — пожилой пандит.
Помолились... Принялись за чтение,
девушка забылась на мгновенье,
Уронила книгу с возвышенья,
юноша спешит ее поднять.

Снова продолжается ученье,
вскоре книга падает опять...
Жарко... Все затихло и уснуло,
задремал морщинистый пандит...

Девушка на юношу взглянула,
юноша на девушку глядит.

Девушка идет домой с ученья,
юноша идет за нею вслед,
Все вокруг полно для них значенья —
затаенных знаков и примет.
Ожерелье девушка снимает,
им в руке задумчиво играет,
Незаметно в пыль его роняет,
юноша торопится вперед
И, глаза потупив от смущенья,
ожерелье молча подает...
Над рекой виднеется селенье,
в синих сумерках дрожат огни...
Полные тревоги и томленья,
по домам расходятся они.

Юноша под кровом тростниковым
вспоминает девичьи черты.
Девушка под пологом холщовым
робко погружается в мечты.
Льется в щели лунный свет текучий,
спит селенье на прибрежной круче,
Звезды заволакивает туча:
из-за леса движется гроза...
Юноша во тьме улыбку видит,
девушка — горячие глаза...
Молнии все ближе полыхают,
кровли хижин сотрясает гром...
Оба спят — то вздрогнут, то вздыхают,
оба спят — одним тревожным сном.

Сон юноши

Сын раджи великого, задумал
я весь мир огромный обойти —
Сколько ослепительных красавиц
довелось мне встретить по пути!
Помню, как одни мне песни пели,
а другие плакали у ног,
У одних был смех похож на слезы,
у других — на яростный клинок.
Эти шли домой высокомерно,
те в тоске глядели мне вослед,
Лишь звезду, что мне во сне сияла,
отыскать не мог я много лет.
Но однажды далеко отсюда,
в царстве сна со мной случилось чудо:
Дочь раджи я спящую узрел —
ожерелье на нее надел...

Как-то ночью я, дрожа, проснулся,
вспоминая, что приснилось мне.
Встав неслышно, из дворца я вышел
в чуткой предрассветной тишине.
На востоке ночь уже редела,
мерк светильник утренней звезды,
День рождался, но еще дремали
в полутьме селенья и сады.
Предо мной тянулась вдаль дорога,
вдоль нее — деревья без конца...
«Вот он, путь,— подумал я внезапно,—
что ведет к дверям ее дворца!»

Там, в такой же полутьме рассветной,
дремлет край мечты моей заветной,
И казалось, лик ее всплывал
в пене серебристых покрывал.

На коня вскочил я... В диком беге
проносились за страной страна...
Дни мелькали... И однажды ночью
наконец достиг я царства сна.
Башни в синем сумраке тонули,
будто шел я по морскому дну,
И такая тишина, что крикни —
и разбудишь сразу всю страну.
Спал дворец, спала у входа стража,
а внутри — ни звука, ни огня...
Чуть дыша, я шел по темным залам,
страх мой крался впереди меня.
Спал раджа в объятиях супруги,
спали в нишах воины и слуги,
Лишь из дальней двери расписной
свет струился золотой волной.

Там горел светильник драгоценный,
а на ложе дочь раджи спала,
Вздрыгнул я, узнав ее мгновенно,
грудь от сладкой боли замерла.
Темные, как тучи грозовые,
разметались волосы ее,
Юной чистотой светилось тело —
лотос, погруженный в забытье.
Видел я, как, ткань приподнимая,
тихим сном волнуемы слегка,

Из-под шелка проступали робко
 два ее нетронутых цветка...
Что сказать? Для этого виденья
 на земле не отыскать сравненья...
В царстве сна, в бездонной тишине,
 это было словно сон во сне!

Я стоял, сдавив руками сердце,—
 грудь оно хотело разорвать!
Тихо я присел у изголовья,
 чтоб глаза ее поцеловать.
Но губами не посмел коснуться
 этих чутко задремавших глаз,
Хоть и думал с грустью, что люблюсь,
 может быть, на них в последний раз.
«...Я тебя, о Спящая, увидел
 и рабом твоим отныне стал!» —
Копотью светильника ночного
 я на листьях пальмы написал,
Золотою нитью с жемчугами
 их скрепил дрожащими руками...
Тайный знак оставить я хотел:
 ожерелье на нее надел.

3

Сон девушки

В царство сна проникло пробужденье:
 разгорелась голубая высь,
Зажужжали пчелы на рассвете,
 с криком в небо ласточки взвились,

Заворочались слоны в загонах,
и заржали в стойлах жеребцы,
На дворах захлопотали слуги,
и помчались из ворот гонцы.
Во дворце старик раджа проснулся
рядом с нежноликою женой,
И тихонько дочь его вздохнула —
пробудилась в спальне расписной.
В полутьме еще горел светильник,
ароматов легкий дым редел..
Поднялась — и вздрогнула внезапно:
«Странный сон... Кто мне в лицо глядел,
Ожерелье на меня надел?..»

Волосы откинула на плечи,
по груди рукою провела —
Незнакомых жемчугов коснулась
и пугливой ланью замерла.
Сбросила чужое ожерелье,
непонятным страхом пронзена,
Увидала пальмовые листья,
а на длинных листьях — письмена.
С нити золотой сняла посланье,
не сводя настороженных глаз,
На коленях листья разложила,
этот почерк видит первый раз:
«...образ твой — как солнце на восходе,
он душой моею завладел!..»
В чутком сердце родилась догадка:
«Кто-то знак оставить мне хотел —
Ожерелье на меня надел!..»

Распахнула створчатые окна —
 щебет птиц еще слышнее стал,
Свежий ветер устремился в спальню
 и коснулся смятых покрывал.
Пряный запах с цветников донесся,
 шелест и журчание весны,
И во всем — певучая тревога,
 будто звон серебряной струны.
Слышно, как с кувшинами рабыни
 по тропе спускаются к реке:
Звякают браслеты их ножные,
 раздается смех невдалеке.
Бьют копыта, и бранятся слуги —
 жизнь полна своих забот и дел...
Дочь раджи, закрыв глаза, мечтает:
 «Он вернется! Он мне ждать велел —
Ожерелье на меня надел!..»

И она то снимет ожерелье,
 то опять торопится надеть,
То в руках перед глазами держит,
 чтоб его получше разглядеть,
То кладет на пеструю подушку,
 смотрит — не насмотрится никак,
Словно ждет, что станет вдруг понятней
 этот яркий молчаливый знак.
Сколько звуков раздается в мире —
 все вокруг звенит, зовет, поет,
Ветер ластится, смеются окна —
 тайны ей ничто не выдает!
Ропщет память — нечем ей заполнить
 этот жгучий, горестный пробел...

Дочь раджи мучительно гадает:
«Кто же тот, что ночью здесь сидел,
Ожерелье на меня надел?..»

Кто? Откуда? И каков он с виду?
Как он, дерзкий, во дворец проник?
Темных глаз огонь неуголимый
сквозь туман почудился на миг...
Рядом с нею он сидел на ложе —
трогал руки, волосы, плечо...
Это от его прикосновений
до сих пор свежо и горячо!
Дрогнула, лицо в ладонях пряча,
слезы так и брызнули из глаз:
Почему предательский светильник
от стыда и гнева не погас?
Кто бы ни был он, смельчак безумный,
но всему на свете есть предел!..
На подушки, зарыдав, упала:
«Как он оскорбить меня посмел —
Ожерелье на меня надел!..»

Дни проходят грустной вереницей:
отпылали цветники весны,
Вот уже густыми облаками
небеса с утра омрачены.
Поднялись туманы-великаны —
горы и леса заволокли,
Днем и ночью льется дождь холодный
в сердце истомившейся земли.
Мир как будто плачет и смеется,
снова солнце плавит синеву,

И опять весна свои богатства
из корзины сыплет на траву.
Кто узнает: будет ли счастливым
или полным слез его удел?..
Дочь раджи глядит в окно тоскливо:
«Где же тот, кто был так добр и смел —
Ожерелье на меня надел?..»

БАЛЛАДА О КРАСНЫХ БУСАХ

Мама, мама, мимо нашей двери
Молодой раджа проехать должен!
Говорят, сегодня ровно в полдень
Он со всею свитой здесь проедет —
Мимо дома нашего проедет,
Молодой, красивый, неженатый...
Мама!.. Как могу в такое утро
О своих делах домашних думать?

Покажи скорее, как получше
Волосы убрать мои густые,
Да скажи, какого цвета сари
Я должна надеть для этой встречи?
Что глядишь с испугом, с удивленьем,
Будто я совсем безумной стала?
Молодой раджа проедет, слышишь,
Мимо дома нашего проедет!..

Ах, конечно же, я знаю, мама:
На меня он даже и не глянет,
Но ведь наяву он здесь проедет,
А такое только раз бывает!
Знаю: перед дверью нашей скромной
Колесницу он не остановит,
Но ведь наяву промчится, мама,
Хоть разок не в снах его увижу!

А еще хочу надеть на шею
Что-нибудь попраздничней, поярче!
Дай мне ключ, позволь, достану бусы
Из рубиновых камней блестящих.
Знаю: для моей счастливой свадьбы
В сундуке хранишь ты эти бусы,
Но сегодня праздник, мама, праздник —
Как же быть могу без украшений?..

Вот и полдень... О, как бьется сердце!..
Убрала я волосы красиво,
Сари с голубой каймой надела,
А на грудь — рубиновые бусы,
На пороге встала... Слышу топот...
Кони скачут... Пыль гудит-клубится...
Копья... Флаги... С гиком свита мчится
За резной, блестящей колесницей!

А на той блестящей колеснице
Он стоит — тремя конями правит,
Будто Сурья — солнцебог лучистый,
Правящий небесными конями.
Только миг!.. И все же разглядеть я
Навсегда лицо его успела!..
Бурей мимо дома он пронесся —
На меня не глянул... не заметил...

Только миг, мучительно слепящий,
Молодым раджей я любовалась:
Как он гордо правил колесницей —
Радостный, красивый, недоступный!..
А за ним, выкрикивая: «Слава!»,
Горяча коней, промчалась свита,
И в пыли исчезли копыта, флаги,
Топот, клики пронеслись — и смолкли...

Только миг!.. И пусть такая встреча
Будет в жизни первой и последней,
Но ведь целый миг, слепящий, жаркий,
Я моим любимым любовалась.
Бурей он весеннею пронесся —
На меня не глянул... не заметил...
Но когда он с домом поравнялся,
Сорвала с груди я ожерелье!

Сорвала я огненные бусы —
И коням швырнула под копыта,
И в пыли в последний раз блеснули,
Как живая кровь, мои рубины.
А гремящий обод колесницы
В пыль вдавил рубиновую змейку,
Раздробил — и на дороге тусклой
Темно-красное пятно осталось.

И не знаю — не смогу ответить:
То ли камнем молча я застыла,
То ли чайкой, на лету подбитой,
Крикнула отчаянно и страшно.
И не знаю, не скажу, не вспомню:
По расколотым багряным бусам
Или по груди моей — по сердцу
Колесо, сверкая, прокатилось!..

Что глядишь с такой печалью, мама?
Или бус тебе старинных жалко?
Разве счастье — в этих красных бусах,
Да и будет ли другая свадьба?
Вытри слезы, мама! Этот полдень —
Он и был моей счастливой свадьбой:
Хоть на миг, но был со мною рядом
Мой раджа, мой гордый, солнцеликий!

Да, конечно, я видала, мама:
На меня он даже и не глянул —
Бурей пролетел под крики «Слава!»
На резной, гремящей колеснице,
А сейчас в садах, в кругу красавиц,
Он с друзьями весело пирует,
И конечно, знаю: эта встреча
Будет в жизни первой и последней.

Почему же радуюсь, ты спросишь.
Потому что я — а не другая —
Раньше всех проснулась на рассвете
В праздничном, счастливом ожиданье,
Это я с утра тихонько пела,
Маслом ароматным надушилась,
Сари с голубой каймой надела,
А на грудь — сверкающие бусы.

И ведь это я — а не другая,—
Вся светясь, как трепетное пламя,
На пороге встала — близкий топот,
Обомлев от счастья, услышала,
Разглядеть в слепящий миг успела,
Как на быстрой, пышной колеснице
Гордо правит он тремя конями,
Радостный, красивый, недоступный.

И ведь это я — а не другая,—
Дико крикнув раненою чайкой,
Сорвала рубиновые бусы
И коням швырнула под копыта,
И в пыли еще видны осколки,
Где тяжелый обод прокатился,—
Тусклые, багровые осколки,
Как мое раздробленное сердце!..

ТРИ ВСТРЕЧИ

Четырнадцать лет мне было в ту осень...
Как чисто и радостно грудь дышала!
Как после дождей широко, полноводно,
Селенье обняв, разлилась река!
Какими надеждами тайно светилось
Счастливых волнений полное сердце,—
Ведь в наших старинных, добрых селеньях
Четырнадцать лет — значит, свадьба близка.

Уже ароматным огнем облетели
Цветы с раскидистого гульмохура,
Уже с пожелтелых полей крестьяне
Рис да пшеницу собрали в срок.
В то утро я возле окошка сидела —
Кайму вышивала на праздничном сари —
И помню, каким получался красивым
На розовой ткани синий цветок.

И синяя нить за иглой бежала,
И синяя радость в глазах лучилась,
И в синем просторе высокого неба
Над синей рекой пламенел восход...
Вдруг вижу: два путника незнакомых —
Старик в темно-желтой святой одежде
И юноша в грубой накидке дорожной —
Остановились у наших ворот.

Как снег — борода, деревянные четки,
На строгом челе, меж седыми бровями —
Знак Вишну-хранителя... Сразу видно,
Что мудрый наставник — этот старик,
И рядом с ним, могучим, но дряхлым,
Как тополек рядом с древним чинаром,
Каким казался хрупким и стройным
Юный паломник — его ученик!

Рубашка холщовая, палка пастушья,
Плошка из тыквы, свирель из бамбука.
Казался простым он сельским подпаском —
Так был небогат и смиренен на вид,
И только взглянув на узорный пояс
С бронзовой головою львиной,
Я догадалась, что к знатному роду
Красивый юноша принадлежит.

Видать, еще издали он заметил
Меня, сидевшую возле окошка,—
Наставнику что-то почтительно молвил,
И в знак согласия кивнул старик.
«Добрая девушка, можно напиток?» —
Смущаясь, спросил молодой паломник,
И голос его, как у девушки, чистый,
До самого сердца в меня проник.

Лишь на мгновенье встретились взгляды,
А сколько друг другу сказать успели!
Кувшин принесла я... Стыдливо потупясь,
В чашу воды ключевой налила.
Взял чашу старик, над прозрачной влагой
Чело склонил — прошептал молитву...
Наверно, мудрой была молитва,
Да жаль, я ни слова не поняла.

Испил воды седовласый старец,
Вздыхнул: «Да хранит тебя всемогущий!» —
И возле ворот на широкий камень
Сел — захотелось в тени отдохнуть.
«Откуда вы, странники?» — я спросила.
«Из нашей столицы,— юноша молвил,—
А в город Варáнаси достославный
Еще дней на сорок остался путь!..»

А я все глядела — все любовалась,
Как ясно глаза правдивые смотрят,
Как льется улыбка, струится румянец
По нежно-стыдливом его щекам,
Глядела — и радостный сон вспоминался:
Да, это он женихом лучезарным
Вчера, на заре, из чертогов звездных
Ко мне спускался по облакам...

Ближе шагнул молодой паломник
И мне, глаза опустив смущенно,
Сказал тихонько — и в каждом слове
Пылкая правда была слышна:
«Добрая девушка... Только не смейся...
Скажи, как быть?.. Говорит наставник,
Что где-то здесь меня ждет невеста...
Но как узнать, где живет она?..»

Робость — о, глупая детская робость,—
Зачем не в свое ты дело вмешалась?
На губы-бутоны зачем наложила
В тот миг свою трепетную ладонь?
А юноша глянул в глаза пытливо —
Почти догадался!.. Но я — я молчала,
Хоть билась душа, горячо трепетала,
Как на святом алтаре — огонь.

Благословили меня, поклонились,
Тронулись в путь ученик и наставник.
Смолкли шаги... Только сад лепечет,
Да слышен сочувственный плеск ручья...
И снова сижу за шитьем... И со вздохом
Грудь запоздалое шепчет признание:
«Она — это я!.. Как ты мог не увидеть?
Скиталец мой светлый, она — это я!..»

Три года прошло... Три раза на ветках
Цветы гильмохура костром запылали
И облетели... И трижды крестьяне
Рис да пшеницу собрали в срок.
Помню, был полдень — яркий, горячий —
И снова я возле окошка сидела —
На пестрой кайме все того же сари
Красный, большой вышивала цветок.

И красная нить за иголкой бежала,
И красное что-то глаза застило —
Тревога, надежда?.. Кто разгадает
Девичьих мыслей пугливый полет?
Вдруг слышу гул... Литавры и крики...
Вскочила скорей, подбежала к воротам —
Гляжу: через тихое наше селенье
Чье-то громадное войско идет.

Первыми конники гордые едут —
Знамена расшитые золотом держат,
В блестящих кольчугах идут копыеносцы
Поступью дружной — за рядом ряд.
Потом боевые слоны зашагали:
На их морщинистых, круглых спинах,
В железных башенках, сквозь бойницы
Меткие лучники зорко глядят.

Потом колесницы, обитые медью,
По сельской улице загромыхали,
И все тяжелее земля трясется,
Все громче литавры, и лязг, и звон...
И вот в толпе сподвижников верных,
На вороном жеребце могучем
Их молодой предводитель едет...
Гляжу с изумленьем: неужто он?..

Как статно сидел полководец юный
На черном своем скакуне геройском,
Как шел ему блеск золотых доспехов
И красный плащ, ниспадавший с плеч!
А на широком поясе царском
С бронзовой головою львиной
Теперь не пастушья свирель висела,
А в изукрашенных ножнах — меч.

Взглянул он, заметил меня на пороге,
Узнал или нет — не скажу, не знаю,
Но только у наших ворот неказистых
Могучего вдруг осадил коня.
«Эй, добрая девушка, дай напиток!» —
Так с удалскою усмешкой крикнул,
И голосом громким, и взором надменным,
И дерзкой улыбкой обжег меня.

Кувшин принесла я, дрожа от волнения,
Слуга подал кубок златочеканный,
И тонкой рукой в огнецветных перстнях
Кубок он взял — осушил до дна.
Опять засмеялся: «А ведь слышал я,
Что где-то здесь меня ждет невеста —
Так звездочет мой придворный вещает...
Но как узнать, где живет она?»

Гордость, упрямая девичья гордость,
Зачем не в свое ты дело вмешалась —
На спелые губы зачем наложила
В тот миг роковую свою ладонь?
Смеясь, на коне красовался любимый,
Глядел мне в глаза... И опять я молчала,
Хоть билась душа, умоляла, кричала,
Как пленница, брошенная в огонь!

Тучей прошло, гроыхая войско,
Прошли слоны, бойцы, колесницы,
Смокли литавры, и ржанье, и крики,
Остался лишь трепетный плач ручья...
И снова сажу за шитьем... И со стоном
Грудь запоздалое шепчет признание:
«Она — это я!.. Как ты мог не заметить?
Воитель мой гордый, она — это я!..»

Еще три года... Еще три раза
Цветы гульмохура костром запылали
И облетели... И трижды крестьяне
Рис да пшеницу собрали в срок.
И снова я возле окошка сидела —
Сари свое вышивать кончала:
Чтоб яркий узор завершить, осталось
Вышить последний желтый цветок.

И желтая нить за иголкой бежала,
И желтая грусть глаза застилала,
И видно было в окошке низком,
Как желтый закат по реке плывет...
Вдруг два прохожих: слепец понурый,
Босой, изможденный, в пыльных лохмотьях,
А с ним поводырь — горбатый мальчонка —
Остановились у наших ворот.

Вгляделась — и дрогнуло мое сердце,
Заныло от горестного сострадания:
Под рваной одеждой слепца-горемыки
Горят и гноятся рубцы от бичей,
А вместо глаз — две раны багровых,
Две круглых, страшных, плачущих раны,—
Долго, наверно, страдал несчастный
В когтях у безжалостных палачей!

А маленький поводырь горбатый
Встал — видно, дальше идти не может.
«Где мы сейчас?» — слепец вопрошает,
И хриплый голос — как тусклый стон,
И если б не пояс его истертый
С бронзовой головою львиной,
Его не узнала бы я... А узнала —
За сердце схватилась: он это, он!..

И вспомнился мне молодой паломник,
Стройный, с бамбуковой свирелью —
Где нежный румянец его смущенья,
Где чистые волны робких речей?
И вспомнился мне горделивый всадник
В красном плаще, в золотых доспехах —
Где пламя дерзкой его усмешки,
Где блеск орлиных, ярких очей?

И вспомнился сон: жених лучезарный,
Сверкая улыбкой, блистая счастьем,
Весенней зарей из чертогов звездных
Ко мне спускается по облакам...
А глянула вновь на слепца молодого,
На страшные, плачущие глазницы —
И чувствую: льются ручьи состраданья
По задрожавшим губам и щекам.

Тем временем мальчик — хилый уродец
Меня, застывшую на пороге,
Успел окинуть пугливым взглядом,
«Здесь можно напиться», — шепнул слепцу.
«Хозяйка добрая, дай напиться!» —
Слепец повторил тоскливо и громко,
Не мог он увидеть, как я задохнулась,
Как слезы быстрее потекли по лицу.

Не помню, как я подошла с кувшином,
Как в руки худые вложила чашу...
Ртом почерневшим к воде припал он,
А половину пролил на грудь.
Возле ворот на широкий камень
Помог ему сесть горбатый мальчонка,
И так тяжело он сел, так устало,
Как будто от жизни решил отдохнуть.

Долго молчал он, склонясь безутешно,
Потом покачал головой незрячей:
«Все войско пропало, и сам пропал я,
И в этом во всем — лишь моя вина!..»
Опять помолчал, усмехнулся, добавил:
«А ведь говорили премудрые люди,
Что где-то здесь я найду невесту...
Да только к чему мне теперь она?»

«Она — это я!» — так, глотая слезы,
Чуть слышно шепчу... И внезапная радость,
Лучистая радость меня ослепляет:
«Я здесь, пред тобой — невеста твоя!
Войди в этот дом — он и твой отныне,
А этот мальчик нам сыном будет...
Был прав звездочет, был прав твой наставник,—
Здравствуй, любимый!.. Она — это я!»

КОЛЕСНИЦА СОЛНЦА

*Эти песни старческого сердца
завершить успел я накануне
моего восьмидесятилетия...*

1

Сверкающая Колесница Солнца
Из-за моря дальнего
Двинулась в путь
По крутой, лазурной небесной дороге.
Встал я с первым приветом рассвета,
И к восходу свой взор обратил,
И увидел:
Заря, совершив омовенье,
Ярко-алою краской рисует узор
На крутом,
Снежно-белом челе Гималаев.
Всю огромность просторов,
Простершихся в сердце Вселенной,
Ощутил я,
Взглянув на престол Повелителя гор.
Как ревниво хранит из столетья в столетье
Безымянная глубь
Неподкупную тайну свою
В полумраке великого, непроходимого леса,
И какой недоступностью окружена
Эта синяя даль, уходящая ввысь,
Где свершает свой круг Колесница Солнца
От восхода к закату!

В этот день —
В день моей годовщины —
Чувство дальней дороги
Сгустилось в душе у меня.
И как видят полет отдаленной звезды,
Что в светящейся дымке летит
По таинственной вечной орбите,
Я себя самого увидал
В недоступной дали.
Да, я — странник на вечном пути,
Бесконечном пути,
И сегодня с утра,
В день моей годовщины,
Все яснее я странника этого слышу шаги
С побережья пустынного моря...
А между тем
В голубой вышине
Все выше, победней, торжественней,
Радостный дождь благодатных лучей
Рассыпая на горы и доли,
Поднимается огненно-золотая
Колесница Солнца.

2

Сколько морей, и пустынь,
И хребтов, и потоков на свете,
Сколько открытий и подвигов,
Стран, городов и селений,
Сколько диковинных тварей и редких растений!
Много ли знаю о нашей огромной планете?

Многого в жизни не видел я.
Мир так богат и широк —
Я охватил лишь его небольшой уголок.
И, сожалея об этом, тома путешествий листаю,
Жадно читаю,
Тысячи красочных строк —
Описаний далекого края —
Перебирая.
Скудны познания мои,
И на каждом шагу
Их я богатством чужим пополняю, насколько могу.
Я — твой поэт, о Земля!
И от звука любого
Флейта моя пробуждается снова и снова.
Если ж я чей-нибудь зов услышать не сумел —
В песнях останется вечный пробел.
Тихих и чутких минут я изведал немало.
Много догадок и дум
Мировая гармония мне навевала:
То ледяная вершина,
Блестя в голубой вышине,
Песней безмолвных снегов обращалась ко мне,
И наполняло меня на мгновенье
Невыразимое благоговенье,
То над молчанием Южного полюса,
В черной ночи,
Дальней, безвестной звезды загорались лучи,
Ждали, казалось,
Что я на призыв их отвечу,
И устремлялся мой взор их сиянью навстречу,
То половодья далекого
Глухо рокочущий вал
Отзвук в глубинах души вызывал.
В эту гармонию,

В плавное это течение
Разных певцов отовсюду вливается пенье,
С ними я чувствую тайную связь —
Радость в душе родилась...
Так от Владычицы музыки дар получаю бесценный:
Слушаю песню Вселенной!
В людях с трудом познается
Их внутреннее существо:
Меры в пространстве и времени нет для него.
Сущность — незрима,
Только при полном духовном слиянье
Она постижима,
Но не во всякую душу отыщется вход —
Жизни привычный уклад между нами встает.
Пахарь за плугом идет на рассвете,
Трудится ткач,
Расставляет рыбак свои сети...
Разнообразны дела человека,
Повсюду видны их плоды —
Двигается мир, опираясь на эти труды.
Я же сижу перед узким окном,
Одинок и тревожен,
Славой своей, словно узник, от всех отгорожен.
Улицей сельской иду,
Мимо скромных дворов прохожу —
В них заглянуть я хотел бы,
Да мужества не нахожу.
Жизнью хотел бы я с жизнью всеобщей слиться,
Иначе песня в поддельный товар превратится.
Тех, кто меня порицает,
Я должен признать правоту:
Сам я мелодии чувствую неполноту.
Славою песен моих обольщаться не буду:
Хоть и широко они разошлись,

Но звучат не повсюду.
Новых поэтов предвижу приход —
Тех,
Кто единою жизнью
С простым землепашцем живет.
Слух напрягаю и жду: прозвучит над странюю
Голос поэта,
Что накрепко связан с землею родною.
Жажду я в мире найти
То, что на праздник поэзии сам не сумел принести.
Жажду я песни правдивой,
Не ослепляющей взор красотой фальшивой.
Слава недешево нам достается, ее не крадут —
Это цена за упорнейший труд.
Так появись, о певец трудолюбцев безвестных,
Душ бессловесных,
Людям страдания сердца открой —
Эту страну, что томится без песни живой,
Эту равнину печали,
Сожженную зноем презренья,
Влагой насыть своего вдохновенья,
Свежий родник у тебя затаился в груди —
Смело его пробуди!
На музыкальном собранье,
Когда оно в полном разгаре,
Пусть мы услышим и тех,
Кто играет на скромной эктаре,
Тех, кто живет среди нас и от нас так далек,
Тех, кто о чувствах своих
Никогда рассказать нам не мог,
В горе и в радости
Молча склонясь перед ликом Вселенной.
О вдохновенный!
Голосом стань тех простых, безымянных людей,

Славу свою обретут они в славе твоей,
И перед новым поэтом
Низко склонюсь я с безмолвным приветом.

3

Слышу, гремит барабан боевой,
Время больших перемен наступило —
Век настанет грозовой.
Новой главы развернулись страницы:
Мир на дурные деяния
Силы растратить стремится,
Несправедливость спешит воцариться.
Это грядущего вестник пришел —
Каждое зло превращается в тысячу зол.
Дряхлые камни сдвигает поток полноводный,
Нищей земли изменяет он облик бесплодный,
Мертвых песков
Размывает слежавшийся слой,
Прочь их сметает бурливой волной.
Гниль унося с побережий,
Место спешит он расчистить
Для поросли свежей,
А истощенное поле пытается всходы рождать,
Как параличный, пытающийся бормотать...
Пусть омертвевшие души
Могут еще показаться живыми снаружи,—
Хоть и трудны времена,
В их закромах
До сих пор не иссякли запасы зерна.
Но наступает расплата: потоки ее грозовые
Сносят солому их кровель,

Врываются к ним в кладовые,
Рушатся градом смертельных ударов,
Жестоких вестей,
Болью пронизывают до костей.
Гибель нахлынула, все на пути разрушая,—
Новое поле готовит для будущего урожая.
В этой проверке,
В горниле мучительных дней
Станет ясней,
Что из наследия дряхлого в прах превратится,
Что сохранится.
Время под глянцем увидеть,
Где прячутся гниль и обман.
Вот почему загремел боевой барабан.

4

Кровавые челюсти, лязгая от нетерпенья,
Грызут города и селенья,
И видно, как в дымной дали
Проносится ужас от края до края земли.
Из царства угрюмого Ямы
Поток беспощадный стремится,
Старинных империй смывает границы,
И хищные страсти, как своры взбесившихся псов,
Спешат на разбойничий зов.
За много веков
Этих псов для своих грабежей и насилий
Охотники цивилизованные приручили,
Но звери с цепи сорвались —
Своих и чужих без разбору терзать принялись.
Пещерная дикость когтями уже не боится
Старинных традиций царапать страницы —

На их письменах запеклась
Кровавая грязь.
Наверное, гневом всевышний пылает —
Посланцев своих насылает,
И грех, что скопился за тысячи лет,
Теперь превращается в тысячи бед.
Разбиты сосуды с вином,
Что владык опьяняло могучих,
Осколки валяются в мусорных кучах.
Безумием люди охвачены — волю Творца
Уж много веков нарушают они без конца.
В грехах погрязая
И жаждою самоубийства пылая,
Безжалостно сами себе западни
Расставляют они.
Рабы сластолюбья,
Что жили в чертогах богатых,
В своих же врагов превратились заклятых
И стены убежищ ломают,
Под грудой камней погребя
Самих же себя.
А грозная Кали встает
Над останками жертв и злодеев,
Счастливые сны человека мгновенно развеяв,
И в грудь, исступленная, ногти вонзает свои,
И собственной крови глотает ручьи.
Когда же иссякнут греховные эти восторги
И кончится век омерзительных оргий,
Пусть человек, одолевший безумье и гнев,
Одежду смиренья надев,
Над пеплом костра,
Где бессчетные жертвы сгорали,
Сядет в глубокой печали,
Чтоб в душу бесстрастно себе заглянуть —

Найти к обновлению путь.
Громов громаханье сегодня об этом пророчит:
Пушки грохочут.

5

Если под сенью надменного трона
Пропать растет и растет неуклонно
Между раджей и народом, что им угнетен,
Значит, на собственной гибели зиждется трон.
Если душа государства
Дряхла от нужды и обмана,
Если корона покрыта позором,
А сердце тирана
Пламенем бедствий народных не опалено,
Опалено приговором всевышнего будет оно.
Там, где под пышным покровом
Богатства и великолепья
Голод горит ненасытным огнем,
И в гнилые отрепья
Кутает плечи, от стужи дрожа, нищета,
И в оскуделых колодцах вода нечиста,
Там, где для смерти все двери открыты,
И от болезней нигде не найдется защиты,
И с отворачиванием ночи и дни напролет
Голод живые скелеты грызет,—
Там изможденные толпы
Державе не служат опорой:
Бременем станут — причину гибели скорой.
Хищная власть, истощенная собственным злом,
Старой орлице подобна с подбитым крылом:
Буря ударит,
И падает в пыль, разбивается птица,
Неумолима судьба,

И возмездье должно совершиться...
Пусть еще мрак покрывает лицо Земли,
Но уже вдали
Огненная, золотая,
Тьму повергая, туманы прочь разгоняя,
Синей дорогой небесной мчится
Солнечная Колесница!..

Рухнет престол горделивый,
Воспрянет измученный люд,
Новые гнезда себе на руинах народы совьют.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Знаю, скоро ладьею твоей доброты
буду в край унесен неземной.
Не боюсь — буду плыть по бессмертным морям,
и забрезжит мне берег иной.
Знаю, тысячи лет ты в объятьях меня
сквозь миры беспредельные нес,
Через многие жизни меня ты провел,
дал отведать и счастья, и слез.
Знаю, в гибельный мрак ты не ввергнешь меня,
ибо сердцем твоим всеблагим
Шел ли истинным я или ложным путем,
был всегда я любим и храним.
Знаю, в зарослях лжи мне пропасть ты не дашь,
в беспощадный не бросишь поток.
День придет: милосердной рукой мою жизнь
ты сорвешь, как срывают цветок.

ПРИМЕЧАНИЯ

Песни дальних селений

Лирические двустишия этого раздела взяты из комментированного издания антологии «Гаха-саттасаи» («Семьсот строф». Калькутта, 1971). Стихи расположены в соответствии с этим изданием. Составление антологии «Семьсот строф», а также вступительное двустишие к ней приписываются Хале Сатавахане, время жизни которого точно не установлено, остальные стихи — многочисленным пракритским поэтам II—X вв. Для данной книги подстрочные переводы с махараштри и научная редакция русских поэтических переводов выполнены И. Д. Серебряковым.

¹ Стихотворение связано с поверьем, согласно которому Ума (Парвати), супруга бога Шивы, названная здесь одним из своих эпитетов — Гаури (т. е. «Светлая»), ревнует своего мужа к Богине сумерек, которой Шива по вечерам приносит в качестве жертвенного подношения горсть воды.

² Возможный скрытый смысл — печальное признание, что с наступлением холодов должны прекратиться тайные встречи с любимым.

³ Обращение к подруге, встревоженной тем, что приближается сезон дождей, когда ушедшие из дома на заработки мужчины должны вернуться, а ее любимого мужа до сих пор нет. Горелый лес — признак жарких летних месяцев, за которыми следует период дождей.

⁴ Жена уговаривает мужа не уходить на заработки в город, ссылаясь на приход холодных месяцев.

⁵ *...брызги Молочного Океана...* — По древнеиндийским космогоническим мифам, многие чудесные сокровища были добыты богами при пахтанье мирового Молочного Океана, причем мутовкой служила им гора Мандара, а веревкой — исполинский

змеи Васуки. Среди добытых ими сокровищ были Луна, богиня красоты и счастья Лакшми, небесные красавицы-танцовщицы апсары, могучий белый конь Уччайхшравас и огромный белый слон Айравата (их обоих взял себе бог-громовец Индра), волшебный самоцвет Каустубха, украсивший грудь бога Вишну, чудесное вечноцветущее дерево Париджата, перенесенное в небесный райский сад, а самым драгоценным из добытых богами сокровищ была амрита — небесный нектар, напиток бессмертия. Руководил пахтаньем Молочного Океана бог Вишну — один из трех верховных богов индуистского пантеона.

⁶ Здесь пчела (или шмель) — образ неверного, легкомысленного, быстро меняющего свои увлечения любовника.

⁷ В этом двустишии воспевается «абхисарика» — традиционный для старинной индийской лирики образ женщины, идущей на тайное свидание с любимым.

⁸ В древности во многих странах (в том числе в Индии) ночное время делилось на четыре «стражи», поскольку в течение ночи стража должна была сменяться четыре раза.

⁹ Это двустишие может быть истолковано как слова жены, обращенные к неверному мужу, вернувшемуся с тайного свидания. Стихи построены на игре слов («масло» и «любовь» на языке махараштри звучат одинаково).

¹⁰ Стихотворение связано с «Праздником жасмина»; по обычаю, во время этого праздника женщины разносили по всему селению сдобные пироги.

¹¹ «Цветущей» («пушпавати») называлась женщина во время месячных; по обычаю, в эти дни к ней запрещалось прикасаться.

¹² Согласно некоторым комментариям, это двустишие произносится посредницей, которая расхваливает достоинства пославшего ее влюбленного мужчины.

¹³ *Праздник Мадана* — веселый весенний праздник, связанный с поклонением богу любви Камадэве, или Мадане («Опьяняющему»).

Шесть времен года

Избранные стихи из данных шести циклов Калидасы взяты из раздела «Ритусанхара» («Времена года»), входящего в однотомник его лирических произведений «Калидаса» (Коломбо, 1961). Подстрочные переводы с санскрита и научная редакция поэтических переводов выполнены И. Д. Серебряковым.

¹ *...чей нектар — освеженье сердца...* — По индийским народным поверьям, луна по мере своего роста наполняется амритой (небесным напитком бессмертия), которая затем постепенно поглощается богами, чем и объясняется убывание луны.

² Бога любви Камадэву индийцы называют Незримым или Бестелесным — Анангой.

Узоры любви

Стихи из приписываемого Калидасе цикла «Узоры любви» взяты из раздела «Шрингаратилака» («Узоры любви»), входящего в однотомник его лирических произведений «Калидаса» (Коломбо, 1961). Избранные стихи Амару взяты из критического издания его антологии «Амару-шатакам» («Сто строф Амару». Пуна, 1959). Стихи из собрания санскритских лирических миниатюр, составленного Видьякарой, взяты из комментированного издания его антологии «Субхашита-ратна-коша» («Сокровищница изящных речений». Кембридж, 1972).

Вступление написано составителем Видьякарой, жившим во второй половине XI в., а остальные стихи приписываются ряду санскритских поэтов V—X вв., в числе которых Калидаса, Бхавабхути, Раджешкхара, Ваккута, Бхожа-дэва, Лакшмидхара, Йогешвара, Маходадхи, Нила, Валлана и др. Подстрочные переводы с санскрита и научная редакция поэтических переводов выполнены И. Д. Серебряковым.

...зря, океан взбивая, трудились глупые боги! — см. примеч. 5 к разделу «Песни дальних селений».

² Стрелок незримый — бог любви Камадэва (см. Глоссарий)

³ Всё, что боги в грудах великих Добывали из недр океанских... — см. примеч. 5 к разделу «Песни дальних селений».

Три свитка раздумий

Поэтические переложения избранных лирико-философских стихов Бхартрихари сделаны на основе их научных переводов с санскрита, приведенных в книге И. Д. Серебрякова «Бхартрихари. Шатакатраям» (М., 1979).

¹ В этом вступительном стихотворении поэт, по традиции, обращается с торжественной хвалой к верховному божеству (по мнению исследователей — к Брахме или к Шиве).

² ...обет стояния на острие меча? — Имеется в виду один из многочисленных, разнообразных обетов (обычно связанных с телесными страданиями), которые с древних времен давали религиозные фанатики-аскеты в Индии, стремясь доказать силу своей веры и заслужить награду в духовном мире.

³ ...всем трем мирам... — т. е. миру небесному, миру земному и миру подземному.

⁴ Поэт имеет в виду древнеиндийский миф о совершенном богами пахтанье Молочного Океана с целью получения напитка бессмертия (амриты). Согласно некоторым версиям этого мифа, из океанских недр сначала был извлечен смертоносный яд (калакута), а лишь затем — напиток бессмертия. (Подробнее об этом см. в примеч. 5 к разделу «Песни дальних селений»).

⁵ ...внутри Мирового Яйца... оказался бессмертный Брахма... — По древнеиндийским космогоническим представлениям, Вселенная возникла из исполинского золотого яйца, плававшего по волнам Мирового океана. Благодаря мощным усилиям бога-

творца Брахмы, находившегося внутри этого яйца, оно раскололось на две половины, образовавшие небесную и земную твердь.

⁶ Согласно индуистским верованиям, одно из высших божеств — бог Вишну имел 10 земных воплощений для оказания помощи человечеству. Его наиболее известные земные воплощения (аватары) — Кришна и Рама (см. Глоссарий).

⁷ *Рудра* — один из эпитетов бога Шивы. Обычно считающийся самым грозным из богов индуистского пантеона, он предстает, однако, во многих легендах в облике смиренного отшельника-шиваита, одетого в рубище, с чашей для подаяния, сделанной из черепа.

⁸ *...чей стяг украшен Изображеньем морского чудища...—* Имеется в виду бог любви Камадэва, сопровождаемый свитой небесных красавиц, одна из которых несет стяг с изображением фантастического морского животного (макары) с телом и хвостом рыбы и с головой и передними ногами оленя.

⁹ *Ловец, у которого рыба на стяге...—* см. примеч. 8.

¹⁰ *...У ног божества, чье чело украшает Месяц...—* По старинным традициям, бог Шива изображается с ярко сверкающим полумесяцем над лбом.

¹¹ *...Бог, спаливший лукавого Каму...—* Имеется в виду одна из легенд о боге Шиве. Однажды он на долгое время погрузился в глубокие размышления, храня неподвижность и закрыв глаза. Этим воспользовался демон Тарака, вознамерившийся завладеть всей Вселенной. Встревоженные боги, нуждавшиеся в помощи Шивы, попросили Каму (бога любви Камадэву) пробудить Шиву от его размышлений, обратив его внимание на прекрасную богиню Парвати. Разгневанный тем, что была нарушена его медитация, бог Шива открыл свой третий, расположенный во лбу глаз, извергший сноп пламени, которое испепелило Камадэву (с тех пор бога любви называют Бестелесным).

¹² *...служи лишь Несущему Лунный Серп...—* т. е. богу Шиве (см. примеч. 10).

На цветущем берегу Ямуны

Включенный в этот раздел цикл стихов Видьяпати «Песни любви» взят из его сборника «Гита-санграха» («Собрание песен». Бенарес, 1954). Избранные стихи из «Кришнаияны» Сурдаса взяты из его книги «Сурсагар» [«Океан песен Сура». Каши (Бенарес), 1948]. Подстрочные переводы с майтхили и браджа выполнены Ю. В. Цветковым.

Ветви невянувшей мудрости

В основу поэтических переложений двустиший Кабира, а также комментариев к ним положена книга Н. Б. Гафуровой «Кабир и его наследие» (М., 1976). Избранные стихи Рахима взяты из сборника «Рахим-дохавали» («Двустишия Рахима». Агра, 1962). Избранные стихи Тулсидаса взяты из его сборника «Доховали» («Двустишия». Калькутта, 1956). Подстрочные переводы с браджа стихов Рахима и Тулсидаса выполнены Ю. В. Цветковым.

¹ «Ади Грантх» («Изначальная книга») — священная книга сикхов, свод религиозных поэтических текстов, созданный в XVII в., в который, в частности, вошли стихотворные изречения Кабира.

² ...о злосчастном шакте, что продается в лавочке любви.— Считая шактов неправедными, грешными людьми, Кабир сравнивает душу шакта с дешевым, расхожим товаром.

³ Ветшают наши лодки... — характерное для многих религиозных рассуждений аллегорическое сравнение земного существования с морем, а человека — с лодкой, нагруженной грехами.

⁴ Наиболее вероятный смысл этой аллегии: «олень» — человек, «зеленый брег» — иллюзорно привлекательное земное бытие, «охотники» — мирские соблазны, от которых невозможно спастись человеку.

⁵ ...спящий? Пробудись... — Здесь имеется в виду человек,

полностью погруженный в мирские дела и забывший о поклонении божеству.

⁶ *Алмаз* — в стихах Кабира часто обозначает святую истину.

⁷ *Стрелу в меня пустил...*— Поэт называет здесь «стрелой» святые истины, изрекаемые его духовным наставником.

⁸ *Тиран десятиглавый* — мифический владыка демонов Равана, побежденный героем Рамой (см. Глоссарий).

⁹ *Век Железный* — согласно мифологическим воззрениям, последний, самый мрачный из четырех периодов в истории человечества, уже начавшийся более пяти тысяч лет тому назад; его древнеиндийское название — Калиюга (от санскритского слова «кали» — «грех», «распря», «страдание»).

Огненная чаша

Составление этого раздела, а также подстрочные переводы с фарси осуществлены Г. Ю. Алиевым. Подстрочные переводы с урду сделаны Н. В. Глебовым (газель Мирзы Галиба) и А. С. Сучочевым (стихи Мухаммада Икбала).

¹ Здесь игра слов: *Най* — название крепости, в которую был заточен поэт Сальман; *най* — тростниковая флейта; обычно символизирует поэзию.

² *Эй, виночерпий, дай вина скорей...*— вино, опьянение и т. п. в классической поэзии на фарси, урду, арабском и тюркском языках — традиционные суфийские (религиозно-мистические) образы, символизирующие экстатическое слияние суфия с божественной истиной.

³ *...Якуб ароматом рубахи Юсуфа гордится...*— Согласно мусульманской легенде о проданном в рабство Юсуфе (библ. Иосиф Прекрасный), его отец Якуб ослеп от горя и слез в разлуке с любимым сыном, но, вдохнув запах присланной ему рубахи Юсуфа, мгновенно прозрел.

⁴ *...в каждом колодеце томится Юсуф...*— Согласно легенде, жестокие братья Юсуфа, решив расправиться с ним, сначала бросили его в колодец, а затем, когда он чудом остался жив, продали его в рабство.

ГЛОССАРИЙ

А́мрита — напиток бессмертия, небесный нектар, добытый богами.

Ана́нга («Бестелесный») — один из эпитетов бога любви Камадэвы; легенда гласит, что его телесный облик был сожжен разгневанным богом Шивой, устремившим на него огненный взор своего третьего глаза.

А́нджали — молитвенно сложенные ладони рук.

Анк — металлический жезл (обычно с крюком или острием на конце), с помощью которого погонщик, сидящий на слоне, управляет им.

А́сана — поза в системе йоги; «асана лотоса» — сидячая поза со скрещенными ногами, предписываемая для размышлений или молитвы.

А́суры — могучие демоны, обитавшие на небесах, но низвергнутые богами в подземное царство.

Ашо́ка — высокое вечнозеленое дерево с пышными красными цветами.

Брад́ж — область в Северной Индии, где, по старинным легендам, провел свое детство и юность Кришна.

Бра́хма — по индуистским верованиям, творец Вселенной.

Бхакт — последователь бхакти — индуистского религиозно-реформаторского учения XV—XVII вв., провозгласившего сутью праведной жизни постижение духовных истин путем горячей, верной любви к высшему божеству.

Вамы́к — герой популярного восточного лирического сказания «Вамик и Азра».

Вара́наси — индийское название г. Бенарес, расположенного на берегу реки Ганги.

Васа́нта («Весна») — одно из имен бога любви Камадэвы.

Виндхья — горная цепь к югу от долины реки Ганги.

Ви́шну — по индуистским верованиям, бог — хранитель Вселенной.

-
- Газель** — форма лирического стихотворения с единой рифмой, наиболее распространенная в персоязычной поэзии.
- Гаури** («Светлая») — один из эпитетов богини Умы (Парвати) — супруги бога Шивы.
- Годавари** — река в Северо-Западном Декане, впадающая в Бенгальский залив.
- Гульмохур** — кустарник, цветущий красивыми ярко-алыми соцветиями.
- Гунджа** — кустарник с красными ядовитыми ягодами.
- Гуру** — учитель, святой наставник.
- Давуд** — библ. Давид, известный своей искусной игрой на арфе.
- Дастархан** — скатерть с угощениями.
- Десятиглавый** — властитель демонов Равана, над которым одержал победу легендарный герой Рама.
- Джамна** — см. Ямуна.
- Джатаки** — небольшое растение со сладко пахнущими цветами.
- Джахну** — легендарный могущественный мудрец и святой подвижник, поглотивший реку Гангу при ее нисхождении с небес и лишь по просьбе богов выпустивший ее снова на волю; вот почему одно из многих имен, которыми индийцы называют священную реку Гангу — «дочь Джанху».
- Джебраил** — арабизированная форма имени библейского небесного посланца — архангела Гавриила.
- Дукан** (духан) — харчевня, погребок, кабак.
- Заджам** — мифологический предок древних туранских богатырей.
- Зулейха** — возлюбленная легендарного красавца Юсуфа, образ страстной, ревливой, страдающей красавицы.
- Зуннар** — пояс, который в средневековых мусульманских странах обязаны были носить иноверцы. В поэзии выражение «надеть зуннар» означало отказаться от веры, от всего святого ради возлюбленной.
- Иса** — библ. Иисус Христос, признаваемый мусульманами как один из пророков. По преданию, дыхание Исы могло не только исцелять больных, но и воскрешать мертвых.

-
- Исрафил** — архангел, который звуком своей трубы должен возвестить наступление Судного дня.
- Йог** — человек, занимающийся упражнениями по системе йоги; по традиционным индийским понятиям, — святой подвижник, аскет, стремящийся к духовному прозрению.
- Йога** — древнеиндийская философская система, включающая в себя психические и физические упражнения, имеющие целью всестороннее совершенствование человека.
- Кааба** — храм в Мекке, одна из главных мусульманских святынь.
- Кагасур** — демон, один из приближенных Кансы, принявший облик ворона и пытавшийся выклевать глаза лежавшему в колыбели младенцу Кришне.
- Кадамба** — дерево, покрывающееся ярко-красными цветами в начале сезона дождей.
- Калам** — тростниковое перо, символ поэзии.
- Кали («Черная»)** — одна из ипостасей Умы, супруги бога Шивы, часто выступает в облике грозной богини-мстительницы.
- Камадэва** — согласно индийской мифологии, бог любви — незримый стрелок с луком из сахарного тростника, поражающий людские сердца пятью стрелами, сделанными из цветов.
- Кандарпа** — одно из имен бога любви Камадэвы.
- Канса** — жестокий демон-тиран, побежденный героем Кришной.
- Карма** — одно из основных понятий ряда индийских религий, согласно которому совокупность деяний человека в его прошлых земных воплощениях определяет его дальнейшую судьбу.
- Каури** — небольшая раковина; такие раковины использовались в Индии как мелкие монеты.
- Кетака** — белый цветок с сильным медовым запахом.
- Кейкубад** — легендарный царь древнего Ирана, символ могущественного и славного правителя.
- Кимшук** — см. палаша.
- Кобил (кокиль, коял)** — индийская черная кукушка; в поэзии — символ весны и любви.
- Кришна** — один из самых популярных в Индии мифологиче-

ских героев, главный персонаж бесчисленных произведений фольклора, литературы и искусства. Согласно древнеиндийской легенде, бог Вишну решил спасти людей от жестокой власти кровавого тирана — демона Кансы. С этой целью Вишну воплотился на земле в облике Кришны — сына праведного раджи Васудэвы и его супруги Дэваки. Злой Канса проведал о рождении мальчика, сулящего ему гибель, но боги помогли тайно отправить младенца в мирную сельскую местность Брэджд, в деревню Гокуль на берегу реки Ямуны, где юный Кришна воспитывался в семье простого крестьянина Нанды и его добродетельной жены Яшоды. В юности Кришна был пастухом; к этим годам относится пылкая любовь между ним и сельской девушкой Радхой. Возмужав, Кришна стал могучим и бесстрашным воителем, победившим жестокого демона Кансу и совершившим множество других геройских подвигов, а затем основал на западном побережье Индии государство Дварку и многие годы был его мудрым правителем.

Кунда — разновидность жасмина, отличающаяся снежно-белым цветом и тонким ароматом.

Курава́ка — дерево с мелкими, белыми, сладко пахнущими цветами.

Курку́ма — растение, из которого изготавливалась желтая душистая паста: ею женщины натирали себе тело перед ритуальным омоением во время «праздника летних купаний».

Курма — в древнеиндийской мифологии — исполинская черепаха, плавающая в Мировом океане и несущая на своей спине тысячеглавого змея Шешу, который держит на своих капюшонах весь земной мир.

Кусу́мбха — ярко-красный цветок; в поэзии — образ страстной любви.

Кута́джа — горный жасмин.

Кы́бла — направление в сторону Мекки, куда должно быть обращено лицо молящегося мусульманина.

Лал — рубин.

-
- Лбдхра** — тропическое дерево с ярко-красными цветами, не увядающими до глубокой осени.
- Мáдана** («Опьяняющий») — один из эпитетов бога любви Камадэвы.
- Мáдху** («Мед») — сокращение одного из эпитетов бога любви Камадэвы — «Мадхудипа» — букв. «светильник, в котором вместо масла — мед».
- Мáдху** — один из могучих, злобных демонов, убитых Кришной в пору его геройских подвигов.
- Мадхúка** — дерево с раскидистой кроной, цветущее весной белыми цветами. Из их высушенных сладких лепестков делают муку, пекут лепешки. Из этих же цветов изготавливают вино. Мадхука почиталась как «дерево любви», с ней были связаны старинные свадебные обряды.
- Мáйя** — одно из главных, изначальных понятий индийской философии, менявшее в течение веков свое содержание. В гимнах «Ригведы» (II тысячелетие до н. э.) майя означала могущественную силу богов и демонов. В более поздних религиозно-философских книгах «Упанишады» (VII—III вв. до н. э.) майя описывается как магическая способность Брахмана («Абсолютного духа») творить реальный, материальный мир. У крупнейших представителей веданты (основного направления индуистской философии начиная с VII—VIII вв.) майя понимается как иллюзорная видимость чувственно воспринимаемого нами мира.
- Малайский ветер** — южный ветер, теплый и ароматный, дующий с Малабара и предвещающий время весны и любви.
- Мáнас** — священное для индийцев озеро в Гималаях.
- Мáндара** — коралловое дерево с ярко-красными цветами; по мифологическим представлениям, растет в небесном царстве бога Индры; сидящий под этим деревом забывает обо всех мирских тревогах и страданиях.
- Манмáтха** («Волнующий сердце») — один из эпитетов бога любви Камадэвы.

-
- Мánтры** — священные заклинания.
- Меджнун** («Безумный») — широко известный на Востоке образ легендарного влюбленного, лишившегося разума и погибшего от любовной страсти; герой знаменитого восточного сказания «Лейли и Меджнун».
- Медресé** — мусульманское духовное училище.
- Мéру** — мифическая золотая гора в Гималаях, обитель богов.
- Муэдзýн** — служитель мечети, с минарета сзывающий мусульман на молитву.
- Най** — тростниковая флейта, символ музыки и поэзии.
- Нáнда** — старейшина пастушеского селения Гокуль, в доме которого рос и воспитывался юный Кришна.
- Наурúз** (навруз) — мусульманский новогодний праздник, совпадающий с днем весеннего равноденствия.
- Нíмба** (нíмбу) — разновидность лимона.
- Нирвáна** — согласно философии буддизма, блаженное состояние покоя, достигаемое путем полного отрешения от всех земных забот и переживаний.
- Палáша** (или кимшука) — дерево с яркими как пламя цветами.
- Пандít** — ученый-брахман, знаток священных писаний.
- Парабрáхма** — индуистское определение «наивысшей духовной реальности».
- Патáла** — дерево со светло-красными цветами.
- Пáтала** — подземный мир, царство бога смерти Ямы.
- Пулíнды** — племя неарийского происхождения, населявшее в древности горные области Северо-Западного Декана.
- Пúтна** — демоница, которая пыталась погубить младенца Кришну.
- Рáдха** — красавица-пастушка из селения Гокуль, возлюбленная Кришны в годы его юности.
- Рáкшасы** — мифические злые демоны, причиняющие людям всяческий вред. Считалось, что столица ракшасов находится на острове Ланка.
- Рáма** — герой древнеиндийской эпической поэмы «Рамаяна»; главный из его подвигов — победа над десятиглавым Раваной,

-
- властителем ракшасов (демонов), похитившим его юную, прекрасную супругу Ситу. Индийцы чтут Раму как одно из земных воплощений бога Вишну; именем Рамы часто называют высшее индуистское божество.
- Ра́ху** — исполинский демон, чья отрубленная богом Вишну бессмертная голова носится в небе, стремясь проглотить то луну, то солнце; согласно древнеиндийским мифам, этим объясняют лунные и солнечные затмения.
- Рубай** — вид лирического или лирико-философского четверостишия, наиболее распространенный в арабской, персоязычной и тюркской поэзии.
- Рúдра** («Ревущий», «Грозный») — одно из имен бога Шивы.
- Рóва** (или Нармада) — река в Северо-Западном Декане.
- Саадí Ширази́** — крупнейший персидский поэт XIII в.
- Санда́л** — тропическое дерево с душистой древесиной; так же называют изготавливаемую из него ароматическую мазь, употребляемую в косметических и лечебных целях.
- Сант** (букв. «сущий») — святой мудрец.
- Сапталá** (или навамáллика) — жасмин с белыми махровыми цветами, похожими на маленькие розы.
- Сельсебиль** — легендарный райский источник со сладкой, прохладной водой, упоминаемый в Коране.
- Сехáлика** — вид жасмина, белые ароматные цветы которого раскрываются в ночное время.
- Синдха́ва** (или Синдх) — область на северо-западе Индии.
- Сíрис** — индийская акация с белыми ароматными цветами.
- Сита** — жена легендарного героя Рамы.
- Сита́р** — индийский струнный музыкальный инструмент.
- Сма́ра** («Помнящий») — одно из имен бога любви Камадэвы.
- Сунбу́ль** — гиацинт, ароматные закрученные лепестки которого сравнивают с локонами красавицы.
- Сúрья** — бог Солнца.
- Та́пти (Та́ви)** — река в Северо-Западном Декане.
- Типу́-султан** — властитель Майсорского государства на юге Ин-

-
- дии, прославившийся своей героической борьбой против британских колонизаторов (конец XVIII в.).
- Трехокий** — один из эпитетов бога Шивы, изображаемого с третьим глазом между бровями.
- Трипу́ра** — крепость демонов, уничтоженная одною стрелой Шивы.
- Фарха́д** — герой широко известного восточного сказания «Фархад и Ширин». Стремясь заслужить любовь своей возлюбленной, совершил богатырский подвиг — прорубил русло для реки в скалистой горной гряде.
- Хадж** — обязательное для мусульман паломничество в Мекку.
- Ха́ри** («Зеленый», переводится также как «Уносящий», т. е. избавляющий от зла, грехов) — обычный эпитет бога Вишну.
- Хема́нта** — холодный сезон (ноябрь — декабрь).
- Хума́** (Хум, Хумай, Хумаюн) — сказочная вещая птица, приносящая людям счастье. По преданию, тот, на кого падет тень от этой птицы, становится царем. Вместе с тем сама птица Хума служит символом аскетической жизни, так как считалось, что она питается одними костями.
- Ша́кра** («Могучий») — один из эпитетов бога-громовержца Индры.
- Ша́кт** — почитатель Ша́кты, богини, воплощающей творящую энергию.
- Ша́мбху** («Милостивый») — одно из имен бога Шивы.
- Ша́стры** — древнеиндийские священные книги (веды, упанишады, пураны и др.)
- Ше́ша** — мифический тысячеглавый змей, на котором покоится Земля.
- Ши́ва** — одно из трех высших индуистских божеств (наряду с с Брахмой и Вишну); бог отшельников и аскетов; часто изображается в облике бога, танцующего грозный танец разрушения.
- Ширин** — героиня старинного восточного сказания «Фархад и Ширин».
- Ча́йтра** — месяц индийского календаря (март — апрель), начало весны.

-
- Чакбр (чакбра)** — индийская куропатка; согласно народному поверью, эта птица влюблена в луну и питается только лунным сиянием.
- Чáмпака** — дерево, цветущее ярко-желтыми цветами с острым запахом.
- Экта́ра** — индийский народный музыкальный инструмент с одной струной.
- Эра́нда** — растение с крупными круглыми листьями.
- Юсу́ф** — библ. Иосиф Прекрасный; праведный юноша, проданный в рабство своими братьями.
- Яку́б** — библ. Иаков; разлученный со своим любимым сыном Юсуфом, от горя теряет зрение, но, вдохнув запах присланной ему рубахи Юсуфа, вновь прозревает.
- Яма** — бог смерти, владыка подземного царства.
- Яму́на (или Джáмна)** — большая река, наиболее крупный приток реки Ганги.
- Яшба́да** — почтенная набожная крестьянка; согласно старинным легендам, была приемной матерью и воспитательницей юного Кришны.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия мудрости, любви и надежды. Ю. В. Цветков

6

ВСТУПЛЕНИЕ

17

ПЕСНИ ДАЛЬНИХ СЕЛЕНИЙ

Из пракритских лирических двустиший

29

ШЕСТЬ ВРЕМЕН ГОДА

Из лирических циклов Калидасы

97

УЗОРЫ ЛЮБВИ

Из санскритской антологической лирики

115

ТРИ СВИТКА РАЗДУМИЙ

Из поэзии Бхартрихари

139

НА ЦВЕТУЩЕМ БЕРЕГУ ЯМУНЫ

Из песнопений Видьяпати и Сурдаса

189

ВЕТВИ НЕВЯНУЩЕЙ МУДРОСТИ

Из средневековых лирико-философских двустиший

211

ОГНЕННАЯ ЧАША

Из персоязычной и урдуязычной лирики

231

ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ

Из лирики Рабиндраната Тагора

263

ПРИМЕЧАНИЯ

319

ГЛОССАРИЙ

326

*Литературно-художественное
издание*

КОЛЕСНИЦА СОЛНЦА

**Восемь тетрадей
индийской классической лирики
в переводах С. Северцева**

Редактор А. А. ЯНГАЕВА

Младший редактор Г. А. БУРОВА

Художник В. Б. ПЕРЕБЕРИН

Художественный редактор Э. Л. ЭРМАН

Технический редактор М. В. ПОГОСКИНА

Корректор М. С. ЕФИМОВА

ИБ № 16595

Сдано в набор 11.01.88. Подписано к печати 26.07.90.
Формат 60×90¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. п. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 21,44.
Уч.-изд. л. 10,03. Тираж 10 000 экз. Изд. № 6304.
Зак. № 3510. Цена 7 р.

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»**

**Главная редакция восточной литературы
103051, Москва, К-51, Цветной бульвар, 21.**

**Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16**

КОПЕСНИЦА

СОЛНЦА

КОЛЕСНИЦА

СОЛНЦА

И(Инд)
К 60

КОЛЕСНИЦА
СОЛНЦА